

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ КОТА ДЕМАГОГА

Повесть-сказка

От автора

Дорогой мой юный читатель!

Открывая эту книгу, ты попадаешь в удивительный мир. Он населен кошками. Он полон неожиданностей и приключений. В нем разгорается нешуточная борьба между теми, кто хочет честной и справедливой жизни, и теми, кто привык жить, обделяя и обижая других. И вот на что ты наверняка обратишь внимание. Четвероногие персонажи книги и разговаривают, как люди, и поступают во многом совсем как они. Но ведь недаром народная поговорка утверждает, что сказка — ложь, да в ней намек. И эта — тоже не исключение. А намек в ней, прежде всего, на нашу сегодняшнюю действительность, где, к сожалению, не хватает любви, доброты, тепла и сердечности.

Рассказывая о благородном коте Демагоге и его друзьях, отважно сражающихся с бандой Рваного Уха, я, безусловно, стремился к тому, чтобы ты читал с увлечением, переживал за персонажей книги. Но эта была не единственная и, наверное, не главная моя цель. Еще больше, мой юный читатель, мне хотелось, чтобы, перевернув последнюю страницу, ты задумался о таких важных вещах, как настоящая дружба, любовь ко всему живому на земле, и чтобы тебе, беря пример с главных героев этой сказочной повести, непременно захотелось бы стать честным, сильным, добрым и справедливым. И я думаю, что это у тебя обязательно получится!

Ну а теперь перевернем следующую страницу и познакомимся поближе с котом Демагогом, его друзьями и врагами.

ЧАСТЬ I. ЗНАКОМСТВА

ГЛАВА 1 .Тигр в дорожной сумке

Начинался июль. Город изнывал от жары. Плавился асфальт. Паря перегретыми радиаторами, автомобили просили пить. Люди прятались от лучей палящего солнца под шляпами, кепками, косынками и даже зонтиками. Собаки, вывалив языки чуть не до земли, дышали часто и запаленно.

Демагогу тоже было жарко. Тем более что сидел он в большой серой дорожной сумке, которая застегивалась сверху молнией. К счастью, застегнута она была не на всю длину, и в оставшийся просвет Демагог мог высунуть голову. Что он без промедления и сделал, как только электричка тронулась.

Сначала из сумки показались мохнатые полосатые уши, затем — и вся кошачья голова, которая тут же стала с любопытством осматриваться по сторонам.

— Ого! — изумленно сказал сидевший напротив мужчина. — Вот это голова! Каких же размеров тогда сама киска? Или там вовсе не кошка, а тигренок?

— Выпустите его из сумки — жарко же! — сказала соседка мужчины.

«Очень разумное предложение!» — согласился про себя Демагог, а его хозяйка, двенадцатилетняя Наташа, вопросительно взглянула на свою маму.

— Ладно уж, возьми его на колени, — разрешила мама, и девочка расстегнула молнию.

Кот радостно рванулся из сумки и, наверное, выпрыгнул бы, если бы Наташа вовремя не перехватила его поперек туловища.

Несколько мгновений, пока мама убирала сумку, девочка, приподняв кота под мышки передних лап, держала его на весу, словно демонстрировала своего питомца на кошачьей выставке строгим судьям. А посмотреть было на что...

Все в фигуре этого здорового сибирского тигрового кота с пушистым, как у белки, хвостом было внушительным: и крупная, с широким носом, голова, и круглые изумрудные глаза, и сильное грациозное туловище с мощными мохнатыми лапами...

Расцветки кот тоже был редкой. Спина — темно-коричневая, живот палевый, а бока и лапы разлинованы, одна другую меняющими, темно-серыми и медово-янтарными полосами. От бежевого, словно цветным фломастером нарисованного, сердечка его носа к глазам и ушам убегали такие же двуцветные полоски. А шею и подбородок кота закрывал белый бархатистый воротничок-манишечка.

— Вот это котик! — восхищенно сказал мужчина напротив. — У меня Жучка меньше, чем он.

И началось то, что всегда происходило, когда Демагога видели впервые: его жадно рассматривали, о нем наперебой расспрашивали, его умильно «кыскали», и если бы он как представитель рода человеческого умел расписываться, то, наверное б, приставали с автографами.

Ко всему этому Демагог давно привык и относился к восторженной публике со снисходительным безразличием уставшей от славы и обожания кинозвезды. На что, впрочем, имелись некоторые основания.

Дело в том, что Демагог вырос в семье (и сейчас там жил) довольно известного в их большом городе профессора. Профессор даже снимался в телепередачах. Для этого съемочная группа приезжала к ним домой. Профессор о чем-то рассказывал, сидя за своим рабочим столом и глядя в телекамеру, а кот, как всегда, лежал слева от хозяина на стопке бумаг и, не мигая, смотрел на него, отчего казалось, что он ловит каждое хозяйское слово.

Телевидение снимало Демагога и отдельно — когда он стал победителем крупной кошачьей выставки.

Победа на ней давала ему право поехать на знаменитый фестиваль «Суперкиска». Только вот денег на дорогу почему-то не давала. А у профессора средств, чтобы свозить своего питомца за границу, тоже не нашлось.

Общество кошкочлюбов на профессора за это сильно обиделось: еще бы — не мог ради родного котика постараться, каких-то несколько сотен иностранных монет достать! У самого нет — попросил бы у богатых дяденек, которые спонсорами называются...

Профессор, однако, хоть и не старый еще был человек, но старомодный, от современной жизни явно отставший. Он полагал, что поездку Демагога в Европу должны оплачивать те, кто признал его образцом кошачьей красоты. А если такое путешествие и вовсе не состоится, то все равно ничего страшного — никакого проку, считал профессор, от этих конкурсов красоты нет. Дома от Демагога толку больше.

Наверное, первое, что приходит в голову, когда заводят разговор о кошачьей пользе, — это мыши. Как сказал бы знаменитый поэт: мы говорим — кошка, подразумеваем — мышка, и наоборот. И в отношении многих кошек это действительно справедливо. Но Демагог в их число не входил. Прожив на свете три с половиной года, мышей он в своей квартире видел только по телевизору, поэтому первейшему кошачьему делу обучен не был.

Тогда о какой же пользе речь?

Профессор считал, что Демагог помогает ему работать. Как только хозяин усаживался за письменный стол, кот, растянувшись на полстолешницы, устраивался по левую руку от него. Правой профессор листал книги, перебирал бумаги, что-то писал, а

левой поглаживал прижмурившегося от удовольствия, громко мурлыкающего кота. Демагог, утверждал профессор, помогал ему сосредоточиться и способствовал усиленному «мыслеварению».

Погладить Демагога любил не только профессор. У каждого в этой семье рука к шелковистой шерстке кота тянулась. Жена профессора была уверена, что Демагог снижает кровяное давление, а Наташа просто любила слушать его мурлыканье, поэтому, «поработав» с хозяином, кот перекочевывал то на плечо девочки, то на плечо ее мамы. Впрочем, он нисколько не возражал, так как хорошо всем известно, что самое большое удовольствие для любой кошки — прокатиться на хозяйском плече.

Но отличался Демагог и некоторыми особенными способностями. Умел, например, давать лапу. Подумаешь, скажете! Собаки тоже могут. Собаки — да, у них это — от природы. Кошки же — совсем другое дело! Тем более что Демагог проделывал это с особым шиком и изяществом.

К профессору, случалось, наезжали гости из других городов и даже стран. Демагог первым встречал их у порога и как радушный хозяин каждому приветственно протягивал свою мохнатую полосатую лапу. Гости восхищались, гости умилялись, гости были сражены наповал. Уезжая, они увозили с собой воспоминания об удивительном коте и рассказывали о нем дома легенды.

— А как вашу кису звать? — спросили за Наташиной спиной.

— Демагог, — ответила девочка и увидела, как расширились и округлились от удивления глаза у мужчины напротив.

— Странное для кота имя, — заметили за спиной.

Демагогу надоело сидеть на одном месте, и он легко вспрыгнул на спинку сиденья.

— Я бы его Мыслителем назвал, — сказал все тот же голос за спиной. — У него выше переносицы темные полоски буквы «М» образуют.

Замеченную пассажиром деталь во внешнем облике Демагога его хозяева обнаружили давным-давно. Поначалу Наташа с Мамой тоже хотели окрестить его Мыслителем, но профессор рассоветовал. «На букву «М» многие слова начинаются: моряк, к примеру, или мармелад. К тому же Мыслитель — имя, ко многому обязывающее, ему еще соответствовать надо. А нашему котику, мне кажется, пока больше имя Демагог подошло бы, — рассудил папа-профессор и пояснил: — Слишком болтливый. В Древней Греции пустых болтунов демагогами называли».

Кот и вправду был «разговорчивым»: все время то мяукал, то мурлыкал, не утихая даже тогда, когда лакал из блюдца молоко.

Наташа сначала немного обиделась за питомца, но, подумав, согласилась с отцом: что подделаешь, если и в самом деле — говорун. К тому же, это по-русски «болтун» не очень-то привлекательно звучит, а вот по-гречески — Демагог — так очень даже ничего, красиво даже. И фигуре соответствует.

Так и стал кот Демагогом. Правда, полным именем называли его довольно редко — в основном, когда представляли гостям или регистрировали на кошачьих выставках. Дома же, для семьи, он был просто Дима. Хотя самому коту больше нравилось по-гречески. Все-таки Дима звучало как-то не очень серьезно и солидно и умещалось всего в два кошачьих «мяу», тогда как Демагог было куда внушительнее и растягивалось уже на три «мяу».

Распушив хвост, кот, стоя на спинке сиденья, осматривал вагон электрички. Он уж, было, собрался прыгнуть в соседний отсек, но тут его ловко перехватили мамины руки и бесцеремонно водворили обратно в сумку. Демагог попытался вырваться, но застежка-молния оказалась проворнее и стремительно сомкнула створки над его спиной.

— Все, Димочка, все, мальчик, приехали, — сказала Наташа.

Мама подхватила сумку, и они пошли к выходу.

ГЛАВА 2. Улица Счастливая

Именно так называлась утопающая в зелени улица дачного поселка, где расположилась профессорская дача. Улица пролегла по небольшой ложбинке, была очень тихой и уютной. Машины здесь появлялись редко, и середина ее заросла мягкой муравой, приятно щекотавшей пятки.

К улице с пригорка вел узкий, похожий на щель, проход между штакетниками соседних садовых участков. Он упирался в деревянный дом с мансардой.

К нему и направились мама с Наташей. Наконец сумку поставили на крыльцо и расстегнули. Демагог стал поспешно выбираться наружу.

Мама отперла входную дверь, занесла в дом авоськи с провизией, которые они с Наташей тут же взялись разбирать.

Демагог, растерянно озираясь, стоял на крыльце и не знал, что делать дальше и куда ему теперь податься.

Дача у профессора появилась совсем недавно, нынешней весной, и семья еще как следует не обжила свое владение. Демагог и вообще очутился тут впервые.

Ему редко удавалось попадать за стены их городской квартиры. Демагог, конечно, знал, что существует другой мир, но за его жизнью приходилось обычно наблюдать через оконное стекло. Там ездили машины, ходили незнакомые люди, бегали собаки, но прозрачная преграда кота к ним не пускала.

Здесь не было ни машин, ни громадных зданий. Даже воздух пах здесь совсем по-другому. Если в их панельной девятиэтажке, перешибая все остальное, царил дух бетонного колодца, от которого терялся аппетит и клонило в сон, то тут в нос Демагогу ударили десятки новых, остро волнующих запахов. Трепеща ноздрями, кот жадно принюхивался, пытаясь понять, откуда они берутся и от чего исходят.

Постояв еще несколько мгновений в раздумье, Демагог решил сначала исследовать новое жилище. Перешагнув порог дома, он оказался на просторной веранде, служившей одновременно кухней, о чем говорила белевшая в углу кирпичная печь.

Кот деловито обнюхал веранду, обнаружил неподалеку от входа свою кошачью посуду — мисочку для рыбы и блюдце для молока — и понял, что приехал сюда надолго.

Сразу за верандой Демагог увидел большую комнату, обклеенную обоями с цветочками. Она его мало заинтересовала. Комната и комната. Почти такая же, как в их городской квартире. Даже диван у окошка знакомый. Помнится, нынешней зимой он на нем спал. Для верности кот обнюхал диванный подлокотник. Вот, кстати, и его отметины — глубокие царапины от когтей на дерматине.

Наверх из веранды вела винтовая лестница. Здесь, в мансарде, Демагог тоже обнаружил комнату. Только поменьше. Она служила спальней. Кот понял это, заметив у стены две кровати.

Окно спальни выходило на улицу Счастливую. Из него хорошо просматривались пригорок напротив и щель между заборами, по которой они совсем недавно спускались сюда, к даче.

Демагог посидел на подоконнике, полюбовался цветочками в соседнем огороде, но тут вспомнил, что не успел проверить еще одно место, и поспешил вниз. Он кубарем скатился с лестницы и оказался перед узенькой фанерной дверцей слева от входа.

Дверца была приоткрыта, и, проскользнув в нее, кот оказался в полном мраке.

Темнота не пугала его. Кошки в ней хорошо видят. Демагог осмотрелся и обнаружил на стенах деревянные полки с какими-то банками, кульками, свертками на них. Пахло чем-то вкусным, и кот догадался, что он в кладовке.

Другая кошка на его месте, наверное, попыталась бы что-нибудь стянуть, но Демагог был хорошо воспитан и не воровал. Да и зачем? Голодным он никогда не был, а красть просто так... Нет, он был честным котом!

Куда больше кладовки заинтересовал его темный квадратный проем в полу, откуда тянуло прохладной земляной сыростью. Демагог втянул носом влажный воздух и заглянул вниз. Метрах в полутора он увидел землю и, чуточку поколебавшись, прыгнул.

Если бы Демагог был котом деревенским или жил в частном доме, он сразу бы догадался, куда ведет квадратная дыра в полу. Но в громадных девятиэтажках, которые стоят на вбитых в землю железобетонных гвоздях-сваях, подполий не было. Да и все познания о доме за пределами их квартиры кончались у Демагога лестничной площадкой и мусоропроводом. Поэтому с новым помещением под полом следовало разобраться.

Демагог обежал подполье. Сквозь узенькие щели-оконца в стенах из серого грубого камня пробивался свет. Встав на задние лапы, Демагог попробовал просунуть в одно из них свою морду, но безуспешно. Хотя кошке помельче это, наверное, не составило бы труда. Значит, сделал кот вывод, покинуть дачу можно только через входную дверь на веранде. Данное обстоятельство его, однако, не очень расстроило: дело привычное — в их городской квартире тоже всего один выход.

Демагог внимательно обнюхал под собой землю, поскреб ее лапой, и тут кошачий инстинкт подсказал, чем может и должно служить ему подполье. Конечно же — кошачий туалет! Правда, он совсем не похож на теплый квартирный с голубоватым сияющим унитазом, в котором журчит вода. Не видно и рычажка с пластиковой черной шишечкой на сливном бачке, который Демагог любил потянуть лапой вниз, чтобы вызвать бурный водопад. А вместо сверкающего кафеля по стенам — серые камни. Но ведь и на квартиру дом этот мало похож...

Разобравшись с подпольем, Демагог почувствовал себя гораздо увереннее. Жить, оказывается, можно и на новом месте.

Кот выбрался наружу. Он перешагнул через порог на крыльцо, по его ступенькам спустился на выложенную из кирпичей площадку. От нее начинался деревянный дощатый тротуар, деливший дачный участок на две равные половины. Демагог ступил на тротуар и двинулся вперед.

Обе половины участка были заняты грядками: одни — поменьше, другие — побольше. От одних исходили знакомые запахи лука, чеснока, другие пахли чем-то непонятным. Но самый тонкий и нежный аромат издавали кустики садовой земляники, которую называют еще «викторией». Она розовела крупными, наливающимися спелостью ягодами. Демагог даже лизнул одну. Жаль, что несъедобная!

Тротуар упирался в дощатый сарайчик. В открытой его двери виднелись лопаты, грабли, еще какие-то садовые инструменты. Место, конечно, было тоже очень интересное, но оно, решил кот, пока может подождать, а сначала лучше выяснить, что там, за сараем.

Справа от сарая рос крыжовник. Демагог узнал позже, как называются эти страшно колючие кусты, но возненавидел их сразу, как только сунул в них свой любопытный нос.

— Мя-а-а-а-у-у! — взвыл он дурным голосом, уколотившись, и шарахнулся в противоположную от сарая сторону. Но здесь его подстерегала новая неожиданность...

ГЛАВА 3. **Сторожевой кот Минтай**

Демагог перепрыгнул канаву и нос к носу столкнулся с поджарым, цвета пыльного асфальта котом. Выгнув спину, он предупреждающе шипел, но сам в то же время трусовато пятился. Усы у кота топорщились, шерсть дыбилась, и весь он был такой взъерошенный, словно по нему только что провели против шерсти щеткой пылесоса.

Демагог с интересом смотрел на незнакомца.

— Здравствуйте, — поприветствовал он его наконец.

— Салют! — настороженно откликнулся асфальтного цвета кот и опустил спину. — Чего орешь? — спросил он.

— Уколотся об этот куст, — признался Демагог.

— Не суй нос в крыжовник. Он колючий, — посоветовал незнакомец. — В шиповник — тоже, — помолчав, добавил он. — Но хуже всего — крапива. Будто кипятком ошпаривает, — подвел итог соседский кот.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Демагог, — не знал. Меня сюда только сегодня привезли. Вот, окрестности изучаю, — объяснил он.

— Так ты новенький! — как-то сразу успокоился и обрадовался незнакомец. — Тогда еще простительно... На первый раз. Но в следующий — границ не нарушай.

— Границ? — озадачился Демагог.

— Ты что — с Луны свалился? Не знаешь, что у каждой кошки должна быть своя территория? — в свою очередь удивился асфальтово-серый кот. — Как же ты дома с другими кошками ладишь?

Как?.. Демагог задумался...

Территорию квартиры, в которой он жил с профессорской семьей, делить ему было не с кем. По ней он гулял сам по себе, где хотел — ходил, где нравилось — спал. За пределами квартиры оказывался редко, но и там... Соседи по лестничной площадке животных не держали, поэтому никаких проблем у него не возникало.

— Да ты, брат, просто неграмотный какой-то! — покачал головой сосед.

— Ничего подобного! — оскорбился за «неграмотного» Демагог. — Я профессорский кот! — гордо задрал он свой пушистый хвост. — Меня зовут Демагог.

Кот цвета асфальта с уважением посмотрел на Демагога, а с особой завистью на пышный трубой хвост, и примирительным тоном сказал:

— Да я ничего... Я не в том смысле... Просто... Ты еще у нас здесь не осмотрелся, не обнюхался, а я уже давно тут живу, знаю, что к чему. Не смотри, что заборов между участками нет. Попробуй только на чужую грядку залезть — мигом хозяева об тебя палку обломают или камнем угостят. И кошка любая на своей территории запросто тебе может глаза выцарапать...

Последние слова асфальтово-серый сосед произнес, правда, не очень уверенно.

— Извините, пожалуйста, я постараюсь так больше не поступать, — пообещал Демагог.

— Да ладно... — простил незлобивый сосед. — С кем не бывает! Кстати, меня Минтаем зовут. Сторожевой кот Минтай — если полностью, — представился он.

— Как? — опешил Демагог. — Но ведь минтай — рыба! Я ее на обед ем...

— Да знаю, что рыба! — сокрушенно махнул лапой Минтай. — Только вот и меня тоже... как рыбу эту назвали. Тут, Демагог, такая вышла история...

«Сторожевым котом Минтаем» новый приятель Демагога стал следующим образом.

Его мама, беспородная серая Муська, жила у дворничихи Никитичны и регулярно, по два раза в год, одаривала свою хозяйку несколькими котятами. Сердобольная Никитична не могла взять грех на душу и новорожденных, как некоторые, не топила. Она раздавала их своим знакомым или же просто жильцам дома, двор которого убирала. Правда, делать это с каждым днем становилось все труднее, потому что мода пошла на животных породистых, а Муська была обыкновенная городская дворовая кошка и рожала самых обыкновенных, серых, как асфальт, который подметала Никитична, котят-дворняг. Поэтому и хозяева находились для них далеко не всегда самые лучшие. Хорошо если какая-нибудь бабушка-пенсионерка приласкает-обогреет. Но чаще попадались люди непутевые, которые не то что кошку, а иногда ребенка-то собственного покормить забывали.

Ну а Минтай попал к слесарю Федякину из того же ЖЭУ, где служила Никитична.

Когда дворничиха принесла ему котенка, Федякин только-только открыл поллитровку и горлышком бутылки целился в один из сдвинутых перед ним стаканов нескольких товарищей, забежавших к нему на огонек после трудового дня. Поллитровка, судя по всему, была в этот вечер не первой, потому что собутельники животине как-то

чересчур обрадовались. Котенок тут же пошел по рукам, а кто-то даже предложил новому «корешу» тоже капнуть граммулечку.

«Я вам капну!» — сурово осадил мужиков Никитична.

Тогда Федякин поставил перед котенком початую банку консервов «Минтай в масле».

«Раз пить тебе нельзя — хоть закуси», — сказал он.

Консервы котенку понравились, и он стал их с аппетитом уплетать.

«Во мечет!» — одобрительно зашумели товарищи Федякина, а тот, кто предлагал котенку «капнуть граммулечку», посоветовал слесарю: «Ты его, Федякин, Минтаем назови. Самая для него подходящая кликуха».

Так и стал котенок Минтаем.

Федякин был, в общем-то, неплохим человеком. Правда, любил пить вонючую жидкость, от которой огнем обжигало горло, перехватывало дыхание и лезли на лоб глаза. (Однажды, когда хозяин спал, Минтай запрыгнул на стол и из любопытства лакнул пару раз из недопитой рюмки). Гадость эту Минтай сразу же возненавидел от всей души. А заодно и тех, от кого ею пахло. Если не считать Федякина. Федякин был исключением. Родной все-таки, хозяин! Да и кота он не обижал, по-своему даже и любил: не забывал вместе с бутылкой купить на его долю «Минтая в масле».

Другое дело — собутыльники Федякина. Их Минтай, как хорошая собака, чуял издалека. Они еще только подходили к дверям подъезда, а Минтай уже выгибал спину дугой и угрожающе шипел. Когда же гости появлялись на пороге, норовил цапнуть за ногу или руку, если кто делал попытку его погладить.

«Ишь, ты! — удивлялись собутыльники. — Он тебя, Федякин, будто пес охраняет. Сторожевой котяра! С таким замка не надо. Никакой вор не пройдет!»

С тех пор и пошло: сторожевой кот Минтай — и все тут!

— Теперь и сам иногда начинаю верить, что сторожевой, — вздохнул Минтай, — хотя и понимаю, что таких не бывает.

— А у вас здесь тоже дача? — поинтересовался Демагог.

— Да. Мы с Федякиным ваши соседи. По трубе возле канавы — граница участков.

— А что такое «слесарь-водопроводчик»? — спросил Демагог, посмотрев на трубу возле канавы, которую он недавно перепрыгнул, и вспомнив, что именно так отрекомендовал Федякина Минтай.

— Водопроводчик — главный человек по воде, — пояснил сосед.

— Как по воде?

— А так. Если, например, у вас на кухне или в ванной кран сломался, надо звать Федякина, потому что он по этим делам мастер и в два счета все сделает. А если не вызовите, то вас затопит, — сказал Минтай, и было видно, что он за хозяина сейчас гордится.

— Минтай, холера бродячая, ты где? — раздался позади них хриплый мужской голос. — Жрать иди! Банку уже открыл!

— Федякин!.. — встрепенулся Минтай и заторопился. — Обедать пора. Пока! Заходи. Или я к тебе...

Минтай затрусил по дорожке вглубь своего участка. Демагог посмотрел ему вслед и вдруг почему-то пожалел, что не его хозяин-профессор, который знает, кажется, все на свете, но сам не умеет починить кран, — «главный человек по воде».

ГЛАВА 4. Будем знакомы, господин Лорд!

Демагога обедать еще не звали, поэтому домой он не спешил. Он неторопливо двинулся вдоль канавы, которая уходила куда-то далеко-далеко, теряясь среди мать-мачехи и подорожника.

Демагог уже начал присматривать укромное местечко, чтобы подремать в тенечке, как вдруг прямо над головой услышал грозное: «Р-р-р!..».

Кот вздрогнул, шерсть у него на загривке непроизвольно вздыбилась. Подняв голову, он увидел прямо перед собой огромного светло-коричневого дога.

— Кто такой! — прогавкал пес.

— Я? Кот! — ответил Демагог и, словно бы в доказательство, распушил свой великолепный, как у белки, хвост.

— Вижу, что не собака, — насмешливо оскалил дог страшные клыки. — Я спрашиваю: откуда взялся и по какому праву топчешь землю чужого участка?

Демагог вспомнил недавние наставления Минтая по поводу границ и подумал, что, наверное, он опять их нарушил, и гнев пса, видимо, справедлив, тем более что собаки — животные действительно сторожевые и самой природой призваны охранять свои территории. (Демагог знал это еще и потому, что по субботам смотрел вместе с Наташей постоянную телепередачу о собаках).

В теперешнем его положении, вероятно, благоразумнее всего было бы дать деру или стремглав взобраться на ствол ближайшего дерева. Но, во-первых, никаких деревьев на участке не наблюдалось, а во-вторых, Демагог чувствовал свою вину, и уйти просто так, не извинившись, ему не позволяло воспитание. Ко всему прочему, пес ему просто нравился. Перед ним сидел не какой-нибудь дворový олух-пустобрех, а редкой породы дог, в котором ощущались и ум, и сила, и благородство.

Демагог не ошибался. Строгий пес действительно был умной, благородной, а еще и образованной собакой. Он с отличием окончил школу высшего собачьего мастерства, побеждал на разных выставках и соревнованиях. Его воспитывали в строгих правилах собачей чести и дисциплины, поэтому и в других животных он не терпел нахальства и разгильдяйства.

— Прощу меня извинить, — вежливо сказал кот, — но я на даче первый день, и пока не очень хорошо изучил здешние порядки. Если я сделал что-то не так, простите, пожалуйста...

Готовый вырваться устрашающий рык, от которого уходила душа в пятки не только у кошек, но и многих-многих собак и даже людей, так и застрял в пасти изумленного дога. Таких учтиво-вежливых, готовых осознать свои ошибки котиков он еще не встречал. С нескрываемым интересом пес уставился на пришельца. И сразу вспомнил про Котофея Ивановича из сказки, которую его хозяин перед сном читал внучке. Слушая, девочка допытывалась у деда:

«А Котофей из сибирских лесов пушистый? А он полосатый? А хвост у него трубой? А он на тигра похож?..». Стоявший сейчас перед ним котик словно бы разом отвечал на все вопросы маленькой его хозяйки.

— Ну хорошо, — после некоторой паузы согласился дог. — Будем считать, что поступок совершен непреднамеренно.

— Это больше не повторится! — заверил Демагог.

— Ладно, — совсем смягчился пес. — Раз зашел, давай знакомиться.

— С удовольствием! — сказал кот и, протянув лапу, представился: — Демагог.

И снова поверг благородного пса в изумление.

Да, воспитанная собака, если ее попросят, обязана подать лапу. Но чтобы то же самое проделывала кошка... Впрочем, решил дог, еще раз осмотрев пушистого красавца, от этого, наверное, можно и не такого ожидать.

— А я — Лорд! — отрекомендовался он и в свою очередь протянул лапу.

— Очень приятно! — промурлыкал Демагог и со знанием дела поинтересовался (не зря же телепередачу о собаках смотрел): — У вас, мне кажется, отличная родословная?

— О, да! — с уважением посмотрев на необычного кота, подтвердил пес. — Мои предки — чистокровные английские доги до десятого колена!

— А я — сибирский тигровый, — объяснил Демагог. — Тоже редкая порода...

Они поболтали еще немного о том, о сем и расстались совсем приятелями.

Кое у кого из юных читателей, наверное, уже вертится на языке вопрос: как же собака и кошка могут так запросто друг с другом разговаривать — ведь языки-то у них разные? Ну, во-первых, не настолько уж и разные, чтобы коту совсем не понимать, о чем лает пес, и наоборот. А во-вторых, животные и звери разных пород при нужде общаются с помощью особого, понятного для всех них языка, который можно сравнить с международным человеческим языком эсперанто. Но если человеку эсперанто нужно учить специально, то животных такому связующему языку обучила с рождения сама природа. Так что, юные мои друзья, не удивляйтесь, если и дальше в повести кошка вдруг заговорит с собакой или каким-нибудь другим животным.

ГЛАВА 5. Пуфик, Пуфик, отзовись!

Как учтивый хозяин Лорд проводил гостя до калитки и показал, в каком направлении идти.

Неспешно ступая по мягкой траве, которой заросла улица Счастливая, Демагог, находясь под впечатлением от встречи с благородным догом, размышлял:

«Вот говорят — как кошка с собакой... Вражда, говорят, между ними... А, помнится, Наташа как-то рассказывала, что у ее подруги кошка вместе с собакой живут. И ничего. Уживаются. Без вражды. Значит, можно, если захотеть...»

Он уже подходил к своей даче, когда с пригорка напротив донесся протяжный и высокий, слегка дребезжащий женский голос:

— Пу-фик! Пу-фи-чек! Пу-финь-ка! — звал он. — Где ты, мой маленький?

Демагог прислушался, соображая, кому могли дать такое имя. Само слово коту было знакомо. Пуфик — низенькая, с мягким плюшевым сиденьем табуреточка — стоял в комнате Наташи рядом с ее кроватью. На пуфике кот любил вздремнуть после обеда. Неужели голос звал этот самый пуфик-табуреточку?

Демагог добрался до своей калитки, протиснулся под ней, но сразу к крыльцу не пошел, а, обогнув, дом с фасада, очутился в тени смородиновых кустов, росших на этом краю огорода.

— Пу-фик! Пу-фи-чек! Пу-финюш-ка! — снова раздалось с пригорка. — Где же ты, моя кисонька?

«Кисонька? — удивился Демагог. — Неужели кошке табуреточную кличку дали?»

— Да здесь я, здесь... — вдруг услышал он недовольное ворчание совсем рядом с собой и увидел под веткой смородины незнакомого белого кота.

Пушистый и упитанный, он безмятежно лежал на прохладной черной земле и тарачился на Демагога невинными голубыми глазами. Увидев хозяина участка, он не вскочил, не поспешил убратся восвояси, а лишь слегка вытянул навстречу белоснежную свою мордочку с розовым сердечком носа и дружелюбно шевельнул хвостом: привет, мол, парень, располагайся рядом.

Если бы Демагог встретил этого белоснежного кота часика два назад, когда только начинал свой обход, то такое поведение незнакомца воспринял бы, вероятно, как должное, но сейчас... Теперь у него появился кое-какой опыт новой жизни: ему уже было известно, что такое «граница» и «своя территория».

Демагог присел, приготовившись к прыжку. Черные его зрачки сузились, стали похожими на семечки. Между подушечек лап показались острые кривые когти...

До белоснежного кота наконец дошло, что дело принимает серьезный оборот, и он попятился назад. Однако Демагог не мог позволить так просто уйти.

— Ты кто такой и по какому праву разгуливаешь по моей территории? — угрожающе спросил он.

— Я не разгуливаю, я лежу, — миролюбиво уточнил белоснежный гость.

— У тебя что — своей дачи нет?

— Есть. Вон там она, на пригорке, напротив.

— Там и валяйся.

— Там не могу.

— Почему?

— А вон слышишь? — мотнул белоснежный головой в сторону пригорка.

— Пу-финь-ка! Ко-тик! Иди, родненький, домой, молочка налью свеженького, деревенского... — продолжал звать-умолять слегка дребезжащий женский голос.

— А-а... Так это ты — Пуфик! — догадался Демагог.

— Я, — подтвердил белоснежный. — И так всегда, — сокрушенно вздохнул он. — Как отправляюсь гулять, так начинается... Куда ни пойдешь, только и слышишь: Пуфик да Пуфик. Заколебала! Шагу свободно не ступить...

Пуфик жаловался на судьбу, а Демагог, уде забыв, что минуту назад был готов броситься на незнакомца, сейчас искренне сочувствовал ему.

Страдания Пуфика были ему понятны, хотя на жизнь у профессора жаловаться было вроде бы грех. Там его все любили, он всех — тоже. Хотя к каждому относился по-разному: профессору, как мы уже знаем, помогал работать; без его жены и Наташиной мамы — жизни вообще себе не представлял, потому что она всю семью, и его в том числе, кормила завтраком, обедом и ужином; с Наташей, большой выдумщицей на разные игры и забавы, было просто весело. И все бы ничего, да тесно было коту в квартире. Сковывали бетонные стены, преграждала путь в другой мир входная дверь, за которую он при каждом удобном случае норовил выскользнуть сначала на лестничную площадку, а там...

Там была свобода, там можно гулять самому по себе, там шла совсем иная жизнь, которую он мог наблюдать лишь через оконное стекло.

Демагог любил свою семью. Оказавшись на свободе, погуляв вдоволь, он обязательно вернулся бы назад, но Наташа с мамой очень боялись, что он не найдет домой дорогу или кто-нибудь его украдет, а потому следили за ним пуще глаза. И только на даче Демагогу удалось впервые улизнуть от бдительного ока своих хозяев.

— Думал на даче вольно погулять, — продолжал про свое Пуфик. — А тут то же самое: «Пуфик, не лезь на грядку. Пуфик, не ходи по лужам...» — передразнил он свою хозяйку.

— Пу-у-фик!!! — повис в знойном мареве плачущий возглас. — Куда же ты запропастился?

— Ладно, пойду, пожалуй, — поднялся белоснежный. — Жаль ее все-таки. Вообще-то она добрая. На своей подушке спать разрешает. И кормит прилично. — Он секунду помолчал и добавил: — А что к тебе на участок забрел — извини. Раньше тебя тут не было, ничейная, получается, была территория, вот я и спасался. Залезу в кусты и отлеживаюсь. Да, а как тебя зовут?

— Демагог... Хотя можно просто Дима.

— Ну, пока, Дима! Пойду. Еще увидимся. Приятно было познакомиться.

И с неожиданной для его упитанной фигуры прытью Пуфик юркнул в гущу смородиновых кустов. А через несколько мгновений его белую спину Демагог увидел уже на склоне пригорка.

— Пуфинька вернулся!!! — тут же ударил в уши радостный вопль, который невольно заставил подумать Демагога о том, что, наверное, и его тоже заждались.

Его действительно потеряли.

— Кыс-кыс-кыс! — жалобно звала Наташа, заглядывая в борозды между грядками.

— Я же говорила, смотри за ним как следует, — отчитывала дочь мама, тоже «кыская».

А на крыльце в одних плавках сидел профессор и в таком пляжном виде — поджарый, стройный — вовсе не походил на профессора.

Неслышно ступая, Демагог поднялся на крыльцо и приветливо потерся о спину хозяина.

От неожиданности профессор вздрогнул, обернулся и рассмеялся:

— Вот и пропажа. А тебя, гляди, днем с фонарями ищут. Эй, женщины! — окликнул он. — Вам не этот зверь нужен?

Увидев кота, мама радостно всплеснула руками, у Наташи мигом высохли слезы, и обе бросились к крыльцу.

— Ох, я тебя! — погрозила мама коту. — Переживай тут из-за него!

Демагог промяукал что-то вроде «простите», а папа-профессор сказал:

— Милые дамы, предоставьте ему больше свободы и самостоятельности. Тем более что экзамен на ориентировку на незнакомой местности он выдержал: побродил и вернулся точно на родной порог.

— А вдруг его чужие коты побьют? — возразила Наташа.

— Или еще что случится, — поддержала ее мама. На что папа ответил:

— От всех напастей все равно не убережете. Так что пусть сам учится за себя стоять.

Всю жизнь прожив в этой семье, Демагог хорошо понимал то, что говорит каждый из ее членов. Слова папы-профессора кот встретил с большим одобрением.

ГЛАВА 6. Ваш папа больной и голодный?

На кирпичной площадке перед крыльцом Демагога ожидал обед. Наташа расстелила чистую газету, поставила на нее мисочку и блюдце. В одной посудине кот ждала аппетитно белевшая сметана, в другой — пара кусков минтая, а рядом, на газетке, проголодавшийся Демагог увидел еще и коричневато-серый цилиндрик ливерной колбасы, которую он очень любил.

Демагог облизнулся и стал размышлять, с чего ему начать. С самого вкусного — колбасы, или с более привычного — рыбы? А может, в такую жару сперва взяться за прохладную сметану?

— Ах, какая у этого котика замечательная в блюдце сметанка! — вдруг услышал он у себя за спиной.

— И колбаска ништяк! — одобрил другой кошачий голос. Демагог обернулся и увидел двух незнакомых котов: один — угольно-черный, лоснящийся и покрупнее, другой — трехцветный бело-черно-рыжий и размерами чуть поменьше.

— Вы кто? — спросил Демагог.

— Это — Гарик, — показал трехцветный на угольно-черного.

— А это — Ништяк, — в свою очередь представил товарища Гарик и, жадно облизнувшись, сказал: — Гуляли вот... Глядим, личность у нас на дачах новая объявилась. Дай, думаем, зайдем, попроведаем...

— А тебя, слышь, братан, ништяк кормят, — напомнил о себе товарищ Гарика и протянул лапу к мисочке.

За разговором незаметно подвигался к еде и Гарик, продолжая между тем светскую беседу:

— Погода сегодня замечательная!.. В гости хорошо ходить...

— Особенно туда, где хорошо угощают, — уточнил Ништяк и нежно погладил лапой лежавший к нему поближе кусок минтая.

— Да, — согласился с ним Гарик. — Туда, где могут помочь бедным, несчастным, бездомным кискам...

— Ты бы, в натуре, угостил гостей-то! — уже без всяких церемоний сказал трехцветный Ништяк.

— Выполни, так сказать, долг гостеприимства, — поддержал его Гарик, облизываясь.

Демагогу стадо стыдно, что он, воспитанный профессорский кот, оказался вдруг таким невежливым и не пригласил гостей к столу. Демагог отступил на шаг от своей посуды, а Гарик с товарищем, будто этого только и ждали, набросились на еду.

Некоторое время слышались чавканье, хруст разгрызаемых костей, сопенье. Демагог, евший всегда с чувством, не спеша, просто диву давался, с какой невероятной скоростью исчезают в утробах Гарика и Ништяка его рыба и сметана. Не прошло и минуты, а мисочка с блюдцем уже опустели.

Ништяк ухватился было за колбасу, но Гарик тут же отвесил ему крепкую затрещину:

— А про пахана забыл?

— Ребята, и мне оставьте, — напомнил о себе Демагог. — Я же ведь еще не обедал.

— Перебьешься! — грубо оборвал его Ништяк, обиженно потирая ушибленное место.

— Видишь ли... — не в пример дружку вежливо стал объяснять Гарик. — Есть одно обстоятельство... За угощение, конечно, спасибо. Все было очень вкусно. Но вот этот кусочек, — прижал он лапой ливерный цилиндрок, — мы обязаны отнести пахану.

— Вашему папе? Он, наверное, больной и голодный? — спросил Демагог.

Переглянувшись, коты насмешливо фыркнули, однако Гарик, тут же сделав постную мину, подтвердил:

— О, да! Очень больной и очень голодный!

— Каждый день, понял, кормим и никак не нажрется, — хмыкнул Ништяк и сразу же примолк под тяжелым взглядом Гарика.

— Тогда, конечно, тогда берите... — судорожно сглотнув, отвел взгляд Демагог от колбасы.

— Молодец! — похвалил Гарик. — Настоящий друг больных и голодных кошек.

— Ништяк парнишка! — согласился его напарник.

Обеда Демагогу было очень жалко. Но утешало, что помог сразу трем голодным бездомным кискам.

— Тебя как звать-то? — спросил Гарик.

— Демагог.

Коты снова переглянулись. Теперь уже с недоумением.

— Можно просто Дима, если хотите.

— Это другое дело, — сказал Ништяк.

— Ну, пока, Демагог! — попрощался за обоих Гарик.

Ништяк схватил в зубы колбасу и направился к смородине. Гарик последовал за ним.

— Да, чуть не забыл, — остановился он возле самых кустов. — Твой день — среда.

— Мой день? — удивился Демагог.

— Ага, твой. Мы к тебе будем по средам приходить обедать. Правило у нас здесь такое: одна кошка угощает нас по понедельникам, другая — по вторникам, и так далее. Твой день будет среда. Запомни. Сегодня — не считается. Сегодня — просто знакомство. И не вздумай прятаться. — Взгляд угольно-черного гостя стал угрожающим. — Все равно найдем. У нас длинные лапы. Ладно, до среды!..

Незванные гости скрылись в кустах смородины, а Демагог, чувствуя, как пусто и неуютно у него в желудке, подумал, глядя им вслед: «Странные какие-то...».

ГЛАВА 7. Подайте киске на «Вискас»!

На следующее утро, после завтрака, Демагог увидел возле крыльца ожидавшего его Минтая.

— Очень хорошо, что зашел! — обрадовался Демагог и спросил:

— Чем будем заниматься?

— Хочешь, я тебе наш дачный поселок покажу?

— Конечно!

Демагогу и в самом деле хотелось получше узнать не только свою улицу Счастливую, но и соседние улицы. А со старожилом Минтаем сделать это гораздо проще.

Коты припустили вверх по переулку-щели. Демагог едва поспевал за легким Минтаем.

На пригорке переулочек незаметно перешел в улицу, которая вскоре влилась в другую, ровную и широкую, посыпанную желтым гравием. По ней в обоих направлениях спешили люди с сумками-тележками, рюкзаками, ведрами, авоськами...

— Улица Центральная! — бросил на ходу Минтай, как кондуктор в трамвае, объявляющий остановки, и тут же посоветовал: — Не лезь на середину, прижимайся к заборам, а то, неровен час, под ноги кому-нибудь попадешь или под машину.

Демагог вспомнил, что именно по этой улице несли его вчера в сумке. Значит, где-то там, впереди, станция.

И он не ошибся. Вскоре показались железные ворота — главный вход в дачный кооператив (как пояснил всезнающий Минтай). За воротами виднелась платформа железной дороги. Вот взвизгнула электричка и, со шмелиным гудением набирая скорость, поползла мимо них.

— Стоп! — вдруг предупреждающе поднял хвост Минтай и поспешил за ствол кривой березы, росшей возле дорожки, которая вела на платформу. — Сейчас электричка из города прибудет. Посмотришь, какая потеха начнется.

Демагог недоуменно уставился сначала на приятеля, потом на дорожку, вдоль которой началось малопонятное для него движение. Молодую в белой косынке торопливо выставляла из большой сумки банку с молоком. Даже сквозь стекло вид его возбуждал аппетит. Демагог с Минтаем невольно облизнулись. Бородатый мужик рядом с ней раскладывал на пеньке еще трепыхавшихся окуньков. За ним пристроились тетка с ведром картошки и бабуся с пучками редиски, два шустрых пацана с газетами, в которых «есть все программы телевидения на следующую неделю»...

— Не туда смотришь. Вон туда гляди! — показал Минтай в самый край стихийного пристанционного базарчика, где дорожка, огибая старую почерневшую корягу, поворачивала к платформе.

Демагог увидел у коряги странное существо: кошачье вроде обличия, однако с черной повязкой на левом глазу, отчего смахивало оно на присевшего отдохнуть пирата. Неопределенного цвета шерсть его была всклокочена, словно после хорошей трепки. Но больше всего в этом кошкообразном существе Демагога поразили две вещи.

Во-первых, табличка на его шее. И не табличка даже, а тетрадный листок в клетку, на котором жирными корявыми буквами было нацарапано: «Дамы и господа! Не проходите мимо! Подайте несчастной киске-инвалиду на «Вискас». А внизу, чуть помельче, приписка: «Не откажусь и от кильки в томате, и от других продуктов».

А во-вторых... О, во-вторых!.. Существо сидело не как все нормальные кошки, а в позе очень уставшего человека — оперевшись спиной о корягу и вытянув задние лапы. Зато правую переднюю лапу существо протягивало навстречу идущим с электрички пассажирам.

Последнее поразило, пожалуй, больше всего. И... задело самолюбие Демагога. А тут еще Минтай масла в огонь подлил.

— Видал? — засмеялся он. — Не ты один, оказывается, умеешь лапу протягивать.

После этих слов Демагог почувствовал себя не просто уязвленным, но и оскорбленным, потому что он лапу не протягивал, а подавал — большая разница!..

Между тем толпа пассажиров становилась все гуще. На базарчике развернулась бойкая торговля.

И тут до ушей Демагога донеслось жалобно-тягучее слезливое мявканье. Он и сам, бывало, издавал такие звуки, когда подолгу сидел дома один и начинал тосковать. Мявканье тем временем перешло в душераздирающий, почти собачий скулеж. Голова и протянутая лапа одноглазого мелко тряслись.

Катившаяся мимо толпа к необычному попрошайке относилась по-разному. Одни совершенно не обращали на него внимания: и не такое, мол, в нынешней жизни увидишь. Другие, приостановившись, читали табличку, смеялись и шли дальше. Находились, однако, и сердобольные. Время от времени о дно старой алюминиевой площадки, которую попрошайка пристроил между задних лап, звякали монеты, а сбоку, на разостланной газетке, стали появляться разные съедобные вещи: булочка, кусочки колбасы, пластики сала, яйцо, мясные обрезки, рыбий хвост...

Побирушка свою заунывную песню продолжал до тех пор, пока не прошел мимо него последний пассажир электрички.

— Кто это? — спросил Демагог.

— Кривой Боцман, — сказал Минтай.

Дорожка совсем опустела. Торговцы стали подсчитывать выручку. И тут Демагогу пришлось удивиться еще раз. Нищий стянул с глаза черную повязку и оказался самым обыкновенным уличным котом. Как и полагается представителю кошачьего племени, он встал на четыре лапы, деловито обнюхал продукты на газетке, потом, запустив одну лапу в площадку, побрякал монетами, словно пересчитывая...

— Видал артиста?! — весело покрутил головой Минтай.

— А я подумал, что он и вправду нищий, — признался Демагог.

— Правда или неправда, но он этим делом кормится. Все время тут торчит. Каждую электричку встречает. Пойдем, познакомлю.

Минтай высунулся из-за березы, но тут же отпрянул, прошептав:

— Лучше подождем немного... Пока эти двое не уйдут.

Кто именно — он не пояснил. Терзаемый любопытством Демагог выглянул из-за дерева и увидел, что Кривой Боцман уже не один, а в компании двух злобно шипящих котов. Демагог сразу узнал их: и угольно-черного Гарика, и трехцветного Ништяка.

Обиженно урча, Кривой Боцман отступил от газетки со снедью, а вчерашние гости Демагога, точно так же, как и накануне, на его даче, жадно набросились на чужую еду. Они сожрали по куску колбасы, заели ее мясом. Ништяк вцепился было в куриное крылышко, пожертвованное кем-то из пассажиров, но — все повторилось в точности, как вчера, — немедленно получил оплеуху..

— Это пахану! — зашипел Гарик.

— Я ему и собирался нести, — стал оправдываться Ништяк.

— Ладно, погнали! — перебил его Гарик и, ухватив зубами куриное крылышко, метнулся в травяные заросли позади коряги.

Успев подцепить когтем, словно вилкой, пластик сала, Ништяк на трех лапах, держа на отлете четвертую, бросился за ним.

— Вот теперь пошли, — сказал Минтай и выскочил из укрытия.

— Привет! — поздоровался он, очутившись возле побирушки.

— А, Минтай, здорово... — хмуро отозвался осипшим голосом побирушка.

— Что-то раненько они сегодня, — мотнул Минтай головой в сторону травяных зарослей за корягой.

— А они точного времени не назначают. Как жрать захотят, так бегут, чтоб им пусто было!

— А кто они — коты-ворюги? — спросил Демагог.

— Что ворюги — это точно! Но это их раньше так называли, а сейчас они рэкетеры.

— Рэки — кто?

— Рэ-ке-ти-ры, — повторил по слогам Кривой Боцман. — Я вот тут сижу, тружусь в поте лица, лапу, как последняя собака, тяну, слезу у публики вышибаю, а они примчались и — хап-хап! — половины моего заработка как не бывало. Паразиты, в общем!

— А кем вы работаете! — полюбопытствовал Демагог.

— Это еще что за кадр? — с подозрением уставился на него Кривой Боцман.

— Ах, да — познакомьтесь! Это — Демагог. Для приятелей — Дима. Он у нас новенький. Профессорский кот...

— Оно и видно, что профессорский — жизни не знает, — проворчал Кривой Боцман. — Кем работаю... Какая разница — кем! Дело не в названии, а в результате.

— И ваше нищенство дает хороший результат? — снова поинтересовался любознательный Демагог.

— Нищенство?! — вдруг взвился Кривой Боцман. — Кого сказал про нищенство? Это — бизнес! Бизнес у меня такой! Понятно? У каждого свой бизнес! У нас свобода предпринимательства!

Про бизнес Демагог кое-что, конечно, слышал. Про него сегодня любая мышь в самом глубоком подполье знает. Это когда где-то что-то покупают, а потом то же самое в другом месте продают дороже. Но Кривой Боцман ничего не покупал и не продавал. Он просто выпрашивал подаяния. Демагога, к примеру, если он начинал приставать к домочадцам в надежде выклянчить кусочек полакомее, стыдили, а тут — бизнес...

— Так как же все-таки дела, бизнесмен? — подмигнув Демагогу, спросил в свою очередь Минтай.

— Когда как. Смотря сколько народу приезжает. Самый навар, конечно, в выходные. Эх, если бы еще эти прохвосты не требушили...

— А вы не отдавайте, — снова встрял в разговор Демагог.

— Ага, попробуй не поделись с ними, гадами, жизни потом рад не будешь. Лучше не связываться. Хотя обидно...

— С хозяином-то, наверное, лучше было? — сказал с каким-то намеком Минтай. — Никакие рэкетеры страшны не были.

— Ну уж нет! — решительно запротестовал Кривой Боцман. — Свободу я свою теперь никогда и ни на что не променяю!..

Бизнесмен-попрошайка в здешних краях появился не так давно, хотя нищенством кормился с младенчества. Обучил его этому бывший хозяин Кривого Боцмана, вначале собиравший подаяние на паперти главной городской церкви, а впоследствии — на кладбище. Здесь он и нашел бездомного котенка, который был тогда еще вовсе не Кривым Боцманом, а просто Васькой.

Новый Васькин хозяин оказался человеком с фантазией. Он и придумал весь этот спектакль с черной повязкой на глазу, табличкой на шее, протянутой лапой и жалостливым завыванием. Он же и кота из Васьки в Кривого Боцмана переименовал.

Васька проявил редкие артистические способности, и режиссерские замыслы хозяина воплощал блестяще. Изумленные необычным зрелищем, посетители кладбища охотно одаривали хвостатого артиста кто деньгами, а кто продуктами. На жизнь им обоим хватало. И все бы ничего, да вот беда — на легкие дармовые деньги стал хозяин Кривого Боцмана крепко выпивать. А напившись, гонять своего питомца между могил и швырять в него чем попадя. Однажды, совсем одурев от хмельного зелья, он взял и повесил кота на кресте одной из могил...

— Хорошо, что мы, кошки, народ живучий. Да и сторож кладбищенский вовремя подоспел, не дал погибнуть, — рассказывал о своих злоключениях Кривой Боцман, угощая Минтая с Демагогом остатками снеди. — После этого случая я с ним распрощался. Спер табличку «Подайте киске на «Вискас» и «сделал ноги». Сначала пробовал в городе самостоятельно работать. Но там конкурентов тьма. На каждом углу свой нищий. И все

злющие, будто я у них последний кусок отнимаю. Убить готовы. Пошел я тогда на вокзал. И там не лучше. Тогда я сел в первую попавшуюся электричку и... Теперь вот здесь работаю. Свою фирму открыл...

— Кривой Боцман и компания... — хохотнул Минтай.

— Да нет, один, без компании. Хотя в компании, наверное, интереснее.

Кривой Боцман помолчал, вылизывая лапу, потом провел ею по морде и с неожиданной завистью сказал:

— Хорошо вам, братишки! Хозяева у вас нормальные, и жизнь путевая, без проблем. А тут крутишься, крутишься... Охрипнешь, воя. И лапа устает сильно. Думаете, просто ее протянутой держать? Это собаке — раз плюнуть, а кошке тут особый талант нужен.

У Минтая весело сузились зрачки, и он попросил Демагога:

— Дима, докажи ему, что не он один такой талантливый — поздоровайся с кисой!

Демагог охотно протянул Кривому Боцману лапу. У кота-попрошайки глаза полезли на лоб.

— Ну ты даешь! — восхитился он. — У тебя даже лучше получается, красивше. Слушай! — вдруг загорелся Кривой Боцман. — Давай вместе работать! Будет у нас с тобой компания. Правда... — Он с сомнением осмотрел Демагога. — Крупноват ты для голодного нищего. И гладкий вон какой. Могут не поверить. Но ничего, — сразу же нашелся попрошайка, — мы тебя за карликового тигра выдадим.

— Не хочу быть карликовым, — заупрямился Демагог.

— Хорошо, будешь обычным тигром. Скажем, что в зоопарке плохо кормили, потому и не вырос, как надо.

— Нет, — все-таки отверг предложение Кривого Боцмана Демагог. — Мне твой бизнес не нравится.

— Жаль, — вздохнул Кривой Боцман. — Мы бы с тобой... Ладно, тогда просто так заходите, в гости. Поболтаем. Я всегда где-нибудь тут, поблизости.

ГЛАВА 8. «Ам — и нету!»

Сразу после завтрака Демагог отправился на прогулку. Сначала он решил обойти вокруг дома, потом навестить Минтая или забежать к Пуфику.

Демагог не спеша шел к калитке и с наслаждением вдыхал аромат летнего утра.

Трава возле штaketника искрилась бусинками росы и манила попробовать ее на вкус. Кот пожевал одну травинку, другую, потом еще и еще... Некоторые оказались очень даже вкусными.

Вдруг странное шуршание возле деревянной загородки у штaketника, в которой хранился перегной, заставило его замереть. Кто-то там шевелился — то ли собираясь выбраться наружу, то ли, наоборот, спрятаться подальше.

Тело кота напряжилось, ноздри затрепетали, ловя запахи...

А пахло тут, помимо терпкого июльского разнотравья, навозом, смородиновым листом, олифой, которой было пропитано дерево дачного домика, и еще чем-то вроде бы совсем неизвестным, но в то же время странно знакомым. Запах этот волновал и будоражил кота, вызывая в нем неведомое доселе чувство охотничьего азарта.

Трава возле загородки вновь легонько колыхнулась, и, больше уже не раздумывая, подстегиваемый проснувшимся инстинктом, кот совершил стремительный прыжок. Чуть не врезавшись в неструганные доски загородки, он почувствовал, как из-под его лап выскользнуло что-то мягкое и теплое. Демагог заозирался — куда ж оно подевалось? — и тут справа, в метре от себя, рядом с кустом смородины, увидел махонькое серенькое существо с хвостиком-бечевочкой. Была им обыкновенная мышка-полевка. От нее-то,

невзрачной этой зверюшки (какой, впрочем, Демагогу до сих пор встречать не приходилось) и исходил подсознательно знакомый и так взволновавший его запах.

Еще прыжок — и вот мышь в лапах Демагога!

Кот гордо огляделся. Увы, рядом никого не было, никто не видел, как ловко поймал он зверя. Нет, это совсем неинтересно! Надо, чтобы кто-то полюбовался на его добычу и разделил с ним его охотничью радость.

Наташа!..

Конечно же, надо показать трофеем Наташе! Схватив зубами мышь поперек туловища. Демагог поспешил к крыльцу.

— Мама, мама! — позвала Наташа, увидев приближающегося Демагога. — Смотри, наш Дима что-то в зубах несет.

Мама выглянула из двери.

Демагог достиг крыльца и с важностью положил добычу к ногам Наташи.

— Мышь, мама, мышь! — взвизгнула Наташа и взлетела на перила крыльца.

Издав пронзительный вопль, в мгновение ока мама оказалась рядом с нею.

Демагог с удивлением смотрел на них снизу, со ступенек, и никак не мог понять, отчего они вдруг так переполошились. Сейчас они и сами походили на перепуганных мышек, увидевших перед собой страшную кошку.

— Дима, сейчас же унеси отсюда эту гадость! — закричала мама.

Демагог обиженно подхватил добычу и вернулся туда, где ее поймал. Он положил мышь на землю рядом с серыми камнями фундамента и стал раздумывать, что же делать с нею дальше.

Мышь тем временем пришла в себя, встрепенулась, к удивлению кота, встала на задние лапки и, прижавшись спиной к граниту фундамента, тонко заверещала.

Демагог осторожно дотронулся до зверушки лапой и почувствовал, что ее всю трясет.

Бойтся, понял он, и еще больше задумался. Природный кошачий инстинкт властно требовал: съешь ее, съешь! Но сердце доброго домашнего кота, не знавшего ни злобы, ни ненависти, упорно противилось этому требованию.

— Ну чего стоишь — рот разинул? — услышал Демагог неожиданно рядом с собой. — Голову ей откусывай, голову!

Демагог повернулся на голос и увидел старого облезлого кота.

— Как — откусывай? — недоуменно воззрился на него Демагог.

— Как, как... — проворчал незнакомец. — Зубами. Ам — и нету!

— Но она же живая!

— Будет дохлая.

— И она такая маленькая, беззащитная...

— Ты что — дурак совсем? — посмотрел на него, как на ненормального неожиданный гость. — Она же — мышь! Понимаешь, мышь! А кошкам мышей полагается ловить и есть.

— Но я минтаем питаюсь, — возразил Демагог.

— Поди, еще и вареным, — усмехнулся незнакомец.

Мышь между тем сделала отчаянную попытку спастись и метнулась в сторону кустов. Но не тут-то было: старый кот мгновенно перехватил беглянку. Раздался характерный хруст — и в следующее мгновение Демагог увидел вместо еще секунду назад живой мыши обезглавленную тушку.

— Вот так! — удовлетворенно сказал гость после некоторой паузы, заполненной пережевыванием мышьиной головы. — Учись, пока я живой! — назидательно поднял он правую переднюю лапу. — А то ты, поди, и живую мышь в первый раз увидел?

Демагог утвердительно кивнул, а незнакомец укоризненно покачал головой:

— Эх, молодежь, молодежь! Ничего-то вы не знаете, не умеете, главное свое кошачье предназначенье забыли. С мое бы мышей да крыс половили, вот тогда...

— А вы кто?

— Степан-ветеран я. Надеюсь, слышал?

— Нет, — признался Демагог.

— Ну, молодежь!.. — совсем рассердился Степан-ветеран. — Такого заслуженного кота, как я, не знать! Да мое имя скоро в Книге рекордов появится...

Эта книга в доме профессора была, и Демагог знал, что в ней записаны самые невероятные рекорды: например, самая длинная в мире сосиска, или самая маленькая кошка, но чтобы стали в ней сообщать об этом вот коте...

Демагог недоверчиво покосился на Степана-ветерана. Совершенно ничего примечательного! Обычный дворняга. Местами даже шкура до кожи протерлась. Такого ни к одной кошачьей выставке и близко не подпустят.

— Не веришь? — перехватил его взгляд Степан-ветеран. — Напрасно. Я честный кот-работяга, и никогда не вру. Если сложить всех мышей, которых я за свою жизнь переловил, получится гора выше вашей дачи.

Демагог взглянул на обезглавленное мышиное тело, потом на уходящую отвесно вверх стену дома... Нет, такого количества мышей он представить себе не мог.

Между тем Степан-ветеран вовсе не бахвалился, не привирал, как многие охотники, а говорил чистую правду. В кошачьем мире был он и в самом деле явлением выдающимся, несмотря на свою беспородность и невзрачность.

Родился Степан на обувной фабрике, и вся его жизнь, до самой пенсии, прошла в ее стенах, дворах и подвалах. Охотничьи способности проявились в нем очень рано: первого мышонка он изловил, едва прорезались глазки. С тех пор счет охотничьим трофеям стремительно рос.

Надо сказать, что для кошек фабрики (а было их здесь несколько десятков) ловля мышей и крыс была не развлечением, а работой. Да, да, самой настоящей работой. Кошек здесь держали (и на казенный счет содержали) именно для того, чтобы не дать расплодиться грызунам. Никаких других способов борьбы с ними, кроме кошек (и чего только не перепробовали на фабрике с этой целью!), не годились, поэтому одно поколение кошек сменяло другое, и котята, едва став на ноги, приобщались к охотничьему ремеслу своих родителей.

И рабочие фабрики, и администрация здешних кошек ценили и уважали за добросовестный труд и преданность родному предприятию. Наравне со всеми им объявляли благодарности, давали премии (копченой колбаски особо отличившимся, например). О «кошачьем отделе» даже писала заводская многотиражная газета. В общем, кошки на обувной фабрике были полноценными членами трудового коллектива.

Однако Степан быстро превзошел всех фабричных истребителей грызунов и в чутье, и в ловкости, и в стремительности броска, и особенно в отважности.

Причем тут отважность, спросите? А представьте себе здоровенных фабричных крыс со злобно горящими угольками глаз, некоторые из которых и сами ростом чуть ли не с кошку, и тогда поймете». Но Степана они не пугали, и молодой охотник вскоре стал настоящей грозой крысино-мышиного племени. Едва заступал он в ночную смену, как по мышинному радио по всем закоулкам фабрики разносилось: «Внимание всем постам! На дежурстве — Степан!».

Только не надо думать, что грызуны раз и навсегда смирились со своей участью, и служба шла у Степана без сучка и задоринки. Сколько раз мыши пытались перехитрить кота, да не тут-то было! Чутье Степана никогда не подводило: он всегда оказывался в нужное время в нужном месте. Не оставались в долгу и крысы. Время от времени они сбивались в стаю и сами пытались нападать на него. В жестоких этих схватках Степану приходилось нелегко (шкура его хранила множество следов от крысиных зубов и когтей), но сила, ловкость и отвага помогали ему с честью выходить из таких переделок.

Из тринадцати прожитых лет двенадцать Степан-ветеран провел на фабрике.

Один из журналистов заводской их газеты, готовя очерк об их «кошачьем отделе», решил выяснить, сколько же грызунов уничтожил хотя бы один из его служащих. Выбор свой он остановил на Степане-ветеране. И когда подсчитал (как он это сделал — совершенно секретная журналистская тайна), был потрясен: получалось, что за свою жизнь кот Степан истребил более двадцати тысяч мышей и крыс!

Сенсационная эта новость обошла тогда страницы многих газет. Степана фотографировали, показывали по телевизору. А журналист, сосчитавший его трофеи, пошел на повышение: стал корреспондентом городской газеты. Что касается Степана-ветерана, то его через некоторое время... отправили на пенсию.

— Я бы мог еще работать и работать, так нет же!.. — Старый кот сокрушенно вздохнул, заканчивая свой рассказ.

— Но почему же вас не оставили на фабрике? — удивился Демагог, с громадным интересом выслушав историю жизни выдающегося охотника. — Не нужна стала ваша работа?

— Как это не нужна? — обиделся Степан-ветеран. — Да ты знаешь, сколько мы от грызунов кожи и готовой обуви спасли? Журналист Володя — ну, тот самый, который моих мышей подсчитал, — говорил, что если собрать спасенную нами обувь только за один год, то ею можно было бы обуть громадный дом квартир на двести! Представляешь?

Демагог как раз жил в одном из таких огромных многоквартирных домов, поэтому он сразу же представил себе толпу жильцов, шлепающих по холодным осенним лужам босиком, потому что их туфли и ботинки изгрызли мыши. И от этой картины ему стало немного не по себе.

— ...Нет, не в том дело, что работа наша стала больше не нужна, — продолжал Степан-ветеран. — Просто, парень, жизнь какая-то другая пошла.

— Какая? — не понял Демагог, для которого до поездки на дачу никаких перемен, если не считать вылазок на кошачьи выставки, не происходило.

— А такая! — внезапно обозлился Степан-ветеран. — Нынче, я смотрю, не только кошки, но и люди-то не все и не везде нужны. У нас на фабрике вместе со мной, почитай, всех рабочих-ветеранов уволили. Лишними стали. Свою, фабричную, обувь, сказали, девать стало некуда, заграничной полно. Так-то... — задумчиво поскреб у себя за ухом старый кот.

— У ваших хозяев здесь дача? — поинтересовался Демагог.

— Да не у меня. У меня фабрика была хозяйкой... У сына моего, младшего. У его хозяев здесь дача. Не захотел он нашим ремеслом заниматься. Совсем молодым с фабрики ушел. На домашней кошке женился. И получается — как в воду смотрел малыш! Н-да... Теперь вот у них пока перебиваюсь. Хозяева пока терпят. И-эх! Старость — не радость!.. А ты, я вижу, добрый парень. Слишком даже, — без всякого перехода заключил Степан-ветеран. — Только нам, кошкам, слишком добрыми быть нельзя.

— Почему? — удивился Демагог. — Разве это плохо?

Не плохо, а вредно. С мышами, вон, валандаешься — жалко, видите ли... А то, что эта тварь может забраться в вашу кладовку и перепортить продукты, — не жалко?

С доводами старого кота относительно грызунов Демагог не мог не согласиться. Играя мышью, он об этом как-то не подумал.

— Добренькому да жалостливому вообще трудно жить, — продолжал рассуждать Степан-ветеран. — Вот придется тебе, к примеру, с чужими котами драться...

— А зачем мне с ними драться?

— Как зачем? — опешил старый кот. — Ну... это... Ежели конфликт какой, спор... На территорию твою чужой кот залез, или, там, кошку с соперником не поделили...

— Но можно же мирно разобраться.

— Мирно!.. — саркастически хмыкнул мышиный охотник.

— Вот вы сейчас без моего согласия находитесь на моей территории. Я же не лезу в драку...

— Гм... М-да... Язви тебя, и правда... — смутился старый кот, только сейчас осознав, что он действительно находится на чужой даче без приглашения. — Все из-за этой чертовой мыши! Сам не заметил, как здесь очутился... — стал оправдываться Степан-ветеран.

— Да ладно, мне не жалко, — успокоил его Демагог. — Просто я хочу сказать, что обойтись можно, наверное, и без драки.

— Нет, парень, — решительно не согласился Степан-ветеран. — Без драки в наше время мало что обходится. Напрасно думаешь, что везде и все можно уладить миром. Да ты и сам скоро поймешь, что я прав. А хочешь, я буду тебя учить мышей ловить? — все так же без всякого перехода предложил он. — Я на соседней улице живу, на Светлой. Минтай знает, покажет. Приходи. Интересный ты все-таки парнишка...

Старый кот в знак дружеского расположения махнул на прощание хвостом и исчез в смородине.

ГЛАВА 9. Прекрасная Марыся

Летние дни длинные, но после встречи со Степаном-ветераном время прошло как-то незаметно: сначала Демагог засвидетельствовал свое почтение Лорду, потом заглянул к Минтаю, с которым сбегал на речку Мосиху понаблюдать за резвящимися в воде мальками; после обеда явился Пуфик, и они немного вздремнули в укромном тенечке смородных кустов. А когда зной спал, и солнце стало багроветь, как перезревший помидор, Демагог, проскользнув в щель под калиткой, неспешно направился вдоль по улице Счастливой.

За дни пребывания на даче он успел неплохо изучить ближайшие окрестности, поэтому не очень боялся заблудиться. Однако сегодня кот пошел в противоположную от той, где жил Лорд и которую он уже хорошо знал, сторону. С этого конца улица Счастливая выходила на большую травянистую поляну с редкими высокими березами на ней. Дачи обступили поляну, как дома на городской площади.

Одна из дач, изукрашенная резными карнизами, ставенками и наличниками, походила на сказочный теремок. На высоком коньке дома сидел искусно вырезанный деревянный петушок, который отсюда, с земли, казался совсем живым, готовым вот-вот вспорхнуть и улететь.

Демагог подошел поближе и... сразу же забыл и про деревянные кружева на ставнях и наличниках, и про петушка. На траве-мураве возле калитки теремка сидела... кошка. Просто кошка. Ну, может быть, не просто... Очень симпатичная такая кошечка: с темной спинкой, белоснежной мордочкой, аккуратным розовым носиком-сердечком, с такими же белоснежными грудкой, животиком и лапками, а в довершение — с пушистым, почти как у Демагога, хвостом.

Если бы Демагог умел разбираться как следует в породах своего кошачьего племени, он наверняка определил бы, что перед ним сибирская двуцветная кошка. Но он в этом ничего не понимал. Но если бы и понимал — что с того! Дело-то было ведь не в породе, а в самой кошке...

Грациозно изогнувшись в спинке, кошечка сидела на травке, небрежно поводя опухавшим хвостом из стороны в сторону. Ушки ее время от времени вздрагивали (она явно к чему-то прислушивалась), глаза цвета свежесмытой травы-муравы загадочно мерцали. Кошечка то в упор взглядывала на приближавшегося Демагога, то отводила глаза в сторону. От нее исходило какое-то особое сияние, и было в ней что-то столь необыкновенное, что вмиг сразило Демагога наповал.

В общем, как нетрудно догадаться, кот наш влюбился с первого взгляда по самые свои полосатые уши.

Что ж, такое случается. И не только с людьми, но и с собаками, лошадьми, коровами — со всеми, в общем, живыми существами. И, разумеется, с кошками. Таковы законы природы. Без любви жизнь не цветет, не плодоносит, не продолжается.

Что касается Демагога, то пора любви ему давно приспела. Просто до сих пор, ограниченный стенами своей квартиры, с кошками он почти не встречался. Разве что на выставках. Но и там, дожидаясь своего выхода, им, кошкам, приходилось сидеть в клетках. Ведь это только Наташе по-прежнему казалось, что он маленький, потому и относилась она к нему, как к малышу: кутала в пеленки, укладывала в детскую колясочку. Но на самом деле был он уже взрослый кот.

До кошечки оставалось всего несколько шагов. Демагог приосанился, распушил хвост, громко, с переливами, замурлыкал, словно взялись его чесать под шейкой... И тут он заметил рядом с кошечкой Гарика. Кого-кого, а его увидеть Демагог никак не ожидал. По телу пробежал ревнивый холодок, мускулы напряглись...

Почувствовав его состояние, Гарик предусмотрительно отступил и с фальшивой радостью воскликнул:

— Какая встреча!

Демагог мрачно молчал, не зная, как быть дальше.

— А мы тут беседуем... О вкусовых качествах «Вискаса», — с развязной веселостью объяснил Гарик свое здесь пребывание, но, наткнувшись на враждебный взгляд Демагога, торопливо стал прощаться: — Прощайте, друзья! Пока, моя кисонька, не скучай без своего любимого котика, моя мурысонька!..

Угольно-черный рэкетир со значением подмигнул Демагогу — уступаю, мол, по дружбе, — и наконец-то оставил их наедине.

Кошечка, с любопытством наблюдавшая за этой короткой дуэлью, в сторону уходящего Гарика даже головы не повернула, зато с нового кавалера не спускала теперь глаз.

— Вы и правда любите «Вискас»? — не зная, с чего начать, спросил Демагог.

— Фи, «Вискас»! — презрительно фыркнула кошечка. — Ничего нет хорошего в этих заграничных сухарях. Свежая рыбка из нашей речки гораздо вкуснее.

— Я тоже ем минтай! — обрадовался Демагог.

— Ну что вы такое говорите! — укорила его кошечка. — Минтай живет в море.

— Ах, извините, забыл... — смутился Демагог. Ему стало стыдно: надо же — профессорский кот, а не знает, где водится минтай. Он-то до сих пор думал, что всякая рыба — из холодильника. Кошечка прощающе вильнула хвостом и сказала:

— Но вкуснее всего рыбка, жаренная в сметане. Особенно карасики из озера за шоссе на дороге. — Кошечка махнула лапкой куда-то в сторону, где Демагог еще никогда не бывал.

— Да, да! — поспешил на сей раз согласиться он. — Я тоже люблю жареную рыбу. А Гарик? — вдруг вырвалось у него.

— Гарик? — удивилась кошечка. — Я вкусов Гарика не знаю. Но вижу, что кот он совершенно невоспитанный — большой нахал и грубиян. Таким в порядочном обществе делать нечего.

У Демагога сразу отлегло от сердца. Он приободрился.

— Извините, вы откуда в наших краях? — спросила кошечка. — Я вас что-то здесь раньше не видела.

— Я недавно из города приехал. А дача наша находится на другом конце улицы Счастливой.

— А, это там, где живет лежебока Пуфик?

— Вы его знаете?

— Да кто ж его не знает? Только и слышишь каждый день: «Пуфик, котик, где ты?» — засмеялась кошечка и спросила: — А вас как звать?

— Демагог, — отрекомендовался кот и церемонно протянул ей лапу.

— Марыся... — пораженно мяукнула кошечка, попробовала сделать то же самое, но безуспешно. — Как это у вас здорово получается! — восхищенно заметила она и поинтересовалась: — А у вас случайно в роду собак не было?

— Ну что вы! — несколько даже приобиделся Демагог. — Меня здороваться научила моя хозяйка Наташа.

— Тогда вы очень способный, — сказала кошечка.

— Вы так считаете? — засиял польщенный Демагог. — Спасибо... Марыся...

— И культурный, — добавила Марыся. — Сразу видно, что воспитывались в приличной семье.

— В профессорской, — счел нужным уточнить Демагог.

— А у меня хозяин — архитектор, — сообщила Марыся. — Он дома рисует. На бумаге нарисует, а потом другие люди по этим рисункам дома на земле строят.

Демагог вспомнил профессорский стол, всегда заваленный рукописями и книгами, и подумал, а что же, интересно, строят из них. Но размышлять на эту тему сейчас было некогда и не время, да и Марыся вдруг спросила совсем о другом:

— У вас необычное имя. Как его понимать?

— По-гречески Демагог — значит, разговорчивый. Но для близких и друзей я просто Дима.

— Если не возражаете, я буду звать вас просто Дима. Дима как-то мягче. И нежнее... — пришла к выводу Марыся, и в загадочно мерцающих ее глазах появился какой-то призывно-манящий огонек.

Теплая волна прокатилась по коту от ушей до хвоста. Ничего подобного он до сих пор не испытывал. Зато теперь!..

Демагогу захотелось сделать нечто такое!.. Ну совершенно необыкновенное!.. Чтобы Марыся восторженно ахнула, а призывный огонек в ее глазах цвета свежей утренней муравы разгорелся бы еще сильнее.

Но тут с крыльца резного теремка Марысю позвали домой, и, с сожалением вздохнув, она сказала:

— Мне пора. Очень приятно было познакомиться. Заходите в гости.

— Я зайду! Я обязательно зайду! — пылко пообещал Демагог. Вспрыгнув на крыльцо, Марыся обернулась и на прощанье мяукнула провожавшему ее влюбленным взглядом коту:

— Спокойной ночи, Ди-ма!..

ГЛАВА 10. Предупреждение.

А на следующий день, в среду, к Демагогу пожаловали гости: черный, как уголь, Гарик и трехцветный Ништяк.

Впрочем, нагло-развязных этих котов гостями назвать было трудно. На чужой даче чувствовали они себя, как дома. Даже, наверное, лучше.

Они появились со стороны участка Минтая и прямо по грядкам направились в сторону Демагога.

Он сидел на крылечке и жалел, что никого сейчас нет дома (мама с Наташей ушли купаться, а папа-профессор был в городе на работе), а то бы задали сейчас этим разбойникам! Но кто-то невидимый, сидящий где-то глубоко внутри него, ехидно спросил:

«А сам чего смотришь? Твоя же территория...» — «Да жалко, что ли... Может, просто в гости заглянули», — вяло возразил своему внутреннему голосу Демагог, а на душе стало совсем скверно.

Гости между тем пересекли огород и оказались возле крыльца.

— Привет, пацан! — сказал Гарик, а Ништяк и вообще не счел нужным поздороваться.

— Здравствуйте, — нехотя отозвался Демагог, не видя в их визите ничего хорошего.

— Ты не забыл, что среда — твой день? — напомнил Гарик.

— Чего вы хотите? — хмуро спросил Демагог, вспоминая их первую встречу, когда он остался без обеда.

— Жрать! — коротко бросил Ништяк и стал обшаривать взглядом посуду Демагога.

— Грубо говоря, именно так! — подтвердил Гарик. — Мы еще не пообедали. А ты?

— Я тоже. Мне пока не давали.

— Тогда иди, проси! — потребовал Ништяк.

— Никого дома нет, — пояснил Демагог.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Гарик. — Никаких свидетелей. Бери, что хочешь, и никто не узнает.

— Без спросу брать нехорошо, — возразил Демагог.

— Чего? — недоуменно вытаращился на него Ништяк. — Нехорошо, когда от голода в пузе урчит.

— Товарищ прав, — поддержал напарника Гарик. — Так что не томи нас больше, а сходи-ка в кладовочку или в холодильник слазай и поищи там чего повкуснее. Если трудно, мы поможем.

— Обязательно поможем! — с энтузиазмом согласился Ништяк.

— Но ведь это же воровство! — возмутился Демагог.

— А вот тут, дорогой, ты не прав, — покачал головой Гарик и назидательно заметил: — Если из большого взять немножко, будет не воровство, а дележка.

— Верно! — захохотал Ништяк, но, тут же оборвав смех, с угрозой зашипел: — Кончай, в натуре, лапшу на уши вешать, тащи быстрее шамовку!

— Ша... чего? — не понял Демагог.

— Кушать неси, кушать, — теперь уже нотки нетерпения прорывались и у вежливого Гарика. — Кстати, чем тебя обычно кормят?

— Минтаем. Иногда мясом.

— А колбаса у вас есть?

— Кажется, есть.

— Замечательно! Тогда так: с тебя сегодня рыбина минтая...

— Если большая, — уточнил Ништяк.

— Да, конечно, — не стал возражать Гарик и сделал свое уточнение: — А если поменьше, то — две.

— Даже лучше, когда две, — сказал Ништяк.

— И про колбасу не забудь, — сказал Гарик. — Кружок колбасы.

— Каждому, — снова внес уточнение Ништяк. — А если она не нарезана, то — сколько откусим.

— Можно и мясо вместо колбасы, или курицу, — разрешил Гарик.

— Сметана тоже ништяк, потянет!

— Запомнил? И так каждую среду. Впрочем... — секунду поразмыслил Гарик, — мы вообще ни от чего вкусного не откажемся. А теперь и в самом деле давай пошевеливайся! Заговорились мы с тобой. Перекусить давно пора, и пахану долю отнести.

— Но с какой стати я должен вас кормить! — воскликнул Демагог. — Да еще каждую среду.

— А мы тебя за это охранять будем, — пообещал Гарик.

— От кого? — не понял Демагог.

— От чужих котов.

— Но у меня с соседями хорошие отношения. Я со всеми живу дружно.

— Вот и с нами не ссорься.

— Ага, — опять вклинился Ништяк. — Плати нам аккуратно, и мы тебя трогать не будем.

— Но все-таки за что я должен платить? — никак не мог понять Демагог.

— Да ты че, в натуре, заладил одно и то же? — рассвирепел Ништяк. — Говорят — плати, значит — плати! А не то... — он выгнул спину и угрожающе зашипел.

— Вот-вот... А не то... — с одобрением глянув на товарища, повторил Гарик. — Не то придется подпортить твой роскошный мех. И тогда прекрасная Марыся на тебя даже не взглянет.

Гарик злорадно рассмеялся, а Дамагог, крайне уязвленный при упоминании о Марысе, стал ответно изгибать спину.

— Свою шкуру лучше поберегите, ворюги! — огрызнулся он и выпустил когти.

Ништяк, не ожидавший отпора, трусливо попятился, а Гарик — куда только девалась его недавняя вежливость — злобно прошипел:

— Ты еще об этом пожалеешь, грелка профессорская! Тебе это даром не пройдет: Рваное Ухо из тебя душу вытрясет. Ты у него попляшешь...

— В натуре! — просипел Ништяк. — Рваное Ухо и не таких обламывал. Он тебе быстро пасть порвет.

— А ну уходите с моей территории! — решительно потребовал Демагог, делая шаг в сторону рэкетиров.

Словно по команде, те разом повернули и потрусили к калитке.

— Но мы не прощаемся, — приостановившись на полпути, пообещал Гарик.

— Ладно, ладно, проваливайте! — бросил им вслед Демагог, чрезвычайно довольный собой, а особенно тем, что все закончилось благополучно и без драки.

Однако Демагог глубоко ошибался: все еще только начиналось...

ГЛАВА 11. «Кот в законе»

Гарик и Ништяк угрожали не напрасно. О случившемся они сразу же доложили кому следует, и вскоре вновь появились возле профессорской дачи. Теперь уже втроем. К их неразлучной парочке присоединился здоровенный (никак не меньше Демагога) рыжий котик. Шел он не спеша, ступал уверенно. И по его походке, и по подбострастному поведению сопровождавших Гарика и Ништяка было видно, что кот этот всегда и везде привык чувствовать себя хозяином положения.

Выделялся он не только фигурой и мастью, но и еще одной бросавшейся в глаза деталью: правое его ухо перечеркивал снизу вверх рваный шрам-рубец.

Завидев тройцу, Демагог, лежавший на травке возле своей калитки, предчувствуя недоброе, поднялся.

— Эт-тог? — остановившись в двух шагах от Демагога, спросил ни к кому не обращаясь, рыжий.

— Он самый, пахан, он самый! — поспешно-угодливо подтвердил Гарик.

— Так... — протянул рыжий скрипуче-ржавым голосом, в упор уставившись на Демагога гипнотизирующим взглядом красновато-желтых глаз. — Порядок, значит, нарушает?..

— В натуре, пахан, платить не хочет, — подтвердил Ништяк.

— А поч-чему? — все так же немигающе продолжая смотреть на Демагога, спросил рыжий. — Может быть, вы плохо объяснили новичку правила?

— Мы все ему объяснили как надо! — заверил Гарик.

— Тогда в чем дело? — В скрипуче-ржавом голосе рыжего кота зазвучала угроза. — Ты разве не знаешь, — первый раз за время разговора он обратился непосредственно к Демагогу, — как карают нарушителей порядка?

— Как? — тихо сказал Демагог, чувствуя, что ему становится не по себе.

— Ништяк пацан дает, под придурка косит! — возмутился трехцветный рэкетир.

Однако Демагог и не думал прикидываться дурачком. Просто, если уж говорить о порядке, то есть о правилах поведения, то в его прежней, додочной, жизни они были совсем другими. Во всяком случае, никто никогда от него не требовал отдавать то, что принадлежало ему, взамен того, в чем он совсем не нуждался. И когда он действительно делал что-то не так, его не «карали» — то есть не били, не таскали за хвост, не давали пинка, как это нередко случалось с другими кошками, а строго внушали, что так нехорошо, и он понимал и впредь старался так больше не поступать. Его простодушное «как?» рыжего верзилу на миг озадачило. А в следующий момент ему почудился в этом вызов. Что ж, тогда придется наказать наглеца! И заодно лишний раз подтвердить свой авторитет в глазах своих «шестерок».

— Ладно, — после короткой зловещей паузы заскрипел Рваное Ухо, — сейчас, пацан, я тебе объясню, что и как бывает с теми, кто не соблюдает наш Порядок.

— Разве отбирать у других — это порядок? — сказал Демагог.

— Не возникай! — рявкнул на него Ништяк. — Пахан тебе слова не давал!

Рваное Ухо одобрительно глянул на него и снова повернулся к Демагогу.

— А кто у кого отбирает? Всего лишь навсего одни делятся с другими. Или, скажем так, ты обмениваешь свои продукты на нашу дружбу. Нормальная сделка. Как на рынке: все продается и все покупается.

— И дружба?

— Да какая разница: дружба, служба — все товар!

— А если я не хочу? — сказал Демагог.

— Что не хочу? — не понял Рваное Ухо.

— За свои продукты покупать вашу дружбу.

— Пахан, гляди, он нашей дружбой брезгует, — сказал Гарик.

— Ты не можешь не хотеть, — не откликнувшись на замечание Гарика, проскрипел Рваное Ухо и приобнажил в жутковатой полуушмешке желтоватые клыки, отчего сразу стал похож на дикого хищного зверя. — Ты живешь в обществе, а быть свободным от общества, знаешь ли, нельзя. Тем более нарушать установленные обществом порядки.

— Но эти порядки нехорошие, нечестные! — продолжал упрямыться Демагог.

— Эт-то кто мне тут про честь мявкает?! — взбеленился вдруг рыжий кот. — Вот эт-та картинка с кошачьей выставки будет мне что-то там о чести лепить? — шипел Рваное Ухо, наступая и заставляя Демагога пятиться. — Мне, коту в законе, который на нарах времени провел больше, чем эт-тот полосатый половик вообще на свете живет?!.

Распаляя себя, Рваное Ухо тюремные нары вспомнил не случайно. И гордо назвал себя «котом в законе» — тоже.

Дело в том, что родился и вырос он за колючей проволокой — в колонии строгого режима для опасных преступников. И опекал его с самого рождения настоящий «вор в законе» по кличке Кошак. Срок Кошак сидел большой, и несколько лет Рваное Ухо, а звали его тогда просто Рыжиком, спал на его койке. Но однажды Кошак ударился в бега, и Рыжик решил не отставать от хозяина. Они долго блуждали по тайге, пока не вышли к широкой реке, по берегу которой добрались до большого города. Путешествие длилось не один день. Но и в городе они подолгу не задерживались на одном месте — заметая следы, меняли одну квартиру за другой. Правда, слово «квартира» к этим ужасно грязным, захламленным помещениям подходило с большим трудом. Кошак и называл их по-другому — блатхаты.

На блатхатах было полно мышей и крыс. Поначалу Рыжик охотился на них, но вскоре бросил. От дружков-собутельников Кошака ему и так неплохо перепадало, голодным он не был. К тому же он пристрастился воровать. Воровал на рынке, в магазинах, ларьках — везде, где имелась хоть малейшая возможность что-то стянуть. Был он очень ловок, отчаянно-дерзок и неуловим. Кошак занятие своего питомца поощрял и

Рыжиком, отъевшимся и превратившимся в здорового кота, явно гордился. «Теперь мы оба «в законе», — смеясь, говорил он друзьям. — Только я — «вор в законе», а он — «кот в законе».

Но, как говорится, сколько веревочке ни виться, а конец все равно приходит. Кошака снова поймали и арестовали. Рыжик бросился, было, вслед за хозяином, но железная дверь милицейской машины захлопнулась перед самым его носом.

Рыжик осиротел. Надо было думать, как жить дальше в огромном чужом городе одному, без теплого угла и человеческой заботы.

С арестом Кошака блатхата, где они обретались в последнее время, опустела. Люди покинули дом, а с ними ушло тепло. Наступили предзимние промозглые холода. От них в нетопленном помещении не спасало даже старое ватное одеяло, на котором Рыжик спал в ногах у хозяина. Да и мыши с крысами в отсутствие людей совсем обнаглели. Рыжик даже стал опасаться, как бы они однажды не напали на него сонного. И тогда он решил найти себе другое пристанище.

Это оказалось не так-то просто. Нет, теплое местечко под трубой отопления в одном из подвалов присмотрел он довольно быстро, но его надо было еще отвоевать, а заодно утвердить себя в глазах местного кошачьего населения.

Мир улицы (и у людей, и у кошек) подчинен своим неписаным законам. И превыше всего в том мире право сильного. Утвердишь его за собой, все остальное — твое: и теплое удобное лежбище, и боязливое почитание остальных кошек.

Однако в подвале, где собирался перезимовать Рыжик, уже был свой предводитель — дымчатый полуперс Ахмет, который, конечно же, не собирался просто так уступить чужаку первенство.

Бились они жестоко. Летели клочья шерсти, разносились по округе душераздирающие вопли, пыль стояла столбом. И в рыже-сером клубке сцепившихся тел трудно было различить, где головы, где лапы, а где хвосты.

В конце концов Ахмет не выдержал натиска и, истекая кровью, позорно бежал, оставляя победителю свои владения.

Но и Рыжику досталось: Ахмет порвал ему правое ухо. С тех пор и стал Рыжик Рваным Ухом.

После было еще немало разных стычек и драк, но всегда в них Рваное Ухо, отличавшийся не только силой, но и злобностью и жестокостью, выходил победителем.

Бывало, перепадало и ему. В основном от людей. Когда те заставляли его за воровским занятием. Но, зализав раны и отлежавшись, он снова принимался за свое.

И вот однажды, когда он стянул на кухне кусок говяжьей вырезки, повар так огрел его алюминиевым черпаком, что небо показалось с овчинку, и долго еще от боли гудела и разламывалась голова. Лихой удар поварешкой словно что-то переключил в голове рыжего ворюги, и он впервые в жизни задумался над тем, как рискован и опасен его промысел.

Это вовсе не было раскаянием в том, что живет он нехорошо, неправильно. Просто ему пришло в голову, а не лучше ли, чем рисковать самому, заставлять делать это других? Такие мысли возникли не на пустом месте. К этому времени Рваное Ухо успел приобрести среди уличных кошек большой авторитет. Держался он, конечно, не на уважении, а на страхе. Боялись рыжего ворюгу даже самые отчаянные коты-драчуны. И теперь вокруг него увивалось немало хвостатых подхалимов, старавшихся угодить и выполнить любое его желание.

С тех пор Рваное Ухо перестал сам промышленничать в магазинах, столовых, киосках и других местах, где могло что-то плохо лежать. Он лишь выбирал из принесенного ему самое лучшее. Вот тогда-то Рваное Ухо и почувствовал себя настоящим «котом в законе».

Но вот истаяла снегами еще одна зима, зазеленели весенние городские бульвары, и потянуло рыжего вора из каменных городских лабиринтов на волю, поближе к природе...

Ну а в дачном поселке оказался он случайно. От скуки и любопытства (а может, по

оставшейся воровской привычке проверять, что плохо лежит) Рваное Ухо забрался как-то в кузов грузовика, стоявшего возле подъезда одного из домов; машина в это время тронулась и, быстро набрав ход, помчалась сначала по широкому проспекту, а потом вырулила на загородное шоссе.

Рваное Ухо поначалу хотел выскочить, но побоялся. А потом ему так понравилось катиться по гладкой дороге, ощущая на себе тугий напор встречного ветра, что он и думать обо всем перестал. Даже о содержимом кузова.

Впрочем, ничего особенного там и не было: какие-то деревянные, кирпичи, банки с краской, мешок цемента... Как потом оказалось, хозяин грузовика вез на дачу стройматериалы.

Здесь дачные места Рваному Уху понравились. Две речки — одна в другую впадает. И в обеих рыбка водится.

Рваное Ухо себе и квартиру в недостроенной даче присмотрел.

И все бы замечательно, но беспокоило то, что снова самому придется заботиться о пропитании. Очень уж привык он в последнее время жить на всем готовом.

Но, присмотревшись, Рваное Ухо понял, что тревоги его напрасны: приложив некоторые усилия, можно и здесь жить не хуже прежнего.

Свое право сильного среди незлобивых и трусоватых домашних котиков Рваному Уху утвердить особого труда не составило, и он быстро установил свой Порядок.

Каждая кошачья единица в поселке облагалась данью.

Размер ее не оговаривался. Сборщики дани брали все, что понравится, и столько, сколько способны были за раз съесть и унести. Ослушников ждало жестокое наказание.

Нашлись у Рваного Уха и помощники. Не самому же, в конце концов, ходить по участкам и выбивать из глупых кошек дань. Утомительно, несолидно и не к лицу «коту в законе». Это дело «шестерок» — угодливых исполнителей его воровской воли.

Ништяк с Гариком как раз и стали такими «шестерками». Были и другие, тоже работавшие парами. На каждую пару приходилось по две-три дачные улицы. Однако особо приближенными к персоне Рваного Уха стали Гарик и Ништяк.

Неразлучная парочка жила здесь уже не первое лето, но главенство рыжего ворюги признала сразу и безоговорочно. И не просто потому, что был он крупнее и сильнее каждого из них (хотя для кошек это и имеет значение). Важнее другое: Рваное Ухо предложил надежный и, в общем-то, простой способ сытого и беззаботного существования. Вот отчего так преданно, боясь лишиться дармовой кормушки, служили Рваному Уху Гарик и Ништяк.

Но зачем, можете спросить, рыжему ворюге столько провизии (а ее у него скапливалось иной раз очень много)? Ну, во-первых, он и сам по себе отличался страшной прожорливостью, и желудок свой оставлял в покое только когда спал. Во-вторых, для того чтобы безбоязненно и спокойно разбойничать, нужно было позаботиться о подарках и угощениях тем, от кого это спокойствие зависело, поэтому каждое утро Рваное Ухо «в знак искреннего уважения» посылал что-нибудь вкусенькое любимой киске председателя дачного кооператива и коту бухгалтера. А как не подкормить пса Полкана, с которым сторож несколько раз в сутки обходил дачные участки! И, в-третьих, рыжий ворюга был просто очень жаден, и чем больше имел, тем сильнее разыгрывался его аппетит.

В общем, никто Рваному Уху не мешал безраздельно властвовать, никто не смел протестовать. И вдруг какой-то домашний выскочка, который здесь без году неделя, пытается оспаривать установленный и отлаженный им, «котом в законе», замечательный Порядок! Нет, этого потерпеть Рваное Ухо никак не мог!

Он зашипел, выгнув коромыслом спину, отчего чуть ли не вдвое стал выше. Глаза его налились огненным жаром, и взгляд их, казалось, вот-вот испепелит все вокруг.

Душа Демагога стала проваливаться в пятки. И не успел он опомниться, как Рваное Ухо совершил стремительный прыжок.

О, какой это был ошеломительный прыжок!..

Демагогу почудилось, что в безоблачном небе вдруг сверкнула рыжая молния и ударила в него с такой силой, что заставила перекувыркнуться.

Что и говорить — опытный уличный боец, Рваное Ухо умел проделывать такие штуки: оттолкнувшись от земли, уже в воздухе он выбрасывал вперед задние лапы и, словно настоящий каратист, сваливал их ударом самого мощного противника.

Жестокому и коварному этому удару Рваное Ухо научился в одном из городских спортзалов, где проходили тренировки спортсменов восточных единоборств. Ночуя здесь некоторое время, он днем наблюдал за тренировками и мотал на ус полезную для уличных битв науку.

У Демагога на несколько мгновений померкло в глазах и перехватило дыхание. А когда он стал подниматься, на него набросились Гарик и Ништяк. Бросились они по команде пахана, который, сочтя свое участие в процедуре наказания законченным, завершить ее поручил помощникам. А уж те старались вовсю...

Рваное Ухо довольно ухмылялся, наблюдая: профессорский выскочка посрамлен, Порядок восстановлен, а он, «кот в законе» и пахан местной кошачьей братвы, еще больше укрепил свои власть и авторитет.

ГЛАВА 12. Слезы и грезы

Никогда раньше Демагога не били, поэтому ощущения после того, как рэкетирь оставили его наконец, в покое были не из приятных. Все тело болело, кровоточила на спине большая царапина. Но это не шло ни в какое сравнение с тем унижением, какое ему только что пришлось испытать. Ведь в глубине души Демагог искренне верил, что он действительно, как поется в одной хвастливой песенке, «самый, самый из всех котов!». Да и как не поверить, если всю жизнь только и слышал со всех сторон, что он «самый-самый». Оказалось, что вот — не «самый»...

— Крепко они тебя... — услышал Демагог сочувственный возглас. Ему показалось, что Минтай (а это был он) вырос прямо из-под земли, хотя в действительности тот вылез из придорожной канавы, откуда наблюдал за схваткой.

— Да вот... напали... — промямлил Демагог.

— Я же предупреждал, что с ними лучше не связываться, — сказал Минтай. — Они весь наш поселок в своих грязных лапах держат.

— Потому и держат, что все молчат, — возразил Демагог.

— Ага, ты вот попробовал сказать...

Последние слова Минтая больно зацепили Демагога. Он обиженно отвернулся от товарища.

— Да ладно, не переживай, — извиняющимся тоном сказал Минтай. — Эх, жизнь наша кошачья! — вздохнул он. — Не собаки тебя, так свои же злыдни-кошки, которые еще хуже собак бывают...

Друзья забрались в самую гущу смородных кустов и подремали в тенечке. Демагог слышал сквозь сон, как пришли мама с Наташей, потом — папа-профессор. Его звали на разные голоса, но показываться в таком потрепанном виде ему не хотелось.

Когда солнце стало склоняться к горизонту, Минтай предложил:

— Пошли погуляем?

— Пошли, — согласился Демагог.

Они выбрались на улицу Счастливую и, немного пробежав по ней, свернули в переулочек, ведущий к Мосихе. Не доходя до речки, Минтай снова повернул — на этот

раз в короткий тупичок, упирающийся в ветхое деревянное строение. Одна из его досок, снизу, возле земли, подгнила и выкрошилась, образовав дыру чуть больше кошачьей головы.

Минтай заглянул в дыру и позвал:

— Эй, Карбофос, ты где?

Внутри послышалось шуршание, потом в дыре показалась кошачья морда и выжидающе уставилась на них.

— Протри глаза, Карбофос! — сказал Минтай. — Это я и мой друг.

— А-а, Минтай! — расплылась в улыбке голова в дыре. — Когда из темноты на свет вылезешь, не сразу и разглядишь, кто перед тобой. Заходите, ребята! — пригласила кошачья голова.

Сначала в дыру пролез Минтай. За ним стал протискиваться в узковатое для него отверстие Демагог.

Оказавшись по другую сторону дыры, он осмотрелся и увидел в углу лопаты, грабли, вилы, а на полу чернел резиновыми кольцами поливочный шланг. Скорее всего, это был садовый сарай.

— Дима, иди сюда! — услышал Демагог от противоположной стены голос Минтая и только собрался отправиться на зов товарища, как из дыры донеслось:

— Помогите, застрял!

Оглянувшись, Демагог увидел в дыре Пуфика.

Кое-как вместе с подоспевшим Минтаем и хозяином сарая они втащили толстого Пуфика вовнутрь.

— Ты-то как здесь очутился? — удивился Минтай.

— А я издали хвост Демагога заметил и пошел за вами. Одному-то скучно, — объяснил Пуфик.

— А кто такой Демагог? — озадачился Карбофос.

— Так это же Дима, — показал Минтай на товарища лапой.

— Дима — понятно, а Демагог... — пробормотал Карбофос. — Это какое-то новое средство от тараканов?

— Почему от тараканов? — обиделся за свое имя Демагог.

— Ну, может, не от тараканов, а от других каких-нибудь насекомых. Как, например, карбофос или дихлофос.

— Нет, мое имя ни с какими насекомыми не связано, — решительно отмахнулся Демагог. — Это у тебя скорее...

— Да и я к ним никакого отношения не имею, — сказал Карбофос. — Просто так вот прозвали...

— А почему?

— А-а!.. — махнул лапой Карбофос. — Сам виноват. В детстве по глупости тараканьей этой отравы нализался. Чуть не подох. С тех пор и прилипло: Карбофос да Карбофос... Все кошки как кошки: Васьки, Степки да Мурки, а я — Карбофос. Зато кайф у меня тогда был — я вам скажу!.. — блаженно закатил глаза Карбофос. — Будь здоров торчал! До сих пор помню!

— С тех пор «торчит» всю дорогу, — шепнул Минтай на ухо Демагогу.

— Где «торчит»? — не понял Демагог.

— Да не где, а как, — поправил его Минтай. — Нюхоман он, понял?

— Нет, — помотал головой Демагог.

— Ладно, еще поймешь, — пообещал Минтай.

— Ребята, а что там за драка была возле дачи Пуфика? — поинтересовался Карбофос.

Пуфик ни про какую драку не знал (он как раз спал под своим крылечком), зато Минтай охотно объяснил:

— Это Рваное Ухо со своими пристебьями Демагога своему порядку учил.

— Понятно, — сказал Карбофос. — Ничего хорошего от них ждать не приходится.

Демагог вспомнил пережитый днем позор и, помимо воли, жалобно мяукнул. Минтай стал успокаивать товарища, а Карбофос сказал:

— В таких случаях самое лучшее — словить хороший кайф и забыться.

— А где я его поймаю? — спросил Демагог.

— Здесь.

— Он тут водится?

— Водится, водится, — заверил Карбофос. — Сейчас все будет. — Карбофос отправился в дальний угол сарая, призывным покачиванием хвоста приглашая гостей следовать за ним.

В углу Демагог увидел на полу старую телогрейку, которая, вероятно, служила хозяину постелью, а рядом с ней, на газетном листе какую-то сухую траву, корешки, таблетки, пакетики с порошками, разные тюбики, баночки, пузырьки...

— Для начала попробуем-ка валерьяночки, — подвинул Карбофос Демагогу сухой корешок с возбуждающим запахом.

Демагог пожевал его и почувствовал, что боль и обида стали отпускать его, уступая место легкости и бодрости.

— А теперь вот это лизни... и это понюхай... — подсовывал ему Карбофос какие-то новые травы, жидкости, порошки.

Демагог пробовал и чувствовал, что его подхватили теплые ласковые волны неведомой реки и понесли куда-то далеко-далеко, где нет ни Рваного Уха, ни Гарика с Ништяком, ни мамы с Наташей, а есть какая-то прекрасная волшебная страна, где все совсем другое, непохожее на этот мир. На волнах сказочной реки увидел он и Минтая с Пуфиком, и Карбофоса. Река несла их всех в замечательную страну грез, оставляя позади все сегодняшние неприятности. Хотелось смеяться и петь, кататься по траве и сочинять стихи. Демагог снова почувствовал себя «самым-самым».

— Ну, как кайф? — интересовался между тем Карбофос, но Демагог только сладко жмурился и расплывался в довольной улыбке.

— Я же говорил! — радовался за него нюхоман. — Теперь до утра будем «торчать»!

И вдруг впереди на волнах сверкающей разноцветными бликами реки Демагог увидел Марысю. Она плыла задом наперед, мордочкой к нему, и изумрудные ее глаза мерцали еще загадочней, чем вчера. Но вот она развернулась и призывно шевельнула кончиком пушистого хвоста, словно приглашая следовать за собой. А потом исчезла. Демагог недоуменно покрутил головой, но река впереди была пуста и только откуда-то издалека нежно-призывно доносилось: «Ди-ма!...»

Демагог изо всей силы рванулся вперед, и тут же из глаз его посыпались искры. Река ушла куда-то в сторону, а он, очнувшись на время, увидел, что сидит на грязном полу сарая перед неструганными досками стены, о которые только что чуть не расшиб себе лоб.

Искры погасли, радужная река снова обняла его волнами и снова впереди — словно взмахнули платочком — мелькнул пушистый Марысин хвост.

— Куда ты, Дима? — окликнул его Минтай.

— К Марысе! — ответил Демагог и стал поспешно выбираться из сарая.

— К архитектурской кошке собрался. Их дача на Большой Поляне, — кому-то, кажется, Карбофосу, пояснил всезнающий Минтай.

А Демагог уже опять не замечал ничего вокруг, кроме далекого впереди кончика Марысиного хвоста.

Демагог плыл по реке. Ему мешали попадавшиеся на пути ветки, палки, кучи мусора, навоза; путались в лапах водоросли, похожие на гороховые стебли, липли к бокам колючки репейника; Демагог то проваливался в какие-то ухабы, то волна возносила его в гору... Тем не менее, несмотря на все препятствия, он упорно продвигался вперед. А в голове его тем временем складывались стихи, которые сразу же обрастали музыкальными звуками, становились мелодичными и певучими...

ГЛАВА 13. Ночная серенада

До изукрашенного деревянной резьбой теремка архитекторской дачи развеселая компания добралась уже затемно. Попастъ сюда они могли бы и гораздо раньше, если бы путь их пролегал по улице Счастливой, которая, как мы знаем, как раз и заканчивалась на Большой Поляне. Но, отведав Карбофосова «угощения», коты двинулись, не разбирая дороги, через чужие огороды. С воплями перепрыгивали они через борозды и канавы, катались по грядкам, продирались через заросли гороха... Им вослед неслись проклятия хозяев дач, летели в них камни и палки. Пару раз пришлось даже спастись им на деревьях от разъяренных псов, но, уйдя от преследования, они продолжали куролесить.

Возле одной из дач компания внезапно наткнулась на Гарика и Ништяка. У одного в зубах болталась сосиска, у другого — куриное крылышко. Они несли Рваному Уху ужин. Увидев не на шутку разошедшуюся компанию, рэкетеры порядком струхнули и, побросав добычу, бросились наутек.

— Эй, Ништяк — с крыши бряк! — запустил Минтай ему вслед не очень складной рифмой.

— Гарик, возьми фонарик! А не то упадешь — башку расшибешь! — в тон ему восторженно заорал Демагог и почувствовал мстительное удовлетворение.

А Карбофос пронзительно, по-разбойничьи засвистел.

Когда спасавшиеся бегством рэкетеры исчезли из виду, друзья весело расхохотались. Им было хорошо. Еще бы! Заставить удирать этих двух наглых бандитов!

Веселая компания выбралась, наконец, на улицу Счастливую.

Впереди, совсем недалеко виднелась освещенная фонарями Большая Поляна. Улица в этом месте была посыпана мелким гравием. Чуть слышно, как крадущаяся по кладовке мышь, он шуршал под кошачьими лапами.

Коты шли шеренгой посередине дороги плечо к плечу, словно отважные мушкетеры.

И тут Минтай запел:

*Раз, два — левой!
Вперед — и хвост трубой!
Отважная команда
Выигрывает бой!..*

Бравая эта песенка как нельзя лучше соответствовала приподнятому настроению друзей, и они дружно подхватили:

*Отважная команда
Выигрывает бой!*

Карбофос снова лихо присвистнул, а Минтай продолжил:

*Раз, два — левой!
В кустах мы не сидим.
Держись, бродяги-воры, —
Мы спуску не дадим!..*

Да, да, именно так — не дадим! Ах, молодец, Минтай! Легко и уверенно чувствовал себя сейчас Демагог, подпевая товарищу. Словно и не было позади печального нынешнего дня.

Коты вышли, наконец, на Большую Поляну. И тут Демагог вспомнил о цели своего путешествия. Снова настойчиво стали рваться на свободу возникшие в голове слова и мелодия. Так настойчиво, что Демагог резко остановился, нарушив их мушкетерский строй, и заявил:

— Я тоже сочинил... эту... серенаду...

Коты недоуменно переглянулись. Про всякие там шлягеры, попсу, хиты, рок они слышали: от них ни днем, ни ночью радио с телевизором не отдыхают. Карбофос, к примеру, умудряется ловить кайф, или, как он это называл, «тащиться» от тяжелого металлического рока, который бил по мозгам не хуже любой дурман-травы. Минтай предпочитал поп-музыку: что-нибудь душераздирающее от Александра Малинина. Ну а музыкальные пристрастия Пуфика ограничивались колыбельной лирикой. А вот с чем едят эту самую серенаду — никто не знал.

— Это песня такая. Только про любовь... — смущенно пояснил Демагог. — В стране Испания кавалеры исполняли свои серенады под балконом дамы сердца.

В Испании коты не были, но Демагогу поверили на слово: как-никак профессорский питомец — знает, наверное, лучше их, что там, в неведомой стране Испания, творится. Лишь Минтай решил уточнить.

— Марыське будешь петь? — спросил он, но, заметив, что заставил друга еще больше смутиться, поспешил успокоить: — Ничего, Дима, не тушуйся, начинай, мы подтянем.

Они подошли к даче архитектора. Резной теремок в голубоватых отблесках неоновой лампы, висевшей неподалеку на столбе, был похож на залитый глазурью печатный пряник. Вокруг стояла тишина. Все, как видно, уже спали.

Демагог нерешительно оглянулся на приятелей.

— Давай-давай! — подбодрил Минтай.

Демагог задрал морду к небольшому балкончику на мансарде и затянул:

*О, Марыся, Марыся,
Несравненная киса!
Лучше всех ты на свете —
Моя мечта!*

*О тебе я страдаю,
Жуя хвостик минтая,
И тебя вспоминаю —
Ах, всю тебя!*

Пел Демагог страстно, вкладывая в серенаду весь свой любовный пыл, хорошо к тому же подогретый дурман-травой.

Его друзья, которым и сама серенада, и романтическая обстановка летней ночи очень нравились, рьяно помогали Демагогу, стараясь изо всех сил. Правда, со стороны пение этого кошачьего квартета больше напоминало завывание циркулярной пилы, наткнувшейся на крепкий сучок, но так ведь то со стороны...

*...И твой розовый носик,
И пушистый твой хвостик,
Твою мордочку милую —
Как снег она!*

*Спинку — ночи темнее,
Шерстку — шелка нежнее,
И глаза зеленее,*

Чем вся трава!

И — о, чудо! — балконная дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель проскользнула Марыся. Она вспрыгнула на перильца, сонно зевнув, сладко потянулась...

О, Марыся, услышала, вышла! О, как ты прекрасна!..

У Демагога бешено заколотилось сердце, и, воодушевленный появлением возлюбленной, он с удвоенной энергией продолжил свое песнопение:

*От любви умираю,
Не могу есть минтая,
О мышах забываю —
Я без тебя!*

*О, Марыся, Марыся,
Я у лап твоих, киса,
В жгучей страсти любовной —
Сгораю я!*

Закончив, Демагог как истинный рыцарь шаркнул лапой, учтиво поклонился, и если уж не на восторженные аплодисменты, то на благосклонное «мяу» своей дамы сердца он, на худой конец, рассчитывал. Однако того, что случилось дальше, Демагог никак не ожидал.

— Как не стыдно! — сердито фыркнула Марыся. — Я-то думала, что вы, Дима, тактичный и воспитанный юноша, а вы с друзьями ведете себя, как последние хулиганы. Всю округу разбудили! И вообще, кто вам позволил петь про меня?!

Негодующе качнув пушистым хвостом, Марыся повернулась и исчезла за балконной дверью.

И тотчас же, словно в подтверждение ее слов, раздались возмущенные голоса дачников, лай собак...

— Бежим! — завопил Минтай, и они бросились врассыпную.

Чуть ли не до самой их дачи Демагога преследовал здоровенный и злющий пес-боксер. Только нырнув под свой штакетник и отмахав до середины участка, кот наконец почувствовал себя в безопасности. С минуту он запаленно дышал, приходя в себя, а потом рухнул без сил прямо в середину морковной грядки.

ЧАСТЬ II. САМ ПО СЕБЕ...

ГЛАВА 14. Чем кончаются бурные ночи

— Вот он! — разбудил Демагога громкий Наташин возглас. — Та только посмотри, мама, где он устроился!

Демагог с трудом разлепил глаза. Не осталось и следа от вчерашней легкости и радостного возбуждения. Голова гудела, словно алюминиевая миска, по которой непрерывно лупили алюминиевой ложкой. Тело было ватным, непослушным, а к горлу подступала тошнота.

— Ты зачем забрался на грядку? Всю морковку выкатал! Устроил, понимаешь, лежбище! Ночь где-то прошлялся, а теперь — нате вам! — завалился... Да я тебя, мерзавца, за это!.. — обрушился на Демагога водопад маминого негодования.

В сердцах мама схватила валявшуюся в борозде хворостину и замахнулась на кота.

— Мамочка, не надо! — взвизгнула Наташа, но поздно: со свистом разрезав воздух, прут уже опустился на повинную полосатую спину.

Демагог вскочил, словно ошпаренный, и, не разбирая дороги, бросился вон.

— Стой! Куда же ты, заполошный! — слышал он за своей спиной, но ноги сами несли его прочь.

Неизвестно, сколько бы вот так, без оглядки, мчался наш проштрафившийся герой, если б не наткнулся по пути на что-то мягкое, свернувшееся клубочком.

Клубок издал недовольное «мяу», и Демагог увидел уютно устроившегося в свекольной ботве Минтая.

Некоторое время Минтай бессмысленно таранился на приятеля, наконец, с трудом узнав его, вяло пробормотал:

— Привет! Чего несешься, как угорелый?

— П-побили, — кое-как приходя в себя, сказал Демагог.

— Как, опять Рваное Ухо?

— Да нет. М-мама... Прутом... П-по спине...

— Ах, хозяйка... — зевнул Минтай. — Тогда ничего, нормально.

— Как это — нормально?! — Демагог весь клокотал от возмущения. Его сроду и пальцем никто дома не трогал, а тут — прutom!.. И больно, конечно, но больше — обидно. И ведь от кого попало! От человека, которого любил едва ли не сильнее всех!

«Уйду, — решил Демагог. Пусть живут одни. Посмотрим, как запоют без него, когда не на ночь исчезнет, как сегодня, а надолго. Не на кого будет полюбоваться, некого погладить, не с кем поиграть, некого гостям показать...»

— Дима, Димочка, ты где, родненький? — услышал он со стороны их участка дрожащий от слез Наташин голос, а следом и мамин, все еще сердитый:

— Не роняй слезки на колески. Проголодается — придет.

— Как же, ждите! — мстительно прошептал Демагог, хотя и сам уже чуть не плакал.

— Что ты сказал? — не расслышав, переспросил Минтай.

— Домой, говорю, не приду, — как можно тверже ответил Демагог.

— Ты серьезно?

— Еще бы!

— Ну и напрасно, — не одобрил Минтай. — Подумаешь, прutom разок огрели. За дело! Не валяйся, где не положено. Хозяева с этой грядкой, понимаешь, возились, возились — садили, пололи, поливали, а ты взял и все их труды испортил.

— Но бить-то зачем?

— А чтоб лучше до глупой кошачьей головы доходило. И вообще — не делай из мухи слона. Вот я, к примеру. Да если б я каждый раз после того, как в меня Федякин в раздражении сапогом или еще чем тяжелым запускал, из дому убегал, то давно б уже бродягой стал. Не бери в голову. Такова наша кошачья жизнь. Тем более что после всякого наказания наступает прощение. Вон слышишь — назад зовут. Простили, значит.

Теперь уже и мама звала Демагога домой, и в голосе ее чувствовалось раскаяние.

Но в Демагога словно вселился бес противоречия и нашептывал ему, и нашептывал: «Не поддавайся на уговоры, храни обиду, покажи им!..».

— Не вернусь! — с упрямой решительностью повторил Демагог.

Минтай нехотя поднялся, отряхнулся и, вздохнув, сказал:

— Ладно, пошли-ка отсюда, пока нам еще и от Федякина не влетело.

Они выбрались на улицу Береговую, которая своими домами выходила прямо на заросший тальником берег Лосихи, и сразу же увидели направлявшегося к ним Карбофоса.

В отличие от Минтая с Демагогом был он оживлен, даже весел, и никакой угнетенности в нем не ощущалось.

— Уже «торчит», — определил Минтай.

— Здорово, пацаны! — бодренько поприветствовал он их. — Как жизнь?

— Хуже некуда, — буркнул Демагог.
— Что так? — удивился нюхومان. — Разве плохой вчера кайф словили?
— Да, конечно... — болезненно поморщился Минтай. — После твоих травок сегодня чувствуешь себя так, будто слону под ноги попал, и башка гудит, как электричка.
— Вылечим! — радостно пообещал Карбофос. — Пошли ко мне, кое-что примем...
— Нет-нет-нет! — замотал головой Демагог. — Я больше твоей дурман-травы не хочу. От нее сначала весело, зато потом хоть на стенку лезь. И глупости всякие делаешь, на грядках валяешься... Одни неприятности...
— Да чуть-чуть валерьяночки на язык — и все неприятности как рукой снимет. Вот увидите! — продолжал убеждать Карбофос. — И вообще я вам скажу: одного раза для настоящего кайфа мало. Надо регулярно принимать. Как лекарство. Тогда толк будет. Любой врач подтвердит.
— Вот еще! — рассердился Минтай. — Сам нюхومان пропащий, так хочешь, чтобы и мы за компанию с тобой такими же стали?
Давай проваливай, доктор!..
Демагог с Минтаем оставили Карбофоса одного, а сами пошли вдоль берега. Демагог молчал, а Минтай вслух обдумывал сложившееся положение:
— Куда же теперь тебя пристроить? Тут неподалеку Степана-ветерана дача, но он и сам у сына на птичьих правах живет. С Пуфика тоже толку мало. — Минтай на минуту задумался, а потом со вздохом сказал: — Если честно, то в наших краях каждый сам по себе и за себя и никто чужого кота себе не пустит. Конечно, я бы мог тебя к себе пригласить, но, — замылся он, — не знаю, как к этому Федякин отнесется. Он мужик крутой, не будет разбираться — профессорский ты или нет...
— Да я и не пошел бы к тебе. Меня у вас сразу найдут, — сказал Демагог.
— И то верно, — с видимым облегчением согласился Минтай и посоветовал: — Лучше всего, наверное, попытаться счастья у Кривого Боцмана. Он котяра свободный, самостоятельный.

ГЛАВА 15. Сплошные неприятности

На углу Береговой и узенького проулочка, соединяющего ее с улицей Счастливой, Минтай остановился.
— Ты это... дальше иди один, — сказал он, виновато отводя глаза.
— А ты? — спросил Демагог, не ожидавший, что Минтай так быстро захочет с ним расстаться.
— Да и день мой сегодня...
— Какой день? — не понял Демагог.
— Какой, какой... — проворчал Минтай. — Такой... Быстро же ты забыл. Мало, значит, тебя вчера трепали. Ништяк с Гариком должны пожаловать — вот какой!
Полученная от мамы взбучка и обида на нее и в самом деле заставили забыть на время и Рваное Ухо, и его «шестерок». Минтай напомнил о них, и Демагог почувствовал себя совсем плохо. У него даже помутилось в голове. А когда он пришел в себя, минтая рядом уже не было.
Зато на другом конце переулочка Демагог увидел Марысю. Она сидела, подобрав пушистый хвост, и умывалась, время от времени поглядывая в сторону Демагога.
Кот бросился к ней.
Марыся немедленно прекратила свой туалет и, гордо распушив хвост, пошла прочь.
Когда же Демагог наконец догнал ее, она, не дав ему и рта раскрыть, сердито сказала:
— Не смейте ко мне приближаться, хулиган! Еще шаг — и я выцарапаю вам глаза!

Демагог невольно отступил и виновато опустил голову. А напрасно! Иначе бы заметил, что, отойдя на пару шагов, Марыся обернулась, и взгляд ее был гораздо теплее грозных слов. Он говорил о том, что зла она на своего рыцаря вовсе не держит, что, даже напротив, ночное приключение с волнующей серенадой в ее честь очень пришлось красавице по душе, но что ведь и девушку, возле дома которой в столь поздний час устраивают такой тарарам, тоже надо понять... К тому же, по всем правилам любовного ухаживания, помучиться юноше положено, повздыхать, пострадать, потосковать, как следует, а уж потом...

Но удрученно свесивший голову Демагог взгляда Марыси не заметил и ни о чем таком не догадывался. А когда голову поднял, кошки и след простыл.

Демагог вздохнул и побрел куда глаза глядят. А они в это время смотрели в чью-то чужую калитку, за которую он, недолго думая, и проник. Зачем? Он и сам не знал. Просто очень не хотелось оставаться сейчас на открытой жаркому солнцу и любопытным взорам улице.

На участке, куда попал наш герой, почти не было грядок, но зато столько цветов! Всюду цветы, цветы, цветы... И высоченные горделивые гладиолусы, и георгины, чьи крупные цветы со стрельчатыми лепестками походили на разноцветных ежиков, и большие, ослепительно-белые, словно упавшие на землю звезды, садовые ромашки, и жаром горящие махровые маки, и головокружительно пахнущие флоксы, и скромные голубоглазые анютки...

От всего этого цветочного многообразия у Демагога зарябило в глазах. Он с минуту жмурился, привыкая, потом двинулся по кирпичной дорожке к голубому дому, расположившемуся в глубине участка.

Еще издали заметил он на крыльце блюдце с молоком и куском вареного мяса рядом с ним. И только сейчас почувствовал, как страшно голоден: не ел со вчерашнего обеда, а дурман-трава еще сильнее обострила аппетит.

Достигнув крыльца, Демагог одним прыжком взмахнул на него и, забыв обо всем на свете, с жадным урчанием вонзил зубы в сочное, еще теплое мясо. Прекрасная отварная говядина сама таяла во рту. Расправившись с ней, Демагог взялся за молоко. И тут услышал за своей спиной:

— Но ведь мой день — завтра!..

От неожиданности Демагог вздрогнул и, с сожалением оторвавшись от блюдца, оглянулся. С удивлением и беспомощной обидой на него смотрели ярко-голубые глаза сиамского кота-подростка.

— Гарик и Ништяк должны обедать у меня завтра. А вы кто? Пахан?

— Я — Демагог... — в замешательстве промямлил непрошенный гость.

— Значит, по вторникам у меня еще и вы будете обед отбирать, господин бандит? — спросил сиамец-подросток, чем окончательно смутил Демагога.

Он густо покраснел — иначе говоря, все полоски на его морде слились в одну, багрово-коричневую, — и, оставив щекотливый вопрос без ответа, поспешил прочь.

Демагогу было ужасно стыдно. Надо же — съел чужой обед! Украл — и съел! Нет, не просто украл, а отобрал у слабого! Чем он тогда лучше Гарика и Ништяка? Подумать только — его за пахана приняли, за бандита! Какой позор! А ведь он всегда себя считал честным котом, который никогда без спросу чужого не возьмет. Гордился этим... Выходит, права Марыся — хулиган. Даже и того хуже...

Терзаемый стыдом, Демагог и не заметил, как пересек границу цветочного участка и оказался на соседнем. Здесь его настиг рваный башмак, больно ударивший по спине, и визгливый женский вопль:

— Ох, и поймаю же я сейчас тебя, тварь полосатая, ох, и пущу же на шапку! Будешь знать, как по чужим огородам шастать!

Ботинок вывел Демагога из состояния мрачной задумчивости, и, не став дожидаться исполнения угрозы, кот поспешил убраться с участка, благо забор был неподалеку.

Очутившись за ним, Демагог огляделся. Место было незнакомое. По этой улочке он еще не гулял.

Демагог сделал несколько шагов и наткнулся на крохотного котенка. Испуганно озираясь по сторонам, он жалобно пищал.

«Наверное, потерялся», — решил Демагог и, занятый своими невеселыми мыслями, побрел дальше.

Вдруг сзади раздался свирепый лай, заставивший вздыбиться на загривке шерсть.

Демагог оглянулся. Крупная лохматая дворняга, прямо-таки закипая от ярости, лаяла на перепуганного насмерть котенка, успевшего взобраться на столбик штакетника. От земли до котенка было всего метра полтора, и собака, прыгая вокруг него, уже почти доставала сжавшийся в страхе пушистый комочек.

Демагога собака не замечала. Возможно, потому, что из-за своей расцветки кот почти не выделялся среди травы возле забора. А может, вообще сейчас, кроме своей жертвы, никого вокруг не видела.

Демагогу, конечно, было очень жаль несчастного котенка, но как ему помочь — он не знал. Догадывался, правда, что следовало бы как-то помешать собаке: либо броситься на нее самому, либо чем-то отвлечь, чтобы котенок мог уйти. Но при одном взгляде на изрыгающее злобный лай чудище ему становилось не по себе.

А собака не отступалась. Еще усилие — и котенок у нее в зубах!

И вдруг — откуда только взялась! — перед самым носом собаки возникла кошка. Невзрачная такая, серенькая, но полная решительной отваги кошка. Демагог и глазом не успел моргнуть, как, подскочив, словно мячик, она вцепилась псине прямо в морду острыми, словно рыболовные крючки, когтями.

Србака громко взвыла, замотала кудлатой головой, стараясь сбросить внезапного противника, но каждое ее движение лишь усиливало боль.

Наконец кое-как освободившись от кошки, собака отчаянно заскулила и бросилась удирать.

Увидев, что опасность миновала и внизу не страшная псина, а добрая мама, котенок задом спустился со столбика и радостно потерся о серый кошкин бок.

Некоторое время, довольно мурлыча, кошка вылизывала свое дитя, потом, взяв его зубами за загривок, понесла к калитке. На трусливо притаившегося в траве Демагога кошка тоже не обратила никакого внимания.

Когда кошка с котенком в зубах исчезла за калиткой, Демагог двинулся дальше, и если бы сам он не принадлежал к семейству кошачьих, то можно было бы сказать, что у него сейчас «на душе кошки скребли». За какую-то четверть часа успел он оказаться и вором, и обидчиком, и трусом. А трусом-то за последние дни уже и не в первый раз.

ГЛАВА 16. Бесталанный нищий

За железными воротами садоводческого общества «Проектировщик», на дорожке, ведущей к платформе, пусто. Последняя утренняя электричка ушла, до следующей — больше часа, поэтому торговцы с базарчика разбрелись кто куда. Не видно и побирušки.

Демагог обошел корягу, возле которой тот обычно «трудился», и позвал:

— Кривой Боцман, ты где?

— Здесь я, здесь, — после некоторой паузы услышал Демагог полусонный голос из кустов позади коряги.

Демагог пошел на голос и очутился в прохладной уютной канаве, протянувшейся вдоль невысокого заборчика, из-за плотного ряда кустов почти невидимого с дорожки.

На дне канавы дремал кот-попрошайка.

— Отдыхаю вот, — сказал он, поздоровавшись. — Самое пекло начинается. Да и все равно, — зевнул он, — до следующей электрички ловить нечего. А она еще не скоро. Ложись, вздремнем...

Демагог устроился напротив хозяина канавы. Пахло от него не очень приятно. Сказывалась уличная жизнь. А может, просто не любил умываться. Демагог незаметно отодвинулся.

— Как дела? — поинтересовался Кривой Боцман.

— Так себе, — признался Демагог. — Из дома вот ушел.

И он честно рассказал о том, что случилось с ним в последние дни.

— И как теперь дальше жить — ума не приложу! — горестно закончил Демагог.

Кривой Боцман задумчиво поскреб лапой за ухом.

— Пока тепло, можно даже здесь жить, — показал он лапой на канаву. — И прокормиться, в общем-то, не проблема, если только не лениться.

— А что надо делать? — с надеждой спросил Демагог.

— Да хоть вон подаяние просить... Хочешь — вместе станем работать?

— Но я же не умею! — испугался Демагог.

— Учись! — посуровел Кривой Боцман. — Жрать захочешь — научишься. А не то с голоду подохнешь. Это тебя дома за красивые глаза бесплатно кормили, а когда сам по себе живешь — все по-другому. За все приходится платить самому.

— Ладно, я попробую, — уныло согласился Демагог.

Не теряя времени, Кривой Боцман повел новоиспеченного нищего к коряге. Побирושка обошел ее с другой стороны. Здесь тоже была протоптана тропочка. На нее обычно сворачивали те, кто или спешил, или кому не хотелось двигаться в общем потоке сошедших с электрички дачников.

— Навару тут, конечно, поменьше, но для начала сойдет, — решил Кривой Боцман и принялся располагать Демагога на его «рабочем месте».

— Ты уселся так, будто тебя на открытку собрались фотографировать! — тут же принялся распекать он своего подопечного. — На копилку глиняную ты сейчас похож, а не на нищего. Нет, позу надо сменить! — решительно заявил Кривой Боцман и приказал: — Привались спиной к коряге! Так... А теперь вытяни задние лапы... Обе, обе!.. — поучал побирושка, забегая то с одной стороны, то с другой. — А сейчас правую переднюю — вперед! И скажи что-нибудь на публику...

— Что сказать?

— Ну, к примеру... Господа дачники, будьте сердобольными, скажи, подайте беженцу, скажи...

— Что ты несешь, какой я беженец?

— Ты же из дома удрал?

— Ну, удрал.

— Значит — беженец, — рассудил Кривой Боцман. — К беженцам у людей больше жалости. А вообще-то, — сказал побирושка, — в нашем деле слова особого значения не имеют. Вякай что-нибудь.

— Дорогие друзья! Граждане!.. — начал Демагог, но Кривой Боцман тут же его оборвал:

— Стоп, стоп, стоп! Ты же не на митинге. Здесь слеза нужна, понимаешь, слеза!..

— Дамы и господа! Перед вами несчастное животное — жертва бездушных хозяев...

— Нет, нет, нет! — замахал лапами Кривой Боцман. — Не верю! Глянул бы ты на себя со стороны! Какая же ты жертва? Наоборот, любой, кто тебя увидит, сразу же подумает, что ты семейный любимец. Развалился тут, понимаешь ли, гладенький...

— Ты же сам меня так посадил, — возразил Демагог.

— Да я не о том, — отмахнулся Кривой Боцман. — Тебя, конечно, было бы лучше в рекламную фирму отдать — «Вискас» рекламировать».

— А где есть такая фирма?

— В городе, где же еще? Ну ладно, кончаем базар... Электричка из города подходит: слышишь — гудит. Вот-вот народ повалит. Раз уж не успели ничего придумать, просто тяни лапу навстречу толпе и ори дурниной. Пусть думают, что у тебя что-нибудь болит. Глядишь — пожалеют...

Кривой Боцман поспешил на свое место. Оживший тем временем базарчик тоже хлопотливо ожидал подхода электрички.

Послышались визг тормозов, шипенье автоматических дверей и следом — радостный гул вырвавшейся на чистый воздух толпы горожан.

Мимо Демагога люди шли не задерживаясь. Ну, сидит себе большущий кот в какой-то странной позе — что с того? Правда, забавно так лапу протягивает. Как собака. Ну, протягивает и протягивает. Кого сегодня чем удивишь, когда все в жизни нынче перемешалось. Знать бы, о чем он там мявкает, чего хочет, тогда бы еще!..

А вот с мявканьем-то как раз и возникли проблемы. То ли от страха, то ли от волнения у Демагога пропал голос, и сейчас он лишь, как вытщенная из воды рыба, беззвучно разевал рот.

От неудобной позы ныла спина, затекли лапы. Солнце пекло голову. А мимо текла равнодушная толпа.

Наконец Демагог не выдержал и принял нормальную кошачью позу: сел, выгнув спину и подобрав под себя хвост. И сразу услышал знакомые удивленно-восхищенные возгласы:

— Какой красавец!

— Редкая, должно быть, порода?

— Потерялся, что ли?

— Да нет, наверное, хозяев с электрички ждет...

И так далее, в том же духе. Разные слова, слова... Много слов, но ни кусочка колбасы.

А тут еще собаки, которых некоторые дачники везли с собой, донимали. Псы просто из себя выходили, завидев Демагога.

Лишь когда толпа схлынула, Демагогу немного повезло: возле него остановились женщина с девочкой-дошкольницей.

— Мама, — сказала девочка, — киске, наверное, жарко в такой шубе?

Девочка протянула свою ладошку, чтобы погладить кота, но он понял ее по-своему и грациозно, как умел только он, подал ей лапу.

— Ой! — округлила девочка глаза. — Мама, смотри, он здороваётся, как Дружок у тети Зины.

— Молодец! — похвалила Демагога женщина и предложила: — Давай, доченька, мы ему молочка нальем, а то и в самом деле жарко бедняге.

Женщина достала из сумки банку с молоком, сняла с нее полиэтиленовую крышку и плеснула в нее молока, которое Демагог тут же с жадностью выхлебал.

— Мама, — сказала девочка, — а давай мы его к себе возьмем. Он такой хороший!

— Нет, дочка, — не согласилась женщина. — Его, наверное, хозяева уже ищут. Не поверю, чтобы такой котик был беспризорный.

И они пошли. У железных ворот девочка оглянулась и помахала Демагогу на прощание рукой.

Кот грустно проводил их взглядом.

— Ну и как дела? — возник перед ним Кривой Боцман. — С чем поздравить?

Демагог виновато опустил голову.

— Как, совсем ничего? — удивился кот-побирушка.

— Пока больного изображал, смотрели, как на пустое место, — стал объяснять Демагог. — А стоило сесть нормально — сразу заметили, говорить обо мне стали...

— Подумаешь — говорить! Хоть что-нибудь подали? За ради внешности хотя бы?

— Молочка немножко налили...

— Всего-то?! — презрительно фыркнул Кривой Боцман и сделал неутешительный вывод: — Нет, настоящего нищего из тебя не выйдет. Артистизма в тебе нет, что ли? Перевоплотиться не можешь.

— Как это?

— А так. Не умеешь себя на месте другого представить, похожим на другое существо стать. Ладно, пошли, посмотришь, какая у меня добыча.

Они обогнули корягу. На расстеленной возле нее газетке чего только не было: и колбасные обрезки, и ломтики сала, и жареная рыба, и булка с маслом, и даже темно-коричневая горсть «Вискаса». А на краю газетного листа лежало несколько денежных купюр.

— Видал! — гордо обвел лапой все это добро Кривой Боцман. — Сегодня уже можно больше не работать. Сыт буду до отвала. Еще и в магазинчик забегу. Там у меня есть одна... м-р-р-р... — прижмурился побирушка, — знакомая кисулька... И ее хозяйка, продавщица, меня хорошо знает...

Кривой Боцман вдруг замолк и стал напряженно всматриваться куда-то за плечо Демагогу.

Демагог обернулся и увидел неразлучную парочку рэкетиров. Плечо к плечу они резво спускались по зеленому косогору прямо к ним.

— У-у, шакалы! — взвыл вне себя от злости Кривой Боцман. — Несет их нелегкая!

Но, странное дело, завидев Демагога, у которого непроизвольно стала выгибаться спина, бравые разбойники убавили прыть. В их движениях появилась неуверенность. Его они явно не рассчитывали здесь увидеть. И замешательство их было объяснимо. Во-первых, рэкетеры не забыли вчерашнюю встречу с развеселой компанией, которая направлялась к Марысиной даче, а во-вторых, очень смелые были они лишь за спиной Рваного Уха. Без него Демагога они продолжали опасаться. Даже если двое на одного. Да и Демагог сейчас был не один. Побирушку тоже совсем уж в расчет не брать нельзя...

Не доходя до дорожки, рэкетеры остановились, переглянулись и, не сговариваясь, молча повернули назад.

— Слушай, а ведь они испугались! — пораженно воскликнул внимательно наблюдавший за этой немой сценой Кривой Боцман. — Тебя, между прочим, испугались!

— Да ну, — засмутился Демагог.

— Честное слово, тебя! Слушай, а давай ты моим телохранителем будешь? — тут же предложил предприимчивый побирушка. — Все равно они отбирают больше, чем на тебя уйдет. Уж лучше пусть тебе, чем им...

— Да нет, спасибо, не хочу, — отказался Демагог и с горечью подумал, какой из него телохранитель! Сами если не справятся, опять Рваное Ухо на помощь позовут, и тогда — снова позор...

— А ты подумай, подумай! — настаивал Кривой Боцман. — Мы бы с тобой сработались. А ближе к осени, к холодам, глядишь, и рекламную фирму бы нашли.

— Нет, Кривой Боцман, извини, но я хочу сам по себе.

— Ну смотри, — разочарованно вздохнул побирушка. — Но должен предупредить: туго тебе одному придется. Воля — штука сложная. Она только издали, из теплой квартиры заманчивая.

— Все равно...

— Тогда хоть поешь.

— А я заработал? — засомневался Демагог.

— Еще как! — успокоил его Кривой Боцман.

ГЛАВА 17. Остается одно

Расставшись с Кривым Боцманом, Демагог увязался за двумя веселыми девушками в цветастых купальниках.

Девушки зашли в бетонный тоннель под железнодорожной насыпью, и голоса их подхватили гулкое, отскакивающее от стен эхо.

За тоннелем открылась большая зеленая поляна в обрамлении высоких белоствольных берез, которая пологим спуском вела к Ине.

Иня совсем не походила на узенькую и вертлявую, как собачонка, Мосиху. Это была настоящая река!

Слева от тоннеля склон резко набирал крутизну и заканчивался высоким обрывом, за которым Иня скрывалась из виду. Берега здесь пустынные, а речная вода издалека кажется сонно-неподвижной, а в тени обрыва — еще и мрачно-таинственной.

Зато берег справа от тоннеля был усеян телами загорающих дачников, а из воды торчало множество голов. Доносились плеск, радостный детский визг.

Заливисто хохоча, девушки помчались к пляжу, а Демагог решил свернуть к обрыву.

Щедрый летний день приглашал радоваться жизни, стряхнуть с себя заботы и усталость. Однако чем дальше, тем больше охватывала Демагога черная и тяжелая, словно грозовая туча, тоска. События последних дней, начиная со стычки с Рваным Ухом и кончая неудачной попыткой стать нищим, заставили Демагога взглянуть на себя совсем другими глазами.

В прежней своей жизни он видел себя только в отражении восхищенных и любящих взоров окружающих его людей. Но теперь, очутившись в другом, не замкнутом стенами квартиры мире, Демагог начал понимать, что отражение, к которому он привык, не очень-то на него и похоже. Не то чтобы зеркало совсем уж обманывало, но говорило далеко не всю правду. А если точнее, то кота нашего красавца показывало лишь с одной-единственной, самой привлекательной стороны, убеждая, что весь он, Демагог, тут и есть. Хотя каждый новый день на даче Демагог обнаруживал в себе то, о чем раньше и не подозревал. И открытия эти были чаще всего неутешительными...

Демагог спустился к воде и побрел по едва заметной тропинке, протоптанной рыбаками. Дойдя почти до самого обрыва, он остановился, потом лег, положив морду на вытянутые передние лапы, и стал смотреть на реку.

Совсем близкая отсюда вода уже не казалась неподвижной. Иня текла спокойно, неторопливо, уверенно. Дней десять назад и его, Демагога, городская жизнь была такой же. А теперь... Из дома ушел, но что толку? Ничего никому не доказал...

Демагог неотрывно смотрел на реку. Ее темная под обрывом вода завораживала и манила в загадочную свою глубину.

«Раз так — взять и утонуть!» — мелькнула мысль. Мелькнула и не погасла. Напротив. Тревожный ее огонек стал с каждой секундой все сильнее разгораться и превращаться в неотвязное желание.

Демагогу представилось, как его, мокрого, бездыханного, извлекут из воды, положат на берегу, на травке, а вокруг соберутся и папа-профессор, и мама, и Наташа, и соседи по даче, и новые его друзья — Минтай, Пуфик, Кривой Боцман, и, конечно же, Марыся. И все, глядя на его красивый труп, будут плакать и восклицать: «Ах, какого замечательного котика не уберегли!». А Марыся печально и нежно скажет: «Димочка, прости! Я навсегда запомню твою прекрасную серенаду!» — и горько зарыдает.

Может быть, даже и неразлучная бандитская парочка вместе с паханом своим заявятся. Они будут тихонько стоять в сторонке и утирать лапой непрошеные скупые слезы. «Ништяк был парнишка!» — скажет один из них. «Вежливый», — добавит другой, и оба шумно высморкаются. А Рваное Ухо сокрушенно вздохнет: «Некрасиво мы с ним поступили, ох, некрасиво! Прости, братан!». А потом укоризненно покачает головой: «Но ты, Демагог, тоже хорош — сразу уж и топиться!.. Пожил бы еще немного — глядишь, я тебя бы к себе в банду определил. Вон как ты ловко в цветочной даче котенка без завтрака оставил. Мне такие кадры позарез нужны!..».

«Этого мне только не хватало!..» — отгоняя наваждение, замотал головой Демагог.

А темная вода все настойчивей звала-манила в свои глубины.

«Утоплюсь!» — окончательно решил Демагог и поднялся. Он подошел к воде, потрогал ее лапой. Несмотря на жару, она показалась ему холодной. Потому что в тени, догадался кот и задумался, как же ему лучше утопнуть? Зайти поглубже с берега, пока с головой не скроет, или же, забравшись на кручу, броситься со склона вниз? Кот взглянул вверх, и его невольно передернуло, словно он уже спрыгнул и летел вниз.

По обычной своей привычке делать все не торопясь, Демагог, наверное, еще долго бы размышлял, но тут невдалеке послышался басовитый лай.

Лай приближался. Вот-вот на узенькой тропке появится злой пес... Времени на раздумья не оставалось, и кот, зажмурившись, шагнул в воду...

Дно у берега было вязкое, илистое, и поначалу Демагог с трудом передвигал лапы. Но вскоре дно круто пошло вниз. Поскользнувшись на подводной горке, кот вдруг почувствовал, что лапы уже не достают дна.

Было это так неожиданно, что у Демагога перехватило дыхание, а сердце покатилося в пятки.

Глубина стремительно потащила кота вниз, и в следующее мгновение его скрыло под водой.

Демагог рванулся вверх, выпучив глаза, стал хватать ртом воздух. Но попадало больше воды, а кто-то незримый продолжал тянуть его на дно.

Со всей силы Демагог замолотил по воде лапами, пытаясь удержаться на поверхности, но получалось плохо. Кошки, в отличие от собак, по большей части никудышные пловцы.

— Тону! Тону!! — забыв в страхе, с какой целью залез он в воду, заорал Демагог, захлебываясь все сильнее.

Но это лишь самому ему казалось, что заорал, а на самом деле он просто пускал пузыри.

А собака уже лаяла прямо напротив него.

Однако Демагогу было сейчас не до нее. С каждым мгновением тело его тяжело, лапы слабели, а глубина все упорнее и неумолимее тянула к себе. Демагог чувствовал, что еще немного — и у него не хватит сил сопротивляться.

Еще несколько судорожных движений...

— Спокойно, Демагог, спокойно, — послышалось откуда-то оттуда, из глубины. — Все будет хорошо...

Обессиленно шевельнул Демагог в последний раз лапой и прекратил сопротивляться...

ГЛАВА 18. Уважай свою породу

Первым, кого увидел Демагог, приходя в себя, был Лорд, склонившийся над ним в тревожном ожидании.

Заметив, что кот открыл глаза, дог облегченно вздохнул:

— Наконец-то! Как ты себя чувствуешь?

Демагог с усилием поднялся и недоуменно уставился на собаку.

— Неужели, Лорд, и вы утонули?

— Утонул? — удивился пес. — С какой стати? Я, дорогой мой, очень даже неплохо плаваю, и уж в нашей-то речке никогда не утону. А вот ты, скажи, зачем в воду полез, если не умеешь плавать? Еле вытащил тебя. Тяжелый...

— Так это вы меня спасли? — начал догадываться Демагог.

— На твоё счастье, пока мой хозяин загорает, я решил пробежаться вдоль берега и увидел, что ты тут барахтаешься. Сначала думал — купаешься, но потом понял — тонешь. Пришлось водолазом-спасателем поработать.

— Спасибо, — безрадостно поблагодарил кот, а про себя подумал, что и утопиться-то, не причинив никому хлопот, не смог.

— Что с тобой? — Лорд посмотрел на Демагога с таким искренним участием, что кот немедленно рассказал о своих злоключениях.

Склонив голову набок, пес слушал, не перебивая.

— Вот и получается, Лорд, что животное я совершенно бестолковое и бесполезное, — сделал неутешительный вывод Демагог. — Ни за себя постоять, ни другим помочь. И ничего, кроме внешности, во мне хорошего нет.

— Напрасно ты так расстраиваешься, — стал успокаивать кота добрый пес. — Между прочим, — сказал он, — экстерьер тоже много значит.

— Эх... чего?

— Экстерьер, — без запинки повторил трудное слово образованный дог. — Внешний вид, значит, фигура, телосложение. По экстерьеру встречают. А остальные способности потом уж оцениваются. И хочу заметить, дорогой мой, что безупречный экстерьер — большая редкость. Это признак настоящей породы. А породу свою надо уважать, гордиться ею! — назидательно сказал Лорд.

Демагог невольно приосанился, хотел даже, было, задрать и распушить хвост, но он, намкнув и отяжелев, стал похож на сырую веревку и не слушался хозяина.

— В породе, — продолжал рассуждать дог, — заключены и честь, и гордость животного, да и вообще все лучшее, что дала ему природа. Это, конечно, не значит, что любить надо только себя и свою породу. Любая порода, если она действительно порода, достойна уважения. Но если у тебя нет уважения к собственной породе, то откуда оно возьмется к другим? Как можно, не уважая самого себя, по-настоящему уважать других?

— Ах, Лорд, но ведь вся беда в том, что мне не за что себя уважать! — чуть не плача, воскликнул Демагог.

— Но при чем тут порода! — возразил Лорд. — Она в твоих поступках и ошибках не виновата. Тебе надо самому подумать над тем, как вернуть уважение к себе, а значит, и к своей породе.

— Но как, как? — заглянул кот с надеждой в глаза догу.

— Да уж, во всяком случае, не пытаться стать утопленником, — усмехнулся Лорд.

Он примолк, задумался, мерно постукивая о землю упругой плетью хвоста. Немало на своем собачьем веку повидал этот рассудительный пес, но вот наставлять на путь истинный заблудившихся в жизни кошек ему еще не приходилось.

— Мне кажется, — наконец сказал он, — тебе надо перестать чувствовать себя избалованным домашним животным, которого все только любят и холят. А тем более сейчас, когда ты решил жить самостоятельно. Кривой Боцман был прав, когда говорил тебе, что жизнь уличная совсем не та, что в квартире. На улице легче не доброму и красивому, а злому и сильному.

— Наверное, так... — согласился Демагог.

— А ты никогда не задумывался над тем, почему злые часто берут верх? — спросил вдруг Лорд.

— Они смелее? — предположил Демагог.

— Да уж... Отчаянные смельчаки... Только, дорогой мой, не путай, пожалуйста, отсутствие робости и нерешительности с настоящей смелостью. Да, злые — не робкие. Но это не значит, что они — храбрые. Вместо храбрости у них — наглость. Но и наглые они лишь до тех пор, пока не встречают сопротивления. А стоит на них как следует гавкнуть...

— Уважаемый Лорд, вы бы гавкнули на них, — тут же попросил Демагог. — Вы так грозно это делаете!

Не ожидавший такого поворота разговора дог смешался, некоторое время собирался с мыслями, потом с досадой сказал:

— Не разочаровывай меня, Демагог. Я все-таки лучшего о тебе мнения. И не пытайся свои заботы и беды перекладывать на других. Лучше тебя самого все равно никто не справится. Н-да... — покачал дог головой. — Ну хорошо, предположим, погавкал я на эту шпану для острастки, припугнул. И что? А ничего! На время притаились бы, а потом снова взялись бы за свое. Да и не могу я все время на них гавкать. Не мое это собачье дело ваши кошачьи проблемы решать. И вообще, главное — не облаять, не на испуг взять, а сделать так, чтобы плохое исчезло, не мешало бы жить нормально. Понимаешь?

— Понимаю, — промямлил Демагог. — Только как это сделать?

— Думай. На то голова есть. Она у тебя большая. Только вот совет: ничего не сваливай на других, на себя тоже все брать не старайся. А то не поднимешь, надорвешься. Как говорит мой хозяин: один в поле не воин. Особенно когда воюешь со злом. Зло победить можно только вместе, сообща. Вместе — сила. Когда сообща — никакие бандиты не страшны. А если каждый по себе — беззащитны все. На этом, я думаю, Рваное Ухо свой расчет и строит.

Лорд щелкнул себя по боку плетью хвоста, отгоняя кусучего паута, и добавил:

— Мне кажется, ваш кошачий народ за тобой мог бы пойти. Поэтому соберись с духом, подтянись. И дай понять этим разбойникам, что ты их не боишься, и бояться не будешь никогда. И не забывай о чести своей породы. Вот тогда, я уверен, многое для тебя изменится... Ну ладно, — встрепенулся пес, — заболтался с тобой. Наверное, хозяин меня потерял...

Лорд махнул на прощанье хвостом и направился по узенькой рыбацкой тропочке в сторону звонкоголосого пляжа.

ГЛАВА 19. Водоплавающий кот

Лорд ушел, и Демагог снова остался один.

Вечерело. Бледно-голубое, словно выцветшее, днем небо стало наливаться густой синевой. Выкарабкались первые звездочки.

Угомонился, опустел пляж. Назагоравшись и накупавшись, народ разбрехался по своим дачам, шел на электричку.

Демагог грустно вздохнул. Сейчас, если бы не сбежал из дому, и он, отужинав, укладывался бы где-нибудь в уголке попрохладнее спать. У него зашипало в носу и заслезились глаза. Всего день не был дома, а кажется — давным-давно! Страшно захотелось потереться о чью-нибудь родную ногу. Может, вернуться, пока еще совсем не стемнело? Но тут возмутился в нем задремавший было бес противоречия: «Ты что! Выдержи хотя бы до утра».

Демагог поднялся наверх по склону и вскоре под вывороченной с корнем березкой обнаружил довольно удобную выемку, дно которой было устлано палыми прошлогодними листьями. Сморенный бурным днем, кот здесь и уснул.

Спал он крепко, без сновидений, зато и проснулся, едва рассвело.

Выбравшись из своего убежища, кот потянулся, глянул вниз.

По реке стелился клочковатый туман, сверху походивший на старое рваное одеяло. На берегу — ни души.

Демагог стал спускаться к Ине. Через десяток шагов в высокой росной траве он вымок так, словно окунулся в речку.

Демагог еще не успел добраться до берега, как вдруг неподалеку от того места, где вчера тонул, заметил, что в воде кто-то барахтается. Подойдя поближе, он увидел кошачью голову.

«Тонет!» — подумал Демагог и заметался по берегу. Вот он случай проявить себя, поддержать марку «сибирского тигрового»! Надо только собраться с духом, решиться...

При этом Демагог совершенно упустил из виду, что не умеет плавать, что вместо одного может оказаться сразу два утопленника.

А пока Демагог готовился к «подвигу», «утопающий» вел себя довольно странно: не звал никого на помощь, не молотил отчаянно по воде лапами. Он вообще вел себя очень спокойно и уверенно: то расслабленно лежал на спине, едва шевеля задними лапами, то плыл на боку, то с шумом нырял. Но вот «утопающий», кувыркнувшись очередной раз, надолго исчез под водой.

«Все! Пора!» — решил Демагог и, набрав побольше воздуха, полез в реку.

И тут же услышал у себя за спиной:

— Ты тоже решил искупаться?

Чуть поодаль от него сидела незнакомая кошка. Аккуратненькая такая, стройная, симпатичная. Он и не понял, как и откуда она возникла.

— Так ведь тонет... — показал Демагог лапой на вынырнувшего в это время кота.

— Кто тонет? — удивилась кошка. — Федька? Да ни в жисть! — Сказала она это так уверенно, что Демагог ей сразу поверил, и полез обратно на берег.

— Ни в жисть, — повторила кошка. — Федька плавает, как утка. Он — водоплавающий кот.

— Надо же! — удивился Демагог. — А я спасать собирался...

— Кого — Федьку? — Незнакомая кошка так весело и заразительно расхохоталась, что Демагог невольно разулыбался вслед за ней.

— А ты тоже водоплавающий? — отсмеявшись, спросила кошка.

— Да нет... не совсем... — замялся Демагог.

— Тогда воще... Отчаянный ты парняга! — Кошка снова улыбнулась, и в голосе ее послышалось уважение.

Она обошла Демагога вокруг и восхищенно отметила:

— Классный ты котяра! Я таких еще не встречала. — И тут же предложила: — Давай вылижу. А то мокрый совсем.

И кошка с явным удовольствием стала его вылизывать. Демагог блаженно зажмурился, ощущая, как приятно разглаживается под теплым шершавым языком его новой знакомой шерсть... И вдруг почувствовал чей-то бесцеремонный толчок в бок. Демагог открыл глаза и увидел перед собой «утопающего». Изогнув спину коромыслом, пританцовывая, он явно вызывал на поединок.

— В чем дело? — спросил Демагог, разглядывая неожиданного противника.

Кот как кот. Ничего особенного. Полосато-серенький, с белым пятном на груди. Беспородный. Но, как видно, не из робких. Только почему он задирается?

— Ты чего цепляешься к моей кошке? — с угрозой сказал «утопающий».

— Я вовсе не... — начал было объяснять Демагог, но полосато-серенький противник его, не дав ему закончить, неожиданно подпрыгнул на всех четырех лапах вверх, кувыркнулся в воздухе и, распрямившись тугой пружиной, врезался в Демагога.

От неожиданности Демагог повалился на бок, успев подумать, что это очень напоминает удар Рваного Уха (хорошо, что «утопающий» гораздо легче рыжего громилы).

Не давая Демагогу опомниться, «утопающий» ударил его еще пару раз. После каждого удара он резво отскакивал и снова изготавливался к атаке.

Не дожидаясь очередного выпада, Демагог сам бросился на обидчика.

И получил новую порцию ударов...

По всему было видно, что полосато-серый забияка в этом деле специалист.

Однако разозленный Демагог продолжал наступать. «Утопающий» был очень увертлив и ловок, поэтому, получая удар за ударом, Демагог, в свою очередь, лупил пустоту в том месте, где только что находился его противник. И все-таки один раз Демагог достал «утопающего». Несколько раз перекувыркнувшись, тот отлетел в сторону,

а Демагог, войдя в боевой раж, прыгнул на поверженного противника и всем своим немалым весом прижал того к земле.

«Утопающий» немного подергался и запросил пощады.

— Отпусти его, пожалуйста, — вступилась за него и кошка, — ты победил. Теперь он будет с тобой повежливей.

Демагог нехотя отпустил.

— Как тебя звать? — спросила кошка. — А то из-за этого водоплавающего олуха, который сначала лезет в драку, а потом начинает разбираться, мы с тобой и познакомиться не успели.

— Демагог, — представился наш герой и уточнил: — Для хороших знакомых — просто Дима.

— Очень приятно, — сказала кошка. — А я — Мурка. Мурка Крахальская.

— А почему Крахальская? — озадачился Демагог.

— А потому что я в Крахале родилась. Крахаль — это такая деревня, — пояснила кошка. — А вот Федька — он со станции Инская.

— Значит, он — Федька Инской, — сделал вывод Демагог.

— Никакой я не Инской, — не согласился молчавший до сих пор Федька. — Это Мурка любит всякие лишние клички придумывать.

— Потому что с ними гораздо интереснее. А у тебя, Дима, есть еще какое-нибудь прозвище?

Демагог задумался. Он вспомнил, что живет, вернее жил, на улице Счастливой. Выходит, ему надо зваться Демагогом Счастливым? Да только какой он счастливый!..

— Ну, ничего, — успокоила его Мурка, решив, что никакого прозвища у ее нового знакомого нет, — мы тебе придумаем. А пока, мальчики, — сказала она, — пошли готовить завтрак.

ГЛАВА 20. Вольный бродяга Федька Инской и его боевая подруга Мурка Крахальская

Услышав о завтраке, Демагог обрадовался. В животе у него со вчерашнего дня гулял голодный ветер. Но когда до него дошло, что имела Мурка в виду, говоря «приготовить завтрак», он приуныл. А кошка подразумевала обычную охоту на мышей. Демагог сразу же вспомнил хруст разгрызаемой Степаном-ветераном мышиной головы, и его замутило. Но и сплеховать перед новыми знакомыми тоже не хотелось, поэтому, скрепя сердце, кот поплелся за ними. Он даже сумел изловчиться и поймать неосмотрительную мышку, высунувшуюся из норки, чтобы подышать свежим утренним воздухом.

— А чего ты ее не ешь? — спросила Мурка, видя, что Демагог медлит расправляться со своим трофеем.

— Да я как-то не очень люблю мышатину, — сознался Демагог.

— Вообще-то рыбка вкуснее, — согласилась Мурка и повернула голову в сторону расположившегося неподалеку рыбака.

Клевало на утренней зорьке хорошо, и несколько небольших рыбешек посверкивало на солнышке рядом с рыбаком на травке.

Мурка облизнулась и неслышно двинулась к рыбаку. Немного не доходя до него, она махнула котам хвостом: внимание — прячьтесь!

Федька с Демагогом юркнули за ивовую коряжину позади рыбака.

Мурка тем временем прилегла рядом с рыбаком, точнее — с его уловом, и стала с интересом наблюдать за поплавком.

Рыбак же так был поглощен своим занятием, что, кроме удочек, ничего вокруг не замечал.

А кошке только того и было надо. Не отрывая взгляда от поплавок, она протянула лапу к рыбешкам, поддела когтями одну из них, молниеносно и ловко перебросила ее через себя. Описав дугу, рыбешка шмякнулась прямо перед Демагогом.

Рыбак не шелохнулся. То же самое кошка проделала еще несколько раз. Потом неторопливо поднялась и, так же неслышно ступая, завернула за коряжину.

Похватав рыбу, все трое бросились вверх по склону.

Ничего вкуснее этой свежельвленной рыбы Демагог до сих пор не ел. Смущало, правда, что она ворованная, но Мурка успокоила, сказав, что рыбак от пропажи этих рыбешек не обеднеет и наловит себе еще больше. Да и вообще... Человек — не кошка, жалеть его не стоит.

Насытившись, компания прилегла на мягкую травку возле березового пенька и стала мирно беседовать. Сначала новые приятели Демагога рассказали о себе.

Федька бродяжничал третий год. Впрочем, родного угла он не знал с самого рождения...

У мамы их было шестеро. Но если, вспомним, дворничиха Никитична, подарившая слесарю Федякину кота Минтая, котят от своей кошки пристраивала куда могла, то хозяева Федькиной мамы этой заботой себя не утруждали. Ненужных котят они топили еще слепыми. Но не в тазу или в ванне, как иногда это делают, а в реке, которая подходила своим берегом прямо к хозяйскому огороду.

Такая же судьба постигла и Федьку с его братьями и сестрами. Хозяин приволок их всех в корзине на берег Ини и с размаху, словно камни, стал швырять слабо пищавших котят в воду. Чуть-чуть побарахтавшись, они шли ко дну.

Однако Федьке суждено было выжить. Река не потянула его, как вчера Демагога, на дно, а некоторое время бережно несла по течению. Потом подсунула котенку обломок доски, на который тот вскарабкался и долго плыл на нем, пока не прибило к берегу.

Как он тогда, крохотный, беззащитный, не умер с голоду, не оказался в собачьей пасти, избежал массы других напастей, Федька и сейчас понять не мог. Кто-то незримый и могущественный, за что-то его жалевший, его, наверное, и оберегал. Хотя Федька и сам оказался животным на редкость живучим и цепким.

Постоянного пристанища он не имел. Спал на чердаках, в подвалах или сараях, а то и просто в придорожных канавах, если позволяла погода. И летом ему это даже нравилось.

Хотя что значит — нравилось? Просто другой жизни он не знал, а лишь догадывался, что она существует: всегда сытная, уютная, теплая. И зимними ночами, трясаясь от холода на каком-нибудь чердаке, Федька безуспешно пытался себе ее представить.

Когда лютовали морозы и завывали вьюги, когда даже самые неугомонные мыши залегали в спячку, Федька начинал жгуче завидовать домашним кошкам, их благополучному житью-бытью. Им не было нужды каждодневно заботиться о еде и ночлеге. И в любой момент могли ощутить они на своей спине добрую хозяйскую руку. Но зима рано или поздно проходила, а с ее уходом под порывами теплого, с волнующими свежими запахами ветра исчезала и зимняя Федькина тоска. Снова манила дорога, вольная бродячая жизнь.

Куда держать путь, Федька не выбирал, но почему-то всегда получалось так, что рядом обязательно оказывалась река.

Реку Федька полюбил. Она стала его другом. Кот сделался заядлым купальщиком. Первые ванны принимал он, едва сходил лед, а заканчивал купальный сезон уже поздней осенью. И каждое утро начинал с водных процедур, чему сегодня Демагог и стал свидетелем.

Но река Федьку еще и подкармливала. Котенком он научился ловить рыбу и теперь мог соперничать с любым удильщиком. Кстати, и сегодня Федька предпочел бы нормально порыбачить (выхватить рыбешку где-нибудь на мелководье, или нырнуть за

нею в глубину), а не красть у рыбака-ротозея, если б не Мурка, решившая вдруг ублажить этого здоровенного увальня. И вылизывала его, понимаешь ли, как родного...

Схлынувшее было ревнивое чувство снова дало о себе знать. Все-таки Мурка была для Федьки не просто так...

Ее он встретил на окраине длинного в одну улицу села Крахаль, втиснувшегося между железной дорогой и сосновым бором на берегу Ини. Мурка безутешно плакала. Плакала почти беззвучно, потому что горевала уже второй день и потеряла голос.

А горе было у нее очень тяжелое. Несколько дней назад Мурка родила четырех крохотных мягких слепых котят. Мурка тщательно вылизывала котят и чувствовала себя счастливой мамой.

Но счастье кошки длилось недолго. Прервала его страшная людская жестокость: ее детей, ее котят, у которых едва начинали прорезываться глазки, хозяева утопили. Только не в реке, как Федькиных братьев и сестер, а в обыкновенном тазу. Мурка кричала и плакала, бросалась на таз. Тогда ее просто вышвырнули за дверь и не впускали до тех пор, пока страшное дело не свершилось.

Полдня потом Мурка тщательно обнюхивала таз и заглядывала во все углы. Запах котят в доме еще не выветрился, но сами они исчезли бесследно и навсегда.

К вечеру окончательно поняв это, кошка ушла из дома. Всю ночь, плача и зовя котят, она бродила по селу, но их не было и на улице.

«Не переживай, смирись, — попыталась уговорить ее старая кошка. — Не ты первая, не ты последняя. Такова наша кошачья судьба. Родятся еще у тебя другие котятка. Может, тогда больше повезет: глядишь, кого-нибудь и оставят в живых».

От слов старой кошки легче не стало. Случившееся ранило Мурку в самое сердце. Домой она больше не пошла...

Мрачно выслушал ее Федька, однако утешать не стал, хотя, наверное, как никому другому, ему была понятна и близка ее беда.

Он просто предложил Мурке: «Пошли со мной. Вместе веселей будет». И Мурка согласилась. С тех пор они вместе.

С Муркой, правда, хлопот прибавилось. Кошка молодая, привлекательная, поэтому редкие раньше стычки с другими котами (характером-то Федька был незлобив) резко участились. Но Федька о том не жалел. Их с Муркой судьбы были, как две стороны одной медали. Ну а коты... Это дело житейское. Случалось, Мурка и сама бросалась Федьке на помощь, когда тот выяснял отношения со слишком назойливым ее кавалером. В общем, как ни крути, а боевая была подруга!..

Кстати, Федькой-то именно она, Мурка, его назвала. До встречи с ней он и имени никакого не имел. Едва успел родиться, топить понесли, а утопленнику зачем имя! Ну а сам себе позднее придумать не удосужился. Да и ни к чему вроде бы. Люди, когда была нужда, просто «кыс-кыс!» кричали. А на него похожие бродячие кошки, с которыми до встречи с Муркой Федьку сводила судьба, были и сами безымянными, и у других, как звать, не спрашивали.

Но Мурка такой безымянности потерпеть не могла. Она не забыла, что была домашней кошкой, что в доме, где жила, всех животных как-то называли: свинью — Машкой, поросенка — Борькой, собаку — Рексом, козла — Гошей, а коня — Чалым. И кошке, считала Мурка, без имени тоже нельзя. А потому после первой же их встречи Федька получил свое имя.

Почему Федькой назвала? Ах!.. Лучше не спрашивать!.. Хотя чего уж там... Мальчика хозяйского, помнится, Федюнькой звали. Добрый, ласковый такой мальчик был. Когда узнал, что котят утопили, вместе с ней горько плакал и искать помогал. А еще одного из котят, самого шустрого, хотела она Федей назвать... Только нет уже больше котят. И мальчик Федюнька далеко отсюда. Вместо них сейчас вот Федька остался — Федька Инской...

ГЛАВА 21. Боевое кошачье искусство

— А что здесь, на берегу, делаешь ты? — спросила Мурка. — Потерялся?

— Почему? — удивился Демагог.

— Потому что ты весь такой домашний-домашний. Сразу видно, что хозяйева тебя очень любят и берегут, — сказала Мурка.

— А вот и нет! — пылко возразил Демагог, вспомнив свист прута над своей спиной.

— С хозяйевами-то мне как раз пришлось вчера расстаться...

Выслушав истории своих новых знакомых, Демагог поначалу решил о себе не распространяться. Слишком уж незначительными показались ему собственные горести. Но в глазах Мурки виделось ему сомнение, и Демагогу вдруг страстно захотелось убедить ее и Федыку, что и домашнему коту живется порой очень несладко. И он стал рассказывать о себе...

Мурке больше всего понравилось про Марысю и серенаду.

— Какая красивая любовь! — воскликнула она и вздохнула: — Как я это понимаю!

— Мурка томно прижмурилась и замурлыкала.

А Федыку больше всего заинтересовало сообщение о банде рэкетиров. Хотя и о существовании Марыси он тоже узнал не без интереса: в том смысле, что, оказывается, сердце Демагога прочно занято и насчет Мурки ему, Федыке, можно не беспокоиться.

Что касается Рваного Уха, то Федыка с такими в своей бродячей жизни сталкивался. И ненавидел их за безмерную наглость, жадность и бесчестность. Но больше всего свободолюбивой Федыкиной натуре противно было их стремление любыми способами подчинять себе других.

Наслышан был Федыка и о «подвигах» Рваного Уха. Давно уже никто не вставал ему поперек дороги. Даже самые отчаянные смельчаки старались с ним не связываться. И Федыка невольно зауважал этого вот «домашнего-домашнего», который не пожелал уступать притязаниям бандита. Пусть и остался при этом жестоко битым.

— У Рваного Уха при его весе хороший удар, — сказал Федыка. — Поэтому тебе тоже не мешало бы научиться драться. Обязательно научись. С этим зверюгой, наверное, только ты один можешь справиться.

— Но кто меня научит?

— Могу и я стать твоим тренером.

— Замечательно! — обрадовался Демагог. — Когда начнем?

— Да хоть сейчас!

— Подождите, подождите, — остановила их Мурка. — Не лучше ли сначала обсудить, как быть дальше?

— Я же сказал — тренироваться, чтобы потом дать решительный бой Рваному Уху! — воскликнул нетерпеливо Федыка.

— А до тех пор пусть все остается по-старому, да? Пусть эти негодяи по-прежнему обируют несчастных кошек? — возразила Мурка. — И учтите, — напомнила она, — Рваное Ухо не один. У него есть помощники, которые как раз за него почти все и делают: грабят, разбойничают...

— Ну так что? — не понял Федыка, куда клонит его подруга.

— А то, что пока мы до Рваного Уха доберемся, не мешало бы и с ними разобраться сначала.

— Разберемся, обязательно разберемся, — пообещал Федыка. — Но потренироваться все-таки не мешает.

— Ладно, тогда вы тренируйтесь, а я пошла.

— Куда? — в один голос спросили коты.

— Передам приветик одной милой кошечке от одного замечательного котика, — загадочно сказала Мурка и оставила котов вдвоем.

— Что ж, давай начнем, — сказал Федька, когда Мурка ушла, и тут же предупредил: — Только учти: боевое кошачье искусство — штука сложная и нелегкая. Будут шишки, искры из глаз, очень больно может быть...

— Ничего, я потерплю, только научи.

— Тогда пошли.

Коты отыскивали неподалеку от железнодорожной насыпи удобную полянку. Федька осмотрел ее и начал урок.

— Главное в боевом кошачьем искусстве, — авторитетно изрек Федька, — правильно упасть.

— Правильно... упасть? — удивленно округлил глаза Демагог. — А как правильно?

— А так, чтобы больно не удариться и сразу встать. Сейчас покажу. Нападай!

Демагог бросился на Федьку, но тот мгновенно отскочил, кувыркнулся и, как ни в чем не бывало, снова стоял перед ним на всех четырех лапах.

— Еще! — потребовал он.

Демагог замахнулся лапой, и опять Федька успел уклониться.

— Еще! Еще!..

Но все выпады Демагога заканчивались все тем же: Федька ловко уворачивался, делал разные кувырки и кульбиты и снова стоял на серых своих поджарых лапах.

— Понял? — перевел наконец Федька дух.

— Здорово! — восхитился Демагог и приуныл: — Я так не смогу.

— А ты попробуй. Теперь я буду нападать.

Федька подпрыгнул, изогнувшись дугой, в воздухе распрямился, и от сильного удара в плечо Демагог мешком свалился на землю.

— Вставай, быстрее вставай! — услышал он над ухом и тяжело поднялся.

— Быстрее надо, — покачал головой Федька, — А то пока раскачиваешься, еще пару ударов успеешь схлопотать.

— Я же говорил — не получится... — совсем сник Демагог.

— Ничего. Повторим. Потом еще раз, и еще. Пока не будет выходить, как следует. Главное — соберись, сосредоточься. Представь, что перед тобой Рваное Ухо...

В конце концов упорство и горячее желание ученика, подстегиваемые требовательностью строгого тренера, сделали свое дело: Демагог перестал валиться, как подкошенный, а уже довольно сносно кувыркался через спину, через голову и через бок. Да и поднимался после падения куда проворнее, чем прежде.

— Ну вот, а ты ныл, — удовлетворенно сказал Федька и решил:

— Ладно, на первый раз хватит.

ГЛАВА 22. А в это время...

За те дни, что наш герой находился в бегах, в дачном поселке общества «Проектировщик» произошли кое-какие события.

Котика своего ищет теперь не только хозяйка Пуфика, но и профессорская семья. «Пу-фик! Пу-финь-ка!..» — раздается в одном краю поселка. «Димочка! Димуля-а!» — слышится в другом. Но если Пуфик ко времени обеда или ужина, к безумной радости своей хозяйки, все-таки обнаруживается, то Демагог как сквозь землю провалился.

Его отсутствие не осталось незамеченным и в банде Рваного Уха. Еще бы — ни разу не заплатил дань, а теперь и вообще исчез! Гарик и Ништяк, работавшие сейчас вместе с прикрепленным к ним юным бандитом-практикантом Свистком (он как-то странно, с присвистом, мурлыкал), сначала подумали, что Демагог просто прячется от них где-то в

кустах, но, обшарив все вокруг, поняли: профессорский кот действительно куда-то исчез. А голоса хозяев, разыскивавших его, только подтверждали эту догадку.

О случившемся было немедленно доложено Рваному Уху.

— Странно... — удивился тот. — Куда же он запропастился? Обычно эти квартирные лежебоки на лишний шаг боятся от дома отойти.

Гарик с Ништяком переглянулись и одновременно вспомнили, что в последний раз видели Демагога не так уж и близко от его дачи на пристанционном базарчике вместе с Кривым Боцманом. Вспомнили и промолчали. Не признаваться же пахану, что, завидев рядом с попрошайкой Демагога, они позорно струхнули.

— Неужели решил «сделать ноги»? — размышлял вслух Рваное Ухо. — Напрасно. Со мной такие штуки не пройдут. Я любого заставлю соблюдать мой Порядок!

— Конечно, пахан, конечно! — поспешил поддакнуть Гарик.

— Наказание без свидетелей, я вижу, впрок ему не пошло. Что ж, как только отыщется, накажем публично, в присутствии кошачьей общественности — остальным в назидание.

— Ништяк придумано, — изобразил восхищение напарник Гарика.

— Но это дело будущего, а пока... — Рваное Ухо выковырял из зубов рыбью кость, — пока нарушитель не пойман, примем встречные меры, которые в отсутствие виновного коснутся...

Пахан многозначительно поглядел на почтительно внимавших ему рэкетиров.

Гарик и Ништяк наморщили лбы.

Рваное Ухо любил иногда глубокомысленно, но туманно порассуждать. И обожал при этом, когда подчиненные на лету схватывали его гениальные мысли.

Ништяк, как ни напрягался, понять, куда клонит пахан, не мог. Зато более сообразительный Гарик вспомнил еще об одном эпизоде, связанном с Демагогом и его друзьями.

— Если я правильно понял, пахан, — осторожно начал угольно-черный рэкетир, — пока нет у нас в лапах самого нарушителя Порядка, в оборот надо взять его друзей и соседей?

— Улавливаешь, улавливаешь... — похвалил Рваное Ухо. — Именно так! — И закончил тоном, не терпящим возражений: — С соседей профессорского кота вытрясите все, что можно. Пусть расплачиваются и за себя, и за него. Плюс штраф за укрывательство. Ну и меры профилактического воздействия. Вот тогда посмотрим... Мне кажется, после этого нарушителя вам и искать не придется. Сами его найдут и приведут. Кому понравится, если его будут каждый день против шерсти гладить!

— Гениально, пахан!

— В натуре, ништяк!

Рыжий бандит расплылся в самодовольной улыбке.

— Да, еще, — остановил он собравшихся уходить рэкетиров, — родственников не забудьте побеспокоить.

— Родственников? — У Ништяка от удивления поползли вверх усы. — Но у него здесь нет никаких родственников.

— Я не кошачьих имею ввиду, а человеческих.

— Да, но с ними-то мы что можем сделать? — в свою очередь озадачился и Гарик. — Они же — люди!

— У всех живых существ есть свои слабости. У людей — тоже, — философски заметил рыжий бандит. — Женщины, к примеру, очень боятся мышей...

Прихватив с собой бандита-практиканта, рэкетеры припустили выполнять задание пахана.

Первым пострадал Минтай. День был вовсе не его, однако с помощью «мер профилактического воздействия» ему объяснили, что страдает он по милости уклоняющегося от выплаты дани Демагога. И так будет до тех пор, пока Демагог не

вернется и не осознает своего неправильного поведения. И чем быстрее он это сделает, тем лучше будет для всех.

Следующим был Пуфик. Он тоже остался голодным и битым. А Свисток еще и обучался на нем применению «мер профилактического воздействия». Юный бандит очень старался, и Пуфику крепко перепало. С Карбофоса взятки были гладки. Поэтому его просто спихнули, блаженно дремавшего на бережку, в Мосиху.

А вот с Кривым Боцманом разговор состоялся особый. Рэкетирь не могли простить ему того, что он стал свидетелем их собственной трусости. Потому и били побирушку сильнее других. Свистка, правда, на сей раз к «профилактике» не допустили. Тонкости профессии он постигал на действиях своих учителей. Действия ему нравились, профессия — тоже. Свисток был просто счастлив, что судьба свела его с такими крутыми котярами, и ему очень хотелось на них походить.

Все то же самое повторилось и на следующий день. И через день Пуфик от побоев стал еще пухлее и едва разлеплял жалко слезившиеся глаза, приводя в ужас хозяйку. Минтаю старательный Свисток в рвении прокусил лапу. А Кривому Боцману после очередного сеанса «профилактики» уже и повязка не требовалась — он и в самом деле окривел.

Свистку приказали со всех троих не спускать глаз, чтобы, во-первых, они тоже, чего доброго, куда-нибудь не исчезли, а во-вторых, через кого-нибудь из них Рваное Ухо надеялся выйти на след Демагога. Последнее обстоятельство было особенно важно, поскольку даже после жестоких побоев приятели Демагога не сознавались, где он.

Теперь пришла очередь родственников профессорского кота. То есть его хозяев. С ними поступили следующим образом.

Способный и шустрый практикант Свисток изловил на помойке крысу и, выбрав момент, когда жена профессора полола грядку, а его дочь в поисках любимого котика бродила по улицам дачного поселка, сдвинул крышку на кастрюле с доваривающимся на плите супом и опустил туда свой омерзительный трофей. Эффект превзошел все ожидания. Подняв крышку, чтобы бросить в суп лавровый лист, жена профессора увидела жутко оскаленную крысиную морду, глядевшую из кастрюли прямо на нее, дико завизжала и лишилась чувств.

Но этим дело не закончилось. Утром следующего дня Наташа проснулась раньше обычного оттого, что почувствовала у себя под подбородком что-то мягкое. Нашарив спросонья рукой непонятный предмет, она поднесла его к глазам и с воплем вскочила, отшвырнув мышь с откусанной головой. Как она очутилась в Наташиной постели?..

— Это неспроста! — утверждала Наташина мама. — Нам кто-то мстит: вчера — крыса, сегодня — мышь...

— Но за что? — удивлялся профессор. — У нас нет врагов.

— Значит, есть, только ты их не знаешь. И это — месть! — стояла на своем жена профессора и горько вздыхала: — Как жаль, что Димочка пропал! Он бы сейчас разобрался... Он бы такого безобразия не допустил...

И Наташина мама неизвестно кому грозила кулаком.

ГЛАВА 23. Возвращение блудного кота

Но обо всем, что происходило в эти дни без него, Демагог пока не знал.

По совести сказать, не очень-то и интересовался. Потому что здесь, на берегу доброй и ласковой Ини, жилось ему совсем неплохо.

По утрам они с Федькой рыбачили. (Демагог научился молниеносным движением лапы выдергивать зазевавшуюся рыбку из воды). На обед у них были мыши. К ним

Демагог понемногу стал привыкать. А на ужин что-нибудь вкусненькое, стянув у отдыхающих на пляже, приносила Мурка.

Демагог с Федькой на пляж не ходили. Им было не до того. Немного вздремнув после обеда, они приступали к тренировкам.

Демагог продолжал упорно осваивать боевое кошачье искусство. Сейчас он уже мог не только правильно падать и вставать, но и уклоняться от выпадов противника. Начиналось самое главное — изучение приемов атаки. Учеником Демагог оказался способным, хотя из-за крупной фигуры и немалого веса приходилось ему туговато. Но чем больше он тренировался, тем лучше у него получалось.

— Еще немного — и тебя можно будет пускать на тропу войны! — гордился своими трудами Федька.

А вечерами...

Вечерами наш герой спешил на свидание.

Мурка сдержала обещание — передала привет Марысе от Демагога и устроила им встречу. Поэтому теперь, как только солнышко уходило спать, Демагог осторожно прокрадывался в условленное место. Встречались они с Марысей в кустах за вагончиком-магазином неподалеку от железных ворот дачного кооператива. Днем здесь толпились дачники, покупавшие необходимые продукты, а с наступлением темноты становилось тут пусто и тихо, и никто не нарушал их уединения.

Не стану утомлять подробностями этих свиданий. Интересны и значительны они лишь для самих встречающихся. Да и как пересказать простыми человеческими словами бесконечные «мур-мур-мур...» и «мр-р-р-р...», как описать кошачьи страсти? Любовь, как известно, вещь вообще загадочная, а уж кошачья — и подавно. А потому скажу только, что расставались они с Марысей за полночь, и когда Демагог возвращался к друзьям, они давно уже спали.

А утром снова речная свежесть, рыбалка, мышьяная охота и боевое кошачье искусство...

Неизвестно, сколько бы продолжалась такая замечательная жизнь, если б не встретился им однажды Кривой Боцман.

Они наткнулись на него возле тропы, ведущей к пляжу. Это казалось странным, если учесть, что Кривой Боцман крайне редко покидал свою территорию, ограниченную воротами дачного кооператива, с одной стороны, и железнодорожной насыпью — с другой.

Побирушка кого-то искал.

— Кривой Боцман! — окликнул его Демагог. — Куда путь держишь?

Демагогу побирушка страшно обрадовался, но тут же испуганно заозирался, явно боясь, что его кто-то увидит.

— Ой, Дима, как хорошо, что ты нашелся!

На Кривого Боцмана жалко было смотреть: побитый, исцарапанный, местами выдраны клочья шерсти.

— Что с тобой? — предчувствуя недоброе, спросил Демагог.

— Сейчас расскажу, только давай отойдем подальше от тропы, — сказал Кривой Боцман и покосился на Федьку с Муркой: — А это кто?

— Свои ребята, — успокоил его Демагог. — Познакомься.

— ...Такие вот дела... — закончил рассказ о событиях последних дней Кривой Боцман и хмуро проговорил: — Как теперь дальше жить? Ведь каждый день колотят! Живого места на шкуре не осталось! Да еще пообещали, если ты не вернешься, совсем наизнанку вывернуть. И меня, и Пуфика, и Минтая.

Радостно-приподнятое настроение, в каком находился Демагог все эти дни, разом улетучилось. Снова стал он причиной неприятностей. Да еще каких! Ни в чем неповинные животные вынуждены из-за него страдать.

— Может, вернешься? — с надеждой спросил Кривой Боцман. — Может, все обойдется, и тебя они не тронут? Ну, повинишься, станешь, как все, дань платить — глядишь, и простят.

— А я ни в чем перед ними не провинился, чтобы дожидаться от этих бандитов прощения! — вспыхнул Демагог.

— Тогда они нас снова будут бить. Совсем житья не дадут!.. — всхлипнул Кривой Боцман.

Демагог задумался. Очень скверно, конечно, получается. Может, и правда вернуться и делать, как велят? Кто — они?! Плясать под дудку Рваного Уха? А как же честь, справедливость?.. Нет уж... Если раньше не захотел им кланяться, то теперь, когда глотнул настоящей свободы и стал овладевать боевым кошачьим искусством, — не захочет и подавно!

— А я бы вернулась... — сказала между тем Мурка.

— Чтобы ходить перед Рваным Ухом на задних лапах? — съехидничал Федька, но Мурка пропустила мимо ушей колкость своего дружка и закончила свою мысль:

— Я бы вернулась, чтобы не позволять больше издеваться над бедными кошками.

В глубине души Демагог и сам так думал. Ведь иначе в глазах друзей будет выглядеть он трусом и подлецом. Но и возвращаться тоже надо не с повинной. Возвратиться надо с тем, чтобы дать бой этим негодьям!..

— Хорошо, я возвращаюсь, — выйдя из задумчивости, сказал наконец Демагог, и на душе снова посветлело.

— Тебя нам будет очень не хватать, Димочка! Мы успели с тобой так подружиться! — вздохнула Мурка, а Федька решительно заявил:

— Дима, я пойду с тобой!

Он хотел сказать что-то еще, но тут за ближним кустом акации послышался шорох, и в следующее мгновение оттуда метнулась в противоположную сторону серая тень. Федька стремглав ринулся за ней. Раздался истошный кошачий вопль. Компания поспешила на него и застала следующую картину: на траве распластался Свисток, а Федька, сидя на нем верхом, трепал юного бандита.

— Кто это? — спросила Мурка.

— Я его знаю. Это Свисток — ученик Гарика и Ништяка. Третий день за мной шпионит, — сказал Кривой Боцман.

— Ах, он шпион!.. — Федька с еще большим усердием взялся за практиканта.

— Подожди, Федька, отпусти его, — сказал Демагог. — Пусть катится колбаской.

— Да ты что! — изумленно вытаращился Федька. — Да я его!..

— Нет-нет! — решительно остановил Демагог дальнейшее избивание Свистка. — Пусть отправляется к тем, кто его послал, и скажет, что Демагог возвращается и будет жить, как все: станет платить дань. А теперь — брысь отсюда! — прогнал он Свистка.

— Зачем? — продолжал возмущаться водоплавающий кот.

— А пусть думают, что я и в самом деле сдался, признал себя побежденным. Тогда на моей стороне будет внезапность.

— На нашей стороне, — уточнил Федька. — На нашей. Не забудь, что мы с Муркой тоже с тобой.

— Спасибо, ребята, — растроганно поблагодарил Демагог. — Но вернуться, не вызывая никаких подозрений, я должен один. Вот потом уж, когда ко мне гости наведуются...

— Тогда мы обязательно окажемся где-нибудь рядом, — пообещала за себя и Федьку Мурка.

ЧАСТЬ III. НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

ГЛАВА 24. Домашний арест

Итак, наш герой вернулся в родные стены. Радость по этому поводу дома была бурной, продолжительной и неопикуемой, и остаток дня и ночь прошли замечательно.

Зато утром Демагога ожидал неприятный сюрприз.

Разнежившись, кот проспал дольше обычного и не слышал, как разошлись его домочадцы. Проснувшись, Демагог сначала удивился обступившей его тишине и только потом, когда прошелся по комнатам, понял, что остался один.

Завтрак ему был приготовлен, но входная дверь заперта. Демагога это страшно расстроило. Во-первых, сидеть, как птичка в клетке, он давно отвык, а во-вторых, ему предстояли сегодня важные дела. Да и Федька с Муркой должны были вот-вот явиться.

Демагог без особого аппетита съел завтрак и вдруг вспомнил, что забыл рассказать Федьке с Муркой, как его найти. Вот еще незадача!..

И тут он услышал сначала царапанье в дверь, а потом, к своей радости, и Муркин голос:

— Дима, ты дома?

— Дома, дома! — отозвался он. — Только выбраться не могу. Меня хозяева заперли.

— Ах, бедненький, — опечалилась Мурка. — А через подполье ты не можешь выбраться?

— Там окошечки слишком узкие, не пролезу.

— Тогда окна в доме проверь! — посоветовал Федькин голос. — Вдруг какое-нибудь оставили неплотно прикрытым.

Демагог взялся проверять окна. Прошелся сначала вдоль остекления веранды. Все створки плотно сдвинуты и закреплены сверху и снизу металлическими шпингалетами. То же самое и на окнах в комнате первого этажа. Кот поднялся наверх. Здесь также было два окна. Одно, выходящее на огород, было, как и остальные, закрыто. Зато на другом, смотревшем на улицу Счастливую, обнаружилось, что верхний шпингалет не защелкнут совсем, а нижний свободно болтается в своем гнезде.

Это была удача!

Демагог потянул лапой шпингалет вверх. Он легко вышел из своего гнезда. Осталось распахнуть створки.

Возле штакетника, напротив окна, уже поджидали его Федька с Муркой.

— В раму упрись!

— Толкай ее, толкай!.. — наперебой кричали они ему.

Демагог уперся передними лапами в середину рамы. Послышался деревянный скрип, и створки стали расходиться в стороны. Демагог пошире распахнул окно и с опаской глянул вниз.

— Прыгай! — сказал Федька.

Со второго этажа — ничего себе! У Демагога побежали по спине мурашки. Правда, внизу горка песка, который держали здесь для хозяйственных нужд, но все равно страшновато...

— Не бойся, — ободрила его Мурка, — тут мягко.

Несколько мгновений Демагог постоял на подоконнике, собираясь с духом, потом, зажмурившись, прыгнул на песочную кучу.

Песок был сухой, рассыпчатый, поэтому приземление получилось мягким.

— Ну вот, а ты боялся, — дружески хлопнул его по спине лапой Федька.

— Да это я так... — засмутился Демагог, хотя в душе был горд, что и сейчас сумел перебороть страх. — Спасибо, что пришли, — сказал он и удивился: — Да, но как же вы меня нашли?

— Ой, Димочка, это же так просто! — пропела Мурка. — У первой попавшейся кошки мы спросили, где живет самый красивый кот в поселке, и она нам сразу показала...

— Не слушай ты ее, болтушку! — перебил подругу Федька. — Мы сначала к Марысе зашли. Она и показала. Заодно и привет тебе передала.

— Ну хорошо, ребята, давайте сделаем вот что, — сказал Демагог. — Вы спрячьтесь в траве за крыльцом, а я буду дожидаться гостей. По-моему, они скоро пожалуют.

Демагог оказался прав. Едва его приятели успели исчезнуть, как из кустов смородины напротив крыльца показалась неразлучная парочка. За ними — чуть поотстав — бандит-практикант Свисток.

— Ба, кого мы видим! — расплылся в фальшивой улыбке Гарик.

— Привет, ребята, привет! — изобразил ответную радость Демагог.

— А мы, знаешь ли, тебя потеряли, — продолжал держать на угольно-черной морде приклеенную улыбочку Гарик. — Куда, думали, запропастился наш красавчик?..

— Друзей ходил проведать, — небрежным тоном сказал Демагог.

— Предупреждать надо! — встрял Ништяк. — Дисциплину не соблюдаешь, грелка профессорская!

— Ах, какой грубиян! — с улыбкой покачал в ответ головой Демагог.

— Чего ты тут лепишь? Да я тебя!.. — взвился Ништяк.

— Ах, как страшно! — в голосе Демагога послышались совсем уж издевательские нотки.

Пока обалдевший от такой невыносимой, по его мнению, наглости Ништяк приходил в себя, объяснить, что ожидает зарвавшегося профессорского кота, взялся Гарик.

— Что-то ты сегодня слишком смелый да веселый. Только про долги не забудь. Не заплатишь — наживешь еще большие неприятности, чем в прошлый раз.

— Мои друзья за все с избытком рассчитались, — возразил Демагог.

— Они-то, может, и рассчитались, да только вот тебе все равно придется заплатить за все сполна.

— Это почему же?

— А чтобы и тебе, и другим впредь была наука.

— А за избиения моих друзей кто заплатит?

— Тоже ты! — нагло ухмыльнулся Гарик.

— Ладно, кончай базар! — снова влез в разговор Ништяк. — Тащи давай, быстрее!

— Чего тащи? — сделал вид, что не понял, Демагог.

— Все, что жрать можно, тащи!

— Прошу! — указал лапой на дверь Демагог. — Проходите, гости дорогие, к холодильнику, берите, что хотите. Дома как раз никого нет.

— Это другое дело! — одобрил Гарик, и рэкетеры поспешили к двери.

Но не тут-то было. Запертая дверь пускать непрошенных гостей не захотела.

— Что — никак? — засмеялся Демагог.

— Ах ты, еще насмеяться вздумал! — расвирепел Ништяк и бросился на Демагога.

Однако герой наш не зря брал уроки боевого кошачьего искусства. Он мгновенно увернулся, и Ништяк со всего размаха треснулся о перила крыльца. Из глаз бедняги посыпались такие же разноцветные искры, как и он сам.

А на помощь ему уже спешили Гарик со Свистком.

Демагог успел проскользнуть между ними, в результате чего угольно-черный рэкетир и бандит-практикант столкнулись лбами.

Тут же, решив, что самое время вмешаться и ему, из-за крыльца выскочил Федька и ринулся в драку.

А вот показавшаяся следом за дружкой своим Мурка на крыльцо подниматься не спешила. Зачем? Пусть сначала мужчины коготочки поточат, а уж она... Она, если потребуется, после поможет. И, усевшись возле нижней ступеньки крыльца, Мурка стала ждать.

Ждать ей пришлось недолго.

Первым после сильного удара Демагога пересчитал ступеньки Ништяк.

Сию же секунду боевая подруга Федыки цапанула зубами рэкетира за ухо и довольно рассмеялась:

— Ну вот. Теперь будет еще одно Рваное Ухо!

Через несколько мгновений за Ништяком последовал его угольно-черный напарник. Его к Мурке отправил уже Федыка.

Этого отчаянная кошка укусила за хвост.

— А пацан где? — спохватился Федыка. — Куда этот шпионика подевался?

Но юный бандит Свисток не стал дожидаться своей очереди пересчитывать ступеньки и был уже далеко отсюда.

— Молодец, Дима! — похвалил Федыка, когда все было закончено. — Ты действовал по всем правилам. Будем считать, что боевое крещение состоялось.

— Ой, Дима, ты был великолепен! — сказала Мурка и с чувством лизнула Демагога в щеку.

Демагог смущенно покосился на Федыку, но тот на эту сцену не обратил никакого внимания.

— Интересно, куда они теперь направились? — озабоченно спросил водоплавающий кот.

— Только, думаю, не к Рваному Уху, — сказал Демагог. — Что им сейчас у него делать? О своем позоре рассказывать? Мне кажется, в самое ближайшее время их надо ждать либо у Минтая, либо у Пуфика. На них они попробуют отыграться.

— Да, но к кому придут первому? — задумался Федыка.

— Вот что, — сказала Мурка. — Вы пока посидите, отдохните, а я сбегая, разведую, что и как.

ГЛАВА 25. Кошачий патруль

Вернувшись, Мурка доложила, что бандиты потрясены и не могут понять, в чем дело. Они никак не предполагали, что Демагог способен дать им отпор. Особенно после той памятной трепки от Рваного Уха. Что касается ее и Федыки, то раньше рэкетир их никогда не видели и думают, что это кошки из соседней деревни. Почему из деревни, а не из дачного поселка? Да потому, они утверждают, что во владениях Рваного Уха таких боевых кошек отродясь не водилось. Докладывать о случившемся они пока Рваному Уху не собираются. Прежде решили сами во всем разобраться и уладить. Боятся лишних для себя неприятностей.

— Я же говорил! — воскликнул Демагог.

— В общем, они хотят немного отдышаться, зализать раны и продолжить обход. Зайдут сначала к Минтаю, потом к Пуфику, — закончила свой доклад Мурка.

— Тогда, ребята, предлагаю вот что, — сказал Демагог. — Там, где будут появляться они, их уже должны поджидать мы. Станем кошачьим патрулем и будем наводить свой порядок — справедливый!

— Правильно! — горячо поддержал Федыка. — Мы теперь им спокойно жить не дадим. Они у нас, как по горячим углям, ходить будут!

И друзья поспешили к Минтаю.

— Дима вернулся! — обрадовался Минтай и тут же поинтересовался: — Ты насовсем, или...

— Насовсем, насовсем, — успокоил его Демагог и заметил, с каким облегчением после этих его слов вздохнул товарищ. — Насовсем, — еще раз с твердой уверенностью

повторил он. — И не один. Со мной Федька, Мурка. Знакомься. Отличные ребята! Мы теперь — кошачий патруль, и будем бороться с бандой Рваного Уха.

— С ним не справиться, — безнадежно махнул лапой Минтай. — Да ты и сам знаешь, — со значением напомнил он.

— Ничего, справимся, — уверенно возразил Демагог. — И я уже не тот, что раньше. И не один теперь, а с друзьями, которые всегда помогут... Да не трясись ты, успокойся! Поешь вон лучше...

— Ой, что ты! — испугался Минтай. — Это же не мне, это я им приготовил. Жду. Вот-вот появятся...

Федька вдруг насторожился, предупредил:

— Кажется, сюда кто-то идет.

— Прячемся! — скомандовал Демагог, и они, оставив Минтая одного, юркнули за стоявшую неподалеку летнюю печь.

И как раз вовремя. Из-за угла дома показались Гарик и Ништяк. Позади, чуть поотстав, Свисток.

Минтай покорно ждал их приближения.

— Приготовил? — просипел Ништяк.

— Вот, — показал Минтай лапой на свой завтрак.

Но вместо «спасибо» получил от трехцветного рэкетира оплеуху.

— За что?! — взвизгнул Минтай.

— Все за то же — за соседа твоего! — сказал Ништяк и замахнулся еще раз, но Гарик его остановил:

— Пусть им Свисток займется, а нам некогда. Хватай шамовку и быстрее к пахану.

Он уже, поди, потерял нас.

Но не успели они дотронуться до завтрака Минтая, как услышали голос Демагога:

— И тут за свое? Недавний урок не усвоили? Придется заняться повторением.

А вот и сам Демагог показался из-за летней печки: уверенный в себе, решительный. За ним — и незнакомые рэкетирам деревенские кошки.

— Здравьете вам еще раз! Давно не виделись! — весело поприветствовала бандитов Мурка.

У Ништяка сразу же нестерпимо заныло укушенное ухо, а у Гарика — хвост. Под Свистком образовалась лужа, хотя солнечное утро дождя не обещало.

— Ну, грелка профессорская! — злобно прошипел Ништяк, пятясь, — еще встретимся...

— Не советую больше нам на пути попадаться, — сказал Федька и принял боевую стойку.

— А не то уши совсем откусим, — пообещала Мурка.

— Пошли, пошли, у нас еще дел по горло, — увлек за собой напарника правильно оценивший обстановку Гарик.

— Так-то лучше! — удовлетворенно сказал Демагог, провожая взглядом убегающих бандитов, и повернулся к Минтаю, который смотрел на всю эту сцену расширенными от удивления глазами.

— Большое спасибо вам, ребята, спасибо, Дима... — опомнившись, стал горячо благодарить он.

— Да ладно, — перебил его Демагог, — не стоит. И вообще — если что, дай знать. А мы к Пуфику побежали. Они сейчас наверняка к нему отправились.

— Может, поедим? — предложил Минтай.

— Ешь, ешь. Тебе надо силы восстанавливать, — сказала Мурка.

Минтай с жадностью набросился на еду, стремясь утолить так мучивший его все эти последние дни голод.

— Послушай, Минтай, а ты не хочешь нам помочь? — спросил Демагог.

Минтай молча закивал с набитым ртом.

— Тогда давайте, ребята, сделаем так: мы с Федькой будем обходить участки и прогонять с них бандитов, а вы с Муркой станете разведчиками. Договорились?

Мурка с Минтаем разом кивнули.

— А теперь — к Пуфику! — сказал Демагог.

К Пуфику кошачий патруль успел вовремя. Свисток только что отыскал в кустах у забора затаившегося там хозяина, и теперь Пуфик обреченно плелся за практикантом отдавать дань.

И тут — надо же! — третий раз за утро показался кошачий патруль. Рэкетеры поспешно ретировались не солоно хлебавши.

Мурка с Минтаем отправились следом за ними. А Пуфик потерялся о Демагога и заплакал.

— Не плачь, Пуфик, не плачь, — стал успокаивать его Демагог. — Теперь все будет хорошо. Обещаю тебе!

Через несколько участков Демагога с Федькой поджидали разведчики.

— Бандиты в полной растерянности, — сообщила Мурка. — Они жалеют, что обход начали с твоей стороны поселка: и время потеряли, и самим на орехи досталось. Теперь будут без всякой очередности обходить участки, лишь бы что-нибудь побыстрее собрать да унести Рваному Уху. А сейчас они отправились вон туда, — показала Мурка в сторону большой двухэтажной дачи, видневшейся на пригорке.

— Что ж, пошли туда и мы! — решительно повел Демагог свою команду.

...Для Гарика с Ништяком это был черный день. Где бы они ни оказывались, везде встречал их по-боевому настроенный кошачий патруль, и отовсюду они вынуждены были спасаться бегством. А впереди ждало их не менее страшное: явиться с пустыми лапами перед взором разгневанного Рваного Уха.

ГЛАВА 26. Гнев Рваного Уха

Солнце между тем прошло уже половину дневного пути, и медлить дальше было нельзя.

Совершенно убитые неожиданным ходом событий рэкетеры, ступая след в след, траурной процессией плелись к пахану.

Сегодня солнце палило особенно безжалостно, но горизонт начинал затягиваться черными тучами.

Навстречу сокрушительной грозе шли сейчас и Гарик с Ништяком.

Процессию замыкал беззаботный Свисток. Ну что с него взять — зелень кошачья, только-только начал обучаться нелегкому бандитскому ремеслу! Спросит-то Рваное Ухо не с него, а с них — до сих пор лучших участковых сборщиков дани в банде.

Резиденция Рваного Уха располагалась в недостроенной даче того самого человека, в кузове грузовика которого рыжий ворюга приехал сюда весной.

Человек этот дачу свою посещал редко, а когда появлялся, возился в основном с грядками. Но иногда заглядывал в незавершенное строение с пустыми оконными проемами в бревенчатых стенах и вздыхал: надо бы закончить побыстрее, да руки никак не доходят. И исчезал до следующего раза. Человек рыжему бандиту нисколько не мешал и даже не подозревал о его существовании, поэтому Рваное Ухо чувствовал себя здесь полновластным хозяином.

Владелец дачи задумал построить дом на три комнаты. Две — одна побольше, другая поменьше — внизу были уже почти готовы (не хватало лишь рам да стекол); третья — вверху, в мансарде, — пока еще только едва просматривалась в переплетении стропил.

Жил Рваное Ухо в комнате поменьше. Окно ее было забито листом фанеры, поэтому не дуло и не донимала жара. К тому же, в комнате стояла раскладушка с брошенным на нее тюфяком и старой подушкой. Человек, правда, так ни разу на нее и не прилег. Был он очень живой, подвижный и все куда-то спешил.

Но на всякий случай Рваное Ухо обустроил себе и запасное лежбище — в просторном подполье. В стоявшую в углу большую картонную коробку он перетащил старую телогрейку, и получилось очень даже неплохо.

Здесь же, в подполье, устроил рыжий ворюга и склад. Все отобранное у дачных кошек, если сразу не оказывалось в его желудке, перекочевывало сюда на хранение. Нередко случалось, что тут же — портилось и сгнивало, потому что быстро осилить такую кучу продуктов он не успевал, а делиться ни с кем не хотел.

Большая комната служила Рваному Уху одновременно и кабинетом, и приемной, и залом заседаний. В ней он принимал сборщиков дани, выслушивал рапорты о проделанной работе. Тут же устраивались сходки его банды, на которых пахан объявлял самые важные свои решения. В стенах этой же комнаты бывали гостями и представители местной кошачьей власти.

Вы можете удивиться: а разве существовала в поселке еще и кошачья власть? А как же! Кошки — хоть и сами по себе ходят, но страсть как любят подражать людям, и многими повадками очень на них походят. Поэтому еще со времен возникновения дачного поселка было здесь местное кошачье самоуправление. Оно улаживало между кошками пограничные споры, договаривалось с собачьей общиной о мирном сосуществовании и уважении прав животных.

И вообще оно следило за тем, чтобы повседневная кошачья жизнь текла нормально.

Каждую весну в местное кошачье самоуправление выбирали самых мудрых и уважаемых животных, которые достойно трудились на общественное благо, делая все, чтобы царили мир и спокойствие, лад и согласие.

Так было поначалу, но со временем все потихоньку стало меняться. То ли умные кошки перевелись, то ли скромными и нерешительными они были, чтобы обращать на себя внимание, но выбирать начали уже вовсе не их, а тех, кто громче и настырнее о себе заявлял. Хотя, впрочем, возможно, в умных и достойных кошках просто перестали нуждаться. Наверное, стало казаться — какая разница, кто там о благополучии общественном печется, если жизнь так легка и безмятежна. Забывали, правда, что ничего на свете само по себе не делается, что все зависит от труда и усилий всех и каждого.

Однако «всех», то есть единого целого, после того, как стали отходить от общественных дел лучшие из лучших, уже не стало, зато «каждого», иначе говоря тех, кто гулял сам по себе, не обращая внимания на других, было теперь хоть пруд пруди, а оттого пошли между кошками раздоры, нарушился мир с собаками и хозяевами дач, поскольку распоясавшиеся кошки лазали где попало.

Да и выборы в кошачье самоуправление с некоторых пор перестали проводиться. Третий дачный сезон кошачий голова — все тот же бухгалтерский кот Калькулятор, а в заместителях у него — все та же кошка председателя садоводческого кооператива Алевтина.

Сейчас и не вспомнить, за какие заслуги их когда-то выбрали, но оба были до того ленивы и равнодушны ко всему, что не касалось их собственной персоны, что самоуправление при полном их безучастии вообще лишилось всякого управления.

Что, кстати, едва появившись нынешней весной в поселке, сразу же понял и чем прекрасно воспользовался Рваное Ухо, насаждая на обломках полусгнившего кошачьего самоуправления свой воровской Порядок.

Зато Алевтина с Калькулятором появлению Рваного Уха были только рады. Его Порядок снимал с них последние заботы и в то же время позволял самим, за счет избираемых кошек, неплохо пожить. От вкусных подарков, чуть ли не ежедневно посылаемых «в знак глубокого уважения и признательности» рыжим бандитом, сладко

отрыгивалось, слипались глаза, и Калькулятор с Алевтиной уже и вовсе перестали замечать, что творится вокруг...

Рваное Ухо, как султан, возлежал на старом продавленном автомобильном сиденье, служившем ему креслом, и ждал приближения своих подчиненных.

Гарик и Ништяк остановились в нескольких шагах от сиденья и замерли, едва сдерживая пробиравшую их дрожь.

Свисток, как верный паж, стоял чуть поодаль сзади.

— Ну, где вы полдня шлялись? — тоном, не предвещавшим ничего хорошего, поинтересовался Рваное Ухо. — Вам уже давным-давно следовало отчитаться.

Понурые рэкетеры, сверля взглядами пол, словно воды в рот набрали.

— И почему с пустыми лапами? — задал Рваное Ухо новый вопрос.

— Мы это... э-э-э... — наконец открыл рот Гарик.

— Что ты там блеешь, как баран? — начал терять терпение Рваное Ухо.

— Да понимаешь, пахан... Невозможно работать... Профессорский выскочка...

— А, нашелся, наконец! — просиял рыжий бандит.

— Найдись, конечно, он нашелся, только теперь вот создает нам проблемы.

— Какие еще проблемы? — нахмурился Рваное Ухо.

Тяжко вздохнув, Гарик взялся рассказывать о событиях сегодняшнего дня. Рассказывал он путано, витиевато, словно кружева плел. Себя, разумеется, выставлял в самом выгодном свете.

Рваное Ухо, впрочем, хорошо знал своих «шестерок», и из всего того тумана, что напустил Гарик, сумел быстро прояснить для себя истинную картину случившегося. И она его встревожила.

Кошачий патруль... Что-то не совсем понятное, но наверняка для него опасное. Тем более если к Демагогу примкнули уличные кошки-бойцы. Они — Рваное Ухо прекрасно знал это по собственному опыту — очень независимы, ловки, отважны. Да, профессорского лежебоку он, видимо, недооценил...

Гарик замолчал, а Рваное Ухо дал волю гневу.

— Болваны! Недотепы! — орал он, вскочив со своего кресла. — Труссы несчастные! С работы выгоню! Полкану скормлю!..

Угрозы сыпались одна страшнее другой. А при упоминании о здоровенном лохматом псе дачного сторожа по кличке Полкан, который не очень-то жаловал их, у Гарика и вообще душа ушла в пятки.

Рыжий предводитель метал на головы перепуганных рэкетиров громы и молнии, а сам тем временем продолжал лихорадочно размышлять.

Надо было что-то срочно предпринимать. Если он как можно быстрее не уберет кошачий патруль, то его, Рваного Уха, песенка спета. Хорошо бы, конечно, вновь устроить Демагогу показательную выволочку, на что он, кстати, и рассчитывал, приказывая разыскать беглеца. Но теперь ситуация резко изменилась. Если верить показаниям этих двух недотеп, профессорский кот сильно изменился. И успел где-то обучиться боевому кошачьему искусству.

А это значит, что его так просто уже не одолеть. И коли поединка не миновать, то лучше оставить его на самый крайний случай. А пока...

Гроза над Гариком и Ништяком мало-помалу утихла. Рваное Ухо молчал, думал.

— А пока, лодыри и недоумки, — сказал он наконец, — обходы участков прекратить!

— Как прекратить?! — вскричали в один голос рэкетеры, а Гарик спросил:

— Разве, пахан, ты не хочешь проучить этого выскочку с его приبلудными корешами?

— В натуре, пахан! Уж мы бы с тобой... — поддержал Ништяк.

— Нет! — резко оборвал их Рваное Ухо. — Мне надоело делать за вас вашу работу, бездельники! Тем более что вы полностью уступили инициативу. Вас каждый раз

успевают опередить. Сегодня на их стороне внезапность. Но ничего... Мы тоже что-нибудь придумаем... — Было видно, что в рыжей голове бандита начинает созревать какой-то план. — А пока вот что: разузнайте-ка подробнее, что из себя представляют наши противники. Я хочу знать о Демагоге и его друзьях все. Они хотят выглядеть защитниками обиженных, героями? На здоровье! Но мы еще покажем кошачьему обществу, какие они герои! — с угрозой пообещал Рваное Ухо.

Гарик и Ништяк непонимающе переглянулись, но расспрашивать не решились.

— А теперь пошли вон! — пренебрежительно махнул Рваное Ухо лапой в сторону двери.

Рэкетеры бросились к выходу.

Едва они успели покинуть резиденцию Рваного Уха, как разразилась гроза. Только теперь уже самая настоящая: с жуткими ослепительными молниями, с ужасающим треском громовых раскатов — словно кто-то невидимый над самым ухом разрывал небесное полотно, с проливным дождем, вмиг вымочившим котом до последней шерстинки, и, в довершение всего, с крупным градом, больно лупившим по головам. И небесное это наказание показалось бедолагам еще страшнее гнева Рваного Уха.

ГЛАВА 27. Затишье перед бурей

Делать нечего — обходы пришлось прекратить. Гарик и Ништяк приуныли; и не только потому, что остались без дела, которое им нравилось, но и без пропитания. Рваному Уху легко отдавать такие приказания — у него подвал от продуктов ломится, а тут без поборов хоть с голоду подыхай. Не мышей же идти опять ловить, как в те далекие времена, когда они были юными, как Свисток. Да и мышатина после лакомых домашних кусков, перепадавших им каждый день, теперь в глотку не полезет. Остается или воровать, или у того же Рваного Уха клянчить. Но у него же, у жадюги, зимой снега не выпросишь...

Перед самым закрытием вагона-магазина продавщица вдруг обнаружила в подсобке двух непрошенных гостей. Один — за бечевку спереди, другой, помогая, подталкивал сзади — тащили к выходу тяжеленный, кило на два, батон вареной колбасы. Такой неслыханной наглости хозяйка заведения потерпеть, конечно, не могла, и ворюгам изрядно досталось шваброй по бокам.

Черный день и заканчивался для Гарика и Ништяка по-черному. Переполненные горем и обидой, напарники отправились к Карбофосу, у которого изрядно потребушили запасы дурман-травы.

«Торчали» они в этот вечер крепко.

Гарик увидел зал с колоннами, уставленный кадками с фикусами и пальмами, как в доме отдыха в трех остановках электрички отсюда, где он родился и жил котенком с мамой. Виделся себе он сам — важный, лоснящийся, возлежащий на красивом плюшевом диване в обнимку с красавицей Марысей. А еще виделся Демагог, который, льстиво изогнувшись, спешил к ним на задних лапах с подносом, полным розовых, аппетитно дымящихся сосисок.

У Ништяка кайф был круче. Будто и не он уже это вовсе, а пахан. То есть не Рваное Ухо теперь пахан, а он, Ништяк, стал им. И не Рваное Ухо мечет громы и молнии, а он — Ништяк-пахан — стирает в порошок рыжего бандюгу, который, прижав в страхе уши, пятается от него и пятается...

Утром следующего дня, когда кошачий патруль во главе с Демагогом выступил в дозор, вдруг оказалось, что охранять кошек не от кого: Ништяка с Гариком нигде не было. Демагог возликовал, однако Минтаю это показалось подозрительным.

— Что тебя смущает? — удивился Дешгог. — Вчера мы их проучили, а сегодня они уже и сами не лезут, боятся.

— Может быть, может быть... — пробормотал Минтай. — Но тогда почему, как и в прошлый раз, не пришел разбираться с тобой Рваное Ухо? Один раз он тебя уже «наказывал», значит, и сейчас поступил бы также.

— Что-то тут и правда не то, — поддержал Минтая Федька — Эти бандюги так просто не отступятся.

— Тогда как же все это объяснить? — задумался Демагог.

— А если заболели? — предположила Мурка.

— Ага, под дождичком вчерашним простыли, — засмеялся Федька.

— Или просто прогуляли, — сказала Мурка.

— Не думаю, — возразил Минтай. — Рваное Ухо их строго держит.

— Может, их на другие улицы перевели, раз здесь не справились? — высказал еще одно предположение Демагог.

— Там свои кадры есть, — отверг и эту мысль всезнающий Минтай. — Садовую с Сиреновой держат Васька с Бабаем, а Солнечную с Фруктовой аллеей — Кешка и Помоешник.

— Кешка и кто? — переспросил Демагог.

— Помоешник. Кличка у кота такая. Он раньше на помойках пропитание добывал, — пояснил Минтай.

— В таком случае не наведаться ли нам на те улицы да не узнать ли, что делается там? — сказал Демагог.

— Да то же, что и здесь, — хмуро проворчал Минтай. — Порядок везде один.

— Тем более надо сходить. Другой порядок установить. Наш.

Сначала кошачий патруль появился на Садовой. Стычка была короткой. Уже наслышанные о событиях на Счастливой, Васька и Бабай уступили свои позиции почти без боя. Федька для порядка хрястнул Бабая лапой по уху, а перетрусивший при виде грозной команды во главе с внушительным Демагогом Васька сначала предложил «договориться», то есть разделить свежую добычу, но, заметив, как начинает коромыслом выгибаться у командира патруля спина, со всех ног пустился бежать. Следом мчался награжденный оплеухой Бабай.

Новая победа вскружила Демагогу голову. Он вспомнил, как шагали они вчетвером, словно мушкетеры, по улице Счастливой и пели...

— Как там, Минтай, мы пели?

— Раз-два — левой! Вперед — и хвост трубой! Отважная команда выигрывает бой! — подсказал Минтай.

Демагог весело подмигнул другу, но тот почему-то не разделял его благодушного настроения. Интуиция кота-дворняги и хорошее знание здешней дачной жизни подсказывали ему, что радоваться пока рано.

— А теперь айда на Фруктовую аллею, разберемся со следующей парочкой! — сказал Демагог.

Когда они появились на Фруктовой аллее, слава о доблестном кошачьем патруле уже докатилась сюда. Кеша с Помоешником и вообще не стали выяснять отношения, а, едва увидев приближавшуюся команду, позорно ретировались.

— Вот так! — удовлетворенно воскликнул Демагог, а Федька, слегка раздосадованный, что на сей раз не удалось «почесать лапы», заорал вслед убежавшим:

— Эй, вы, трусы! Передайте вашему пахану, что скоро мы и до него доберемся!

Демагог одобрительно кивнул и огляделся.

Отовсюду с дачных участков повысыпали кошки и как диковину разглядывали храбрую четверку во главе с похожим на маленького тигра котом, которая с легкостью необыкновенной прогоняла бандитов.

Польщенный вниманием. Демагог гордо вышагивал по живому кошачьему коридору. На внимание к себе он никогда не жаловался, но то было внимание другого рода: оно исходило от людей и касалось его внешности. Здесь же кошек интересовал он сам: большой, храбрый, сильный — победитель!

Так бы, наверное, греясь в лучах славы, Демагог и прошествовал со своей свитой через всю Фруктовую аллею, если б не услышал, как кто-то крикнул в толпе:

— Эй, Минтай! Этот, полосатый, — новый пахан, что ли?

Минтай не откликнулся, только ниже опустил голову, зато в толпе сразу же нашлись «знатоки», которые стали объяснять что к чему. Конечно же, новоявленный главарь, говорили они. Разве не видно? Вон какой! Поди, хлеще обожравшегося Рваного Уха будет. Последнее отберет. Заставит одними мышами питаться, если кто еще ловить их не разучился. И Минтай, гляди-ка, тоже в рэкетеры подался...

Демагога словно ледяной водой окатили. Вот тебе и слава, и внимание! А он-то обрадовался...

— Что вы такое говорите?! Никакой я не пахан. И друзья мои вовсе не бандиты, — попытался объяснить он. — Наоборот, это мы вас будем от бандитов всяких охранять, потому что мы — кошачий патруль...

— А вы и правда все-все отберете? — перебила его одна из кошек, и Демагог понял, что ему не верят.

Вспомнился котенок, у которого он нечаянно съел завтрак. Тот тоже принял его за рэкетера....

Демагог растерянно оглянулся на друзей. Царивший в душе праздник был испорчен.

ГЛАВА 28. Козырная карта

Сходку эту Рваное Ухо специально не созывал. Возникла она сама собой. Сначала прибежали перепуганные Васька и Бабай. Вскоре появились Кеша с Помоишником. И все четверо, перебивая друг друга, стали сообщать о кошачьем патруле и его предводителе ужасные вещи.

Бабай, к примеру, рассказывал, что в заборе, за которым они с Васькой стойко оборонялись, громадина-кот, командир патруля, в невероятном прыжке одним ударом выломал сразу несколько досок. А Кеша и вообще взялся убеждать, что в поселке появился сбежавший из зоопарка тигр.

И если бы Рваное Ухо раньше никогда не сталкивался бы с Демагогом сам, он, возможно, тоже запаниковал бы.

— Заткнитесь! — рявкнул наконец Рваное Ухо.

Коты примолкли.

Рваное Ухо задумался. Не слишком ли далеко он позволил зайти профессорскому выскочке? А тут еще и эти дешевые паникеры... Сами хуже нарушителей Порядка.

Рыжий бандит перевел взгляд на смиренно сидевших в сторонке Гарика и Ништяка. Болваны, конечно. С них все и началось. Однако в последние дни неплохо поработали: кое-что о каждом из команды Демагога им удалось разузнать. И этим надо обязательно воспользоваться...

А боевому кошачьему искусству Демагога уличный кот Федька обучил. Он — правая лапа в патруле. Это сильно осложняет дело.

Но ничего!..

— Не пора ли сказать слово законной власти? — нарушил затянувшееся молчание Рваное Ухо и позвал: — Свисток!

Возникший молниеносно из-за спин Гарика и Ништяка практикант был весь внимание.

«Старательный!» — отметил про себя Рваное Ухо, а вслух приказал:

— Свисток, срочно приведи Калькулятора с Алевтиной. Скажи — дело государственной важности.

Свисток пулей вылетел из дома.

Рваное Ухо задумчиво потер лапой лоб.

— Итак, все в масть, — многозначительно изрек он. — Только вот не хватает в нашей колоде хорошего козыря. Вам не кажется? — обвел пахан взглядом бандитов.

Они смотрели на него с подобострастием, но без проблеска мысли на тупых мордах. И лишь во взгляде Гарика Рваное Ухо уловил нечто такое, что заставило его спросить:

— У Гарика возникла идея?

— М-р-р-р... — отозвался Гарик.

Появившееся в темной глубине его мозгов соображение было настолько еще смутным и расплывчатым, что на вразумительную идею походило мало. Но Рваное Ухо, глядя на него в упор, ждал ответа, и Гарика пришлось объяснять, о чем таком он сейчас попытался подумать.

Дело в том, что прошлой ночью Гарик стал случайным свидетелем любовного свидания. Он решил прогуляться перед сном возле вагона-магазина и вдруг услышал знакомые голоса. Гарик тихонько подкрался, выглянул из-за угла. Однако предосторожности были излишни: парочка влюбленных кошек, мурлыча о чем-то своем, никого и ничего вокруг не замечала, а тем более — угольно-черного Гарика, почти полностью слившегося с безлунной ночью. Он пригляделся внимательнее... Сомнений больше не оставалось: то были Демагог и Марыся.

К красавице Марысе Гарик давно был равнодушен. Да что толку — своенравная кошечка его и раньше на расстоянии держала, а с появлением Демагога — и вовсе в упор не видела.

Шерсть у Гарика на загривке вздыбилась. Глядя, как нежно трутся друг о друга влюбленные, он весь исходил ненавистью. И к Марысе, которая предпочла ему профессорскую грелку, и тем более к Демагогу, перебежавшему дорогу ему уже не один, а целых два раза: успел испортить не только личную жизнь, но и карьеру.

В ревнивом ослеплении Гарик хотел тут же броситься на Демагога, но в последний момент струсил: слишком свежи были в памяти его удары. А вот мысль о страшной мести застряла в нем, как кость в горле. Только что бы такое придумать?..

Чем дольше Гарик говорил, тем больший интерес к его рассказу проявлял Рваное Ухо.

— Он влюблен, а она — с другим... Ах, как мило! Замечательно! — воскликнул рыжий бандит, как только Гарик закончил.

Ничего замечательного угольно-черный рэкетир тут не видел, но на всякий случай промолчал.

— Великолепно! — продолжал неизвестно чем восторгаться Рваное Ухо. — Ты должен обязательно отомстить. Непременно!

— Но как?

— Коварно, мой друг, очень коварно! Одним махом растоптать, унижить и выкинуть на помойку крысам! — распалялся Рваное Ухо.

— Может, подкараулить и сделать «темную»? — оживился молчавший до сих пор Ништяк.

— Фу, как грубо и примитивно! — фыркнул Рваное Ухо. — Тоньше надо работать, тоньше. И потом: он же сразу поймет, кто это сделал, переловит вас со своей командой поодиночке и... тогда я вам не завидую.

Гарик поежился.

— Знаете, господа рэкетеры, — несколько торжественно произнес Рваное Ухо. — У меня, кажется, возникла любопытная идея, которая позволит убить сразу двух зайцев: восстановить наш Порядок и поставить крест на твоём обидчике, Гарик.

В нетерпеливом желании услышать подробности будущей мести Гарик весь подался вперед.

— Нет, самого Демагога мы пока трогать не станем, — решил Рваное Ухо. — А вот девушку его...

— Бить Марысю! — невольно вырвалось у Гарика.

— Ну что за пошлость! — рассмеялся рыжий бандит. — Разве же позволительно влюбленному джентльмену поднимать лапу на свою даму сердца? Да и скучно это. Нет, мы поступим гораздо интереснее — коварнее, романтичнее и с гораздо большей пользой для всех нас...

ГЛАВА 29. Страшная месть

Без особых хлопот кошачий патруль избавил улицы дачного поселка от рэкетиоров, однако разведчики Минтай и Мурка в окончательную победу по-прежнему не верили. И на то у них были основания. Спрятавшись в кустах соседнего огорода, разведчики следили за логовом Рваного Уха.

Прибегали-убегали жутко озабоченные Гарик и Ништяк, возникали и так же поспешно исчезали рэкетеры с других улиц, нырял туда-сюда Свисток...

Суэта Минтаю с Муркой показалась очень подозрительной. И они все больше склонялись к мысли, что Рваное Ухо что-то затевает.

— А эти-то здесь зачем? — изумился Минтай, завидев на тропинке, ведущей к резиденции, Алевтину и Калькулятора. Кого угодно ожидал он тут встретить, только не их, хотя, конечно, и раньше подозревал их в чем-то нечистом. — Если уж официальное начальство идет на прием к пахану, значит, ждать нам скоро больших неприятностей...

Пока разведчики занимались своим делом, кошачий патруль продолжал совершать обходы, которые теперь больше походили на дружеские визиты.

Федьке с домашними кошками, которых в глубине души он презирал (Демагог, конечно, не в счет) за их избалованность, несамостоятельность, непригодность, общаться было скучновато, поэтому он обычно помалкивал, с интересом, однако, поглядывая на породистых и ухоженных кошек, среди которых каких только не было. Рядом с ними Федька особенно остро ощущал свою полную беспородность и бездомность.

Зато Демагог чувствовал себя совершенно в своей тарелке. Ему нравилось, задержавшись то у одной калитки, то у другой, поболтать о всякой всячине, порассуждать, например, о кошачьей свободе, справедливости, дружбе и уважении друг к другу, о том, что надо бы теснее сплотиться и не позволять всяким там бандитам помыкать собой...

Слушали его вежливо, но боязливо, с немым вопросом в глазах: а что дальше? Что для них лично изменится, когда один Большой Кот придет на место другого?

Этого Демагог не знал, да и, честно говоря, сильно-то и не задумывался над тем, что будет дальше. Ему казалось, что нынешние победные дни бесконечны. Он так в это поверил, что не придавал никакого значения сообщениям своих разведчиков о подозрительной суете в логове Рваного Уха. Подумаешь, суэта! Напуганы — вот и суетятся.

Так прошел день, другой...

Все эти дни Гарик ждал удобного момента для осуществления «любопытной идеи» Рваного Уха. Была она гениально проста, дерзка и действительно коварна.

Рваное Ухо предложил похитить Марысю, а преступление свалить на Демагога и его команду. Гарик будет отомщен. Демагог опорочен, а разочаровавшихся в результате всего этого в сибирском красавце дачных кошек окажется легче легкого вернуть к прежнему Порядку.

Сначала Гарик хотел провернуть операцию где-нибудь на пути от магазина, за которым проходили свидания возлюбленных, до дома Марыси. Но соперник его провожал свою подругу до самого крыльца. Мякнув на прощанье что-то ласковое, Марыся исчезала в отверстии бетонного фундамента, служившем ей ночным входом, а кот возвращался к калитке и ждал. Через минуту Марыся появлялась на балкончике мансарды, махала лапой, и Демагог, убедившись, что все в порядке, довольный и счастливый спешил домой. Поэтому от первоначального плана пришлось отказаться.

Тогда Гарик решил действовать по-другому.

Глубокой ночью, дождавшись, когда влюбленные наконец расстались, бандитская тройка во главе с Гариком двинулась на дело. Сначала они попытались проникнуть внутрь архитектурской дачи тем же путем, что и Марыся. Удалось это только Свистку. Ему и поручили разведать, что делается в доме.

Возвращения бандита-практиканта ждать пришлось недолго. Сначала раздался возмущенный собачий лай, затем в бетонной отдушине показалась перепуганная морда Свистка.

— Там собака, — сообщил он, выкарабкавшись наружу. — Небольшая, но злющая. Едва удрал.

Гарик с Ништяком переглянулись. Появление на даче архитектора собаки стало для них неприятным сюрпризом. Раньше ее не было. Видно, хозяйева привезли ее совсем недавно.

— А где она находится? — спросил Ништяк.

— Внизу, у входной двери, — сказал Свисток.

Дело осложнялось. И, чтобы понапрасну не дразнить пса, коты поспешили убраться за пределы дачного участка.

Собака затихла, успокоилась.

— Что теперь будем делать? — спросил Ништяк.

Гарик молчал, изучая балкон и приоткрытую, как всегда, дверь мансарды.

Балкон выходил на Большую Поляну, а дверь в дом располагалась с противоположной стороны. Так... Собака спит тоже там. Что делается на втором этаже, в мансарде, она со своего места может и не услышать. Значит...

— Надо попробовать забраться на балкон, — сказал Гарик.

Ништяк с сомнением покачал головой. Зато сообразительный Свисток сразу догадался, как это сделать, и показал на росшую рядом с домом березу, одна из веток которой доставала до балконных перил, и по ней, как по мостику, можно было перейти на балкон, а уж оттуда в приоткрытую дверь попасть в мансарду.

— Молодец, пацан! — похвалил Гарик. — С тебя и начнем. Покажи класс!

Свисток с готовностью полез на дерево; ловко вскарабкавшись по нему, он ступил на ветку, она дрогнула, чуть прогнулась. Следующий шаг бандит-практикант сделал более уверенно. Он благополучно перебрался на балкон и скрылся за дверью мансарды. Через пару минут снова появился и призывно махнул лапой.

— Теперь ты! — подтолкнул Гарик напарника.

Ништяк вздохнул, но — делать нечего! — полез, сопя, вверх. Получалось у него совсем не так ловко, как у Свистка, А с ветки он и вообще чуть не свалился, на миг потеряв равновесие. Он бы, наверное, и упал, не протяни ему вовремя лапу Свисток.

Последним, держа в зубах полотняный мешок, взобрался на балкон Гарик.

В мешке лежали молоток, моток бельевой веревки и еще кое-что необходимое для проведения сегодняшней операции.

В той же последовательности коты просочились в мансарду. На их счастье, ночь выдалась безлунно-темной — хоть глаз коли. Начал, к тому же, накрапывать дождик, который своим убаюкивающим шуршанием скрадывал все остальные звуки. Самая что ни на есть воровская ночь.

Но котам темнота нипочем. Все вокруг им прекрасно видно. Зато об их присутствии говорили только три пары живых зеленых огоньков, блуждающих по комнате.

В углу комнаты стояла кровать с деревянными спинками, рядом — тумбочка, напротив — шкаф. На кровати кто-то похрапывал, сладко причмокивая во сне.

Свисток, однако, повел котов не к кровати, а к шкафу. Возле него, на специально для нее сшитой постельке-подстилочке, и спала, свернувшись клубочком, Марыся.

Гарик к операции похищения Марыси приготовился основательно. И мешок на голову накинуть, и веревку — кошку связать — предусмотрел. А чтобы все прошло без лишнего шума, он раздобыл накануне у Карбофоса склянку особой жидкости, вдохнув которой, по заверению нюхомана, можно было уснуть мертвым сном чуть ли не на день.

Гарик запустил лапу в мешок, извлек оттуда склянку со стеклянной пробкой. Потом достал тряпочку и расстелил ее на полу...

Ништяк со Свистком с интересом и опаской наблюдали за непонятными для них приготовлениями.

Гарик откупорил флакон, осторожно наклонил его и смочил тряпочку.

В нос ударил резкий неприятный запах.

Гарик торопливо закрыл флакон, подцепил когтем тряпочку и, держа лапу на отлете, вплотную приблизился к спящей кошке. Секунду помешкав, он опустил тряпочку ей на мордочку.

Марыся вздрогнула, судорожно вздохнула и тут же затихла.

Гарик сделал знак своим помощникам.

Ништяк со Свистком стали запихивать одурманенную кошку в приготовленный Гариком мешок.

Делали все это молча, без малейшего шума. Тишину нарушало только доносившееся с кровати похрапывание.

Марысю наконец «упаковали». Обмотанный веревкой мешок с кошкой внутри походил сейчас на почтовую посылку, которую еще не успели проштемпелевать сургучными печатями.

Коты втащили свою ношу на балкон. Оставалось спустить ее на землю. Но как?

— Давай сбросим, — предложил Ништяк.

— Убьется же! — испугался Свисток, а Гарик молча покрутил лапой у виска.

— Кажется, придумал, — прошептал после минутного раздумья Гарик и стал разматывать на мешке веревку.

— Зачем? — всполошился Ништяк.

Размотав, Гарик одним концом веревки завязал мешок у горловины. Потом, велел помощникам взяться за веревку поближе к горловине, стал пропихивать мешок между перил. Это ему вскоре удалось, и мешок, сорвавшись вниз, повис в воздухе, удерживаемый веревкой. Гарик вцепился в нее. Перебирая лапами, коты потихоньку опускали мешок на землю. Но вот веревка кончилась, и мешок завис в метре от цветочной клумбы под балконом.

— Отпускай! — скомандовал Гарик.

Коты выпустили веревку, и мешок упал на клумбу.

Похитители один за другим проделали обратный путь с перил балкона по березовой ветке и стволу дерева на землю.

Ништяк с Гариком подняли Марысю, а Свисток снова обмотал ее веревкой, как и прежде. После чего, подхватив ношу, все трое поспешили исчезнуть.

Вдогонку им запоздало залаяла собака.

ГЛАВА 30. Без вины виноватые

Слух об исчезновении Марыси быстро облетел дачный поселок. Предположения строились самые разные. Однако преобладало мнение, что ее похитили. Вот только кто — гадали. Одни утверждали, что накануне ночью на Большую Поляну приземлилось летающее блюдце с восьмилапными, четырехухими и двуххвостыми космическими кошками-пришельцами, которые и забрали с собой Марысю. Но другие говорили, что похитители спустились вовсе не с небес, и многозначительно посматривали в сторону кошачьего патруля.

Последнюю версию очень активно поддерживали Гарик и Ништяк.

Ни о чем таком не подозревая, Демагог с Федькой ловили на себе настороженные взгляды и никак не могли догадаться об их истинной причине.

Но Демагога больше встревожили голоса хозяев Марыси, искавших свою кошку.

Тревога оказалась не напрасной. Вскоре разведчики доложили о пропаже Марыси и о том, что все вокруг только и говорят о похищении.

— Но кому и зачем это похищение понадобилось? — удивился Федька.

— Зачем — не знаю, — сказал Минтай, — а вот чьих лап дело — догадываюсь...

Он не успел высказать свои догадки. Из ближайшего переулка показались Гарик и Ништяк.

— Эй, патрули-разбойники, куда бедную Марысю подевали? — насмешливо крикнули они и припустили вдоль по улице.

Демагог с Федькой недоуменно посмотрели им вслед, а Минтай сказал:

— Их работа. Уверен!

— Но чем же им могла помешать Марыся? — не мог взять в толк Федька.

— Мне кажется, Дима, кто-то очень заинтересовался вашими с Марысей отношениями, — сказала Мурка.

— Он, Гарик, и заинтересовался, — без тени сомнения заявил Минтай. — Он ведь давно Марыську обхаживал, да все без толку. А тут как раз Дима появился...

Демагог вспомнил свое первое знакомство с Марысей, вертевшегося с ней рядом Гарика, и сразу поверил Минтаю. Он готов был броситься за бандитской парочкой вдогонку, но та уже исчезла из виду.

Зато возник откуда-то толстый лоснящийся Калькулятор и начальственно объявил:

— Сегодня, на закате, Большой кошачий сбор. На старой ферме. Всем быть обязательно.

— А по какому поводу собираемся? — поинтересовался Минтай.

— По очень важному! — напыжился Калькулятор.

Большой кошачий сбор проходил на заброшенной ферме рядом с дачным поселком. Ферма давно пустовала, люди и собаки заглядывали сюда редко, поэтому кошкам тут никто не мешал.

Кошачьего народа собралось много. Зачем созвали — никто не знал, но каждый пытался выяснить у другого, оттого — шум, возня.

Ферма была основательно разрушена, остались от нее фундамент да кое-где остатки кирпичных стен. Лишь в самой середине длинного строения сохранилось целое, со стенами, полом и даже потолком, помещение. По всей вероятности, когда-то здесь была служебная комната.

С тех, фермерских, времен в комнате сохранился старый, обитый сильно вытертым дерматином конторский диван с валиками-сардельками и высокой прямой спинкой.

В правом углу дивана, небрежно облокотившись о валик рыжей лапицей, возлежал Рваное Ухо, в левом беспокойно ерзала Алевтина, а в продавленной середине торжественно восседал Калькулятор.

Всех троих на этом, чем-то напоминающем театральную сцену, диване Демагог увидел сразу же, как только переступил порог комнаты.

Но и его появление не осталось незамеченным. Едва он вошел, кошки разом повернули к нему головы. Польщенный вниманием, Демагог приветственно помахал всем лапой.

Когда кошки угомонились, Калькулятор, покосившись на Рваное Ухо (тот ему благосклонно кивнул), стал держать речь:

— Уважаемые дамы и господа, коты и кошки! Я рад приветствовать нашу замечательную кошачью общественность... — потек по комнате его приторный, как засахаренное варенье, голос. — Давненько мы не собирались вместе. Но, дорогие господа кошки, для этого и не было особой необходимости. Жили мы до последнего времени хорошо и спокойно, никто никому не мешал, и все уважали Порядок... — Калькулятор снова покосился на рыжего бандита (и тот опять доверительно кивнул). — Порядок, который поддерживался нашими славными дружинниками...

При этих словах Гарик и Ништяк выпятили грудь и нагло ухмыльнулись, вызывающе поглядев в сторону кошачьего патруля.

— ...Однако с появлением в нашем обществе нескольких новых кошек все стало меняться к худшему. Кот Демагог с улицы Счастливой сколотил банду, которая горланит по ночам песни, учиняет драки, занимается разбоем... М-р-р-рачная, в общем, получается картина. Мы долго терпели, но то, что случилось вчерашней ночью, потрясло всех и переполнило чашу нашего терпения...

Калькулятор сделал паузу, переводя дух, а Демагог, ошарашенный посыпавшимися обвинениями, весь напрягся, чувствуя, что услышит сейчас нечто еще более ужасное.

— ...А прошлой ночью, — продолжал Калькулятор, — банда Демагога совершила мр-р-р-рачнейшее преступление: она похитила из собственной постели архитектурскую кошку Марысю.

По рядам собравшихся покатился возмущенный ропот. Неслыханно!.. Ужасно!.. Похитить животное из собственной постели!..

— Клевета! — возмутился Демагог. — Не мог я... Мы с Марысей... — засмутившись, Демагог сбился с мысли, замялся. Очень уж не хотелось ему объясняться перед всеми в своих чувствах к любимой кошке.

— Да знаем, знаем, что вы там с ней... Вернее — к ней... — тут же вклинился Гарик. — Ты к Марыське, гадам буду, и Ништяк вот свидетель, давно подкатываешься. Да только без пользы! Она тебя ближе, чем на десять шагов, не подпускала. А нас с Ништяком, между прочим, однажды просила, чтобы мы ее от тебя и твоих друзей, которые ей тоже проходу не дают, защитили. Скажи, Ништяк!

— В натуре! — подтвердил тот без колебаний.

— Слыхали! — обрадовался Гарик так, словно от признания его напарника зависело теперь все. — А еще я своими ушами слышал, что за день до своей пропажи Марыся этого самого Демагога гнала от себя прочь, называя его вором и бандитом.

Гарик обвел комнату взглядом. Собрание слушало, затаив дыхание. Скандал разгорался нешуточный, а в скуке дачной жизни что может быть интереснее крутого скандальчика!

Воодушевленный вниманием публики, Гарик продолжил:

— И тогда этот дешевый фрайер...

— Гарик!.. — укоризненно покачал головой Рваное Ухо. — Выбирай выражения! Ты же в приличном обществе находишься. И дамы здесь... — обернулся он к Алевтине.

Тронутая вниманием «дама» тепло муркнула в ответ.

— И тогда этот нехороший кот, — поспешил исправиться Гарик, — а точнее — ужасный разбойник, сказал, что он ей припомнит, обязательно припомнит, так припомнит, что она потом всю жизнь будет на лекарства работать и умываться горючими слезами. Сейчас совершенно ясно, что Демагог сдержал обещание, и бедная Марыся, запертая в каком-нибудь темном сыром подвале, умирая от холода, голода и одиночества, льет горькие слезы...

Последние слова были сказаны Гариком так прочувствованно, что в зале слышались всхлипывания.

— Я так и думал, так и думал... — пробормотал Минтай.

— Что ты думал? — повернулся к нему Федька.

— Они сами все подстроили, чтобы потом на Демагога и на нас свалить...

ГЛАВА 31. Найти Марысю!

А Демагог молчал. Происходящее казалось ему кошмарным сном. Обиднее всего было то, что кошки так легко поверили в его причастность к похищению, хотя, как ему казалось, еще вчера они ничего подобного даже подумать не могли.

«Изменники! — уязвленный до кончика хвоста, негодовал про себя Демагог и удивлялся: — Глупые слепые животные! Неужели они не замечают, как бессовестно их обманывают, выдавая черное за белое, неужели не понимают, зачем Рваному Уху нужна эта клевета?»

Гарик между тем продолжал свою обличительную речь:

— Я давно присматриваюсь к этому котяре. Снаружи-то он — прямо картинка с кошачьей выставки, зато внутри... О-о-о!.. У него нутро безжалостного кровожадного злодея и вора. За рыбий хвост он готов перегрызть любому глотку. А еще, господа кошки, он — большой любитель дурман-травы. Да, да! Не верите мне — спросите у нюхомана Карбофоса, он скажет — Демагог со своей командой часто приходят к нему за этой травкой, а потом закатывают по ночам дикие концерты, от которых содрогается вся округа.

Демагог покраснел так, что все полоски на его морде слились в одну багровую, что тут скажешь в оправдание? Что всего раз такое было? Но ведь было же!.. И почему же тогда действительно не предположить, что, одурманившись, он и вправду похитил Марысю?..

Нет, никак не предполагал наш герой, из любопытства пробуя у Карбофоса дурман-траву, каким долгим и гулким эхом отзовется эта его любознательность, сколько неприятностей доставит!

— А взгляните, господа кошки, на его корешей, на этих мерзких кошачеподобных! — продолжал распалтаться Гарик. — На того же Минтая, к примеру. Кто у него хозяин? Слесарь Федякин — всем известный пьяница...

— Не трожь Федякина! — взвизгнул оскорбленный Минтай.

— Видали — защищает! — обрадовался Гарик. — А почему? Потому что вместе выпивают. Себе Федякин льет в стакан, а ему в блюде для молока. А закусывают из одной консервной банки. Сам видел.

— Врет он все! Не слушайте его! — стал горячо оправдываться Минтай. — Я эту мерзость — водку — всего-то один раз и попробовал, когда еще котенком был.

— Вот! — торжествующе поднял лапу Гарик. — Сам подтверждает. А чем докажешь, что и после не пробовал? Чем? Ага, ничем! Ты и сейчас пробуешь, я знаю. Каждый вечер. Вместо молока хлещешь. Хвост отдаю на отсечение!

— Да нет же — неправда все это! А Федякин — хороший, хоть и выпивает иногда... — поворачивался Минтай, чуть не плача, то к одной кошке, то к другой. Но над ним лишь посмеивались.

— А этот... как его?.. Пуфик! Вроде бы и кот домашний, а слоняется по чужим участкам, границы нарушает, на грядках валяется.

— Не валяюсь я на грядках. Я под кустиками люблю лежать, — пытался защититься Пуфик, но Гарик на него даже не взглянул. — Или вот еще одна фигура, вполне достойная окружения полосатого профессорского выскочки. Кличка — Кривой Боцман. Нищий на

станции. Отвратительнейшая скотина! Помогает Демагогу, а тот, в свою очередь, учится у него попрошайничать...

— И правильно делает, — прервал его Рваное Ухо. — О своем будущем парень думает. Когда его банде придет конец, начнет вместе с Кривым Боцманом милостыню просить. Я ему тогда непременно кусочек колбаски по доброте души подам. — И по комнате разнесся скрежешущий смех, от которого невольно пробирает мороз.

— Но особое внимание, — продолжал Гарик, — прошу обратить вон на ту парочку, — показал он в сторону Федьки с Муркой. — Откуда они у нас взялись, я не знаю, но в том, что это бродяги и воры, — не сомневаюсь! Мурка ворует у рыбаков на берегу речки рыбу, а ее дружок избивает честных кошек. Не случайно он — правая лапа Демагога, и помогает ему во всех его бандитских делах. Да и вообще он какой-то ненормальный! Где это видано, чтобы кошки купались? А он плавает и ныряет, словно утка. Может, он вовсе и не кошачьей породы?..

— Сам ты неизвестно какой породы! — взвился Федька. — Тоже мне — породистый выискался! Метешь языком, как помелом. Мало тебе, видно, от меня досталось. Сейчас добавлю!..

Федька рванулся к Гарику, но Демагог успел удержать его.

— Я же говорил — хулиган! — невозмутимо сказал Гарик. — Так что, господа кошки, теперь вы сами видите, кто окружает кота Демагога, из кого состоит так называемый кошачий патруль. Разве можно ожидать от них чего-нибудь хорошего! Наверное, не стоило бы обращать на них внимания, но ведь они хотят стать хозяевами поселка и лишить нас свободы. И если такое действительно вдруг случится, то наступят черные дни! Никто тогда не посмеет и носа за калитку высунуть... — взялся пугать Гарик. — Такие, как Демагог, церемониться не станут. Они с Федькой никого не пощадят. Из ваших шкур клочья шерсти по закоулкам полетят...

Гарик продолжал врать и страшать в том же духе, а публика присмирела, затихла, задумалась: вдруг и вправду?..

Неизвестно, что бы еще наплел не на шутку разошедшийся Гарик, если бы не Степан-ветеран.

— Погоди маленько, передохни, — прервал он поток его красноречия, протискиваясь к дивану-сцене. — Дай кому постарше слово сказать. А то трещишь, как сорока, в ушах звенит... Вот ты тут о Димкиных товарищах рассказывал — кто из них какой есть. Складно брехал. Как пес от скуки. Да не всех упомянул. Меня забыл. И напрасно. Я, правда, для команды его староват, но ребятам этим сочувствую и их поддерживаю. А если что — и пособлю как могу. Потому что вижу: дело ребята исполняют достойное. Ну а то, что здесь этот баламут сейчас наплел, надо мимо ушей пропустить и забыть, потому как — вранье все. И какой, спрашивается, из Димки разбойник, похититель, если в нем сердце доброе. Он — вы только подумайте! — даже мышь жалеет. Разве такой на злодейство способен? А вот если бы мне сказали, что Марыську ты, — ткнул Степан-ветеран лапой в грудь Гарику, — или дружок твой разноцветный умыкнули, я бы сразу поверил...

— Но-но, ты нас лучше не трогай, — с угрозой сказал Гарик. — А то как бы жалеть потом не пришлось.

— А ты меня не пугай, молокосос! — огрызнулся Степан-ветеран. — Пуганый. Против целой стаи крыс один не боялся выходить. И котяр покруче тебя видел. Года у меня нонче, конечно, не те, но и я теперь не один: патруль, если что, поможет. А, Дима?

— Конечно! — обрадовался поддержке Демагог и повеселел. Зато пришел черед слушаться Гарику с Ништяком. Они растерянно обернулись к Рваному Уху.

Смело глянул в его злобно горящие желтые глаза и Степан-ветеран и продолжил:

— Так что никакой Димка не бандит, не разбойник, не похититель. А вот от вас с вашим паханом можно ожидать любой пакости и подлости. Знаю, видел, как вы из наших кошек дань выколачивали. А этих... — Степан-ветеран пренебрежительно махнул в

сторону Калькулятора с Алевтиной, — этих вы подкупили. На ваших подачках живут, вам и подпевают.

— Прошу не забываться! — возвысил голос Калькулятор. — Я — лицо официальное!

— Да уж, о том каждый муравей на наших дачах знает, — усмехнулся кот. — Удивляюсь только, почему все здесь такие молчаливые-терпеливые? Их грабят — молчат, бьют — молчат. Хотя знаю — почему. Вольного духа внутри себя не хватает. А Димку уже за одно то надо уважать, что он и в себе самом дух этот сумел почувствовать, и в вас его старается разбудить.

Сначала едва заметное, потом все более явное смятение пошло по рядам кошек. Старика хорошо знали, уважали, и то, что он открыто встал на сторону Демагога, кое-что значило. К тому же, как бы там ни было, большинству присутствующих Демагог был симпатичен. И зла от него никто никогда не видел, как ни пытался убедить в обратном Гарик, от которого, наоборот, многие натерпелись. Зато — что верно, то верно — Демагог первым отважился нарушить воровской Порядок Рваного Уха...

Состояние трусоватого выжидания, владевшее до сих пор большинством кошек, поколебалось.

Рваное Ухо, мгновенно уловив это, постарался немедленно взять инициативу на себя.

— Вольный дух... Подкупы... Слова. А то, что кошка Марыся бесследно исчезла, — факт. Гарик был свидетелем ссоры Марыси с Демагогом, слышал в ее адрес угрозы. Это тоже факт. Марыся просила наших доблестных дружинников защитить ее от Демагога...

— Но почему мы должны верить во все это со слов таких проходимцев, как твои Гарик и Ништяк? — возразил Степан-ветеран. — Они сами большое подозрение вызывают. Может, они кошку похитили?

— Да зачем она нам нужна? — заволновался Гарик. — Разве что выкуп взять... Но кто-нибудь слышал, что за Марысю требуют выкуп? Слышал кто-нибудь про выкуп, а?

Нет, никто ничего подобного не слышал. И это казалось особенно странным. Настолько странным, что даже Степан-ветеран заколебался.

— Стало быть, — поспешил воспользоваться возникшим замешательством Рваное Ухо, — ответить на вопрос, виновен или нет Демагог в похищении Марыси, мы сможем только тогда, когда увидим нашу красавицу в ближайшее время возле ее дома живой и невредимой. Пусть она сама подтвердит или опровергнет наши сомнения.

— Хорошо, — согласился Демагог.

— Зачем ты принимаешь его условия? — испуганно зашептал Минтай.

— Все равно я должен ее найти, и я найду, — твердо сказал Демагог.

— Ты настоящий мужчина! — пылко одобрила Мурка и одарила Демагога восхищенной улыбкой.

— Вот и прекрасно! — просиял Рваное Ухо и повернулся к Калькулятору. — Так и порешим: если завтра к этому же времени мы не увидим кошку Марысю возле ее дачи, то будем считать Демагога и его команду виновными в похищении со всеми вытекающими отсюда последствиями, и тогда их будет ждать суровое наказание за это тяжкое преступление.

— Именно так! — с готовностью поддакнул Калькулятор и важно объявил: — Господа кошки, на этом Большой кошачий сбор считаю закрытым. Встретимся завтра на Большой Поляне.

ГЛАВА 32. Друзья познаются в беде

Спал в эту ночь Демагог плохо и вскочил чуть свет. Но, выглянув в окошко, выходящее на улицу Счастливую, удивился и обрадовался: внизу, возле кучи песка, его уже поджидали друзья. И были здесь сегодня не только Федька с Муркой и Минтаем — неизменные члены кошачьего патруля. Рядом с ними Демагог увидел сонно позевывавшего Пуфика, Степана-ветерана, Кривого Боцмана и даже хмурого, как никогда, Карбофоса.

А ведь накануне они о встрече не договаривались. Все были настолько удручены случившимся на Большом Сборе, что разбрелись по домам в тягостном молчании. Только Степан-ветеран, забыв про единственную в их компании особу женского пола, ободряюще сказал: «Ничего, мужики-кошки, прорвемся!».

К счастью, окно на ночь оставили открытым, и Демагог без помех выпрыгнул со второго этажа на кучу песка под ним. Делал он это теперь запросто: легко и безбоязненно.

— Я думал, что вы еще спите, — сконфуженно сказал он, приземлившись.

— Это ты дрыхнешь, будто мышами объелся, — проворчал Степан-ветеран, а Мурка ласково сказала:

— Димочка, — мы пришли помочь найти тебе Марысю.

— Да, — подтвердил Минтай. — Мы все твои друзья, а друзья в трудную минуту должны помогать друг другу и быть вместе.

— Спасибо большое, ребята! — Демагог был растроган.

Вот только появление в их компании Карбофоса, которого он ни к врагам своим, ни к друзьям не относил, показалось ему довольно странным.

Заметив обращенный на него недоуменный взгляд Демагога, Карбофос поспешил объяснить свое присутствие. Во-первых, ему тоже очень жалко пропавшую Марысю и хотелось бы помочь ее найти, а во-вторых... Карбофос замялся, тяжело вздохнул и, наконец, отважившись, признался, что чувствует себя страшно виноватым.

И он рассказал, как приходил к нему дня два назад — как раз, получается, перед похищением Марыси — Гарик и попросил чего-нибудь такого, чтобы, нюхнув, можно было бы сразу отключиться и уснуть. Объяснил, что его замучила бессонница. Карбофос просьбе не особенно удивился. Бандиты время от времени к нему захаживали. Нашел он и на сей раз для них нужную жидкость. Стоило ей смочить тряпицу или ватку и поднести к носу, как сон сразу же валил с ног.

Флакон с этой жидкостью Карбофос стянул однажды на одной из дач садоводческого кооператива медиков. Зачем владельцам дачи нужна была эта штука, Карбофос, само собой, понятия не имел (может, использовали вместо снотворного), но он решил, что ему она нужнее.

Хлороформ (а именно так называлась жидкость, которую раздобыл кот-нюхоман) — объясним тем, кто не знает, — применяют для наркоза при операциях: пациент погружается в глубокий сон и не чувствует боли.

Самому Карбофосу хлороформ не понравился. Проваливаешься, словно в яму, и никаких ощущений, только голова трещит, когда проснешься. Но выбрасывать жидкость он не стал — вдруг пригодится...

Пригодилась... Но с какой ужасной целью!

Правда, о том, зачем на самом деле понадобился Гарику хлороформ, Карбофос догадался позже, когда узнал о похищении Марыси.

Без шума выкрасть чутко спящую кошку можно, пожалуй, только усыпив ее. И хлороформ пригодился бы тут как нельзя лучше.

— Да-а-а... — протянул Федька.

— Так что же ты ничего об этом на Большом сборе не рассказал? — набросился на Карбофоса Минтай.

— Побоялся, — честно признался Карбофос.

— Гарика испугался? — сказал Демагог.

— Не только. Больше боялся, что никто мне не поверит. Я же ведь своими глазами ничего не видел, а только догадывался... Нет, не поверили бы! — уже уверенно повторил Карбофос. — Демагогу и то... А уж мне и подавно!.. Я ведь дефективный... нюхоман... Все домашние кошки от меня, как от заразного, шарахаются. Водиться со мной не хотят. Вы вот одни...

— И рэкетеры, — не без ехидства напомнил Минтай.

— Да им дурман-трава нужна, а не я, — попытался оправдаться нюхоман, виновато опуская голову.

— Ладно, не переживай, — сжалился над ним Демагог. — Оставайся с нами, если хочешь. Но с условием, что, когда придет время, ты расскажешь всем всю правду.

— Конечно! — повеселел Карбофос.

Для поисков Марыси решили разбиться на пары и обследовать все укромные уголки дачного поселка. У каждой кошки обязательно есть на примете несколько таких уголков.

Мурка с Федькой побежали к Ине, Минтай с Пуфиком остались осматривать соседние со Счастливой улицы и берег Мосихи, а Демагог со Степаном-ветераном отправились на окраину, в район Фруктовой аллеи.

— Ты, Димка, не дрейфь, и бандюгу этого, Рваного Уха, не бойся. Ты не один. С тобой, видишь, друзья. Команда! У нас на фабрике, помню, тоже хорошая команда была. Ребята — на подбор! Сейчас-то постарели, а кого и в живых нет, а тогда... Ох, и давали же мы жару кошкам с Нахаловки!

— Да я и не боюсь. Мне бы только Марысю найти...

— Найдем, обязательно найдем! — пообещал старый кот с такой уверенностью, как будто совершенно точно знал, где находится пропавшая кошка.

ГЛАВА 33. Жертва похищения

Очнувшись, Марыся долго не могла понять, где она. Темно, хотя чутье подсказывало, что давно уже утро. И лежала она почему-то не на своей удобной постельке-подстилочке, а на какой-то старой грязной тряпке, из-под которой тянуло сыростью и холодом.

Марыся вскочила, но вместо знакомой балконной двери напротив увидела отвесную земляную стену. Кошка осмотрелась и обнаружила, что точно такие же стены обступают ее со всех сторон. Место это совсем не походило на ее уютную мансарду с видом на большую поляну. Сидела она в какой-то глубокой яме, сверху покрытой замшелыми жердями, напоминавшей скорее заброшенный погреб.

Как она попала сюда?

Накануне, расставшись с Димой, как всегда, поздно ночью она вернулась домой и, свернувшись калачиком на постельке-подстилке, быстро уснула под легкое похрапывание хозяйки. Но тогда почему она проснулась вдруг здесь, в совершенно незнакомом ей месте?

Странная история...

Отчего-то болела голова, хотя вчера вечером Марыся чувствовала себя прекрасно, сохло во рту, а тело словно кто покалывал множеством острых иголок.

А что, интересно, там, наверху?

Одна из жердин, сильно подгнив, обрушилась, и теперь один ее конец болтался на высоте кошачьего прыжка. Если постараться, можно взобраться до самого верха. Что Марыся тут же и попыталась сделать.

Она подпрыгнула, уцепилась передними лапами за свисающий край жерди.

Деревяшка резко закрипела, вызывая жутковатый холодок в груди, качнулась вперед, назад...

Вцепившись в нее когтями, Марыся со страхом ждала, что вот-вот оборвется и шмякнется на землю. Но жердина, удерживаемая наверху старыми гвоздями, не оборвалась, и вскоре перестала качаться.

Ободренная успехом, кошка подтянулась, обхватила жердь лапами и стала проворно карабкаться вверх. И чем выше она поднималась, тем становилось светлее. Наконец Марыся достигла проема, который заполняла когда-то прогнившая жердина.

Марыся высунулась наружу.

Ничего, кроме густых зарослей лопухов и репейника да дремавшего в двух шагах от нее на солнышке Свистка, кошка разглядеть не успела.

Послышались голоса. Свисток встрепнулся, и Марысе ничего не оставалось делать, как спрятаться.

Голоса приближались, и чем ближе они становились, тем знакомее. Ну, конечно же, это они: неразлучная парочка — Гарик и Ништяк. Был с ними и кто-то третий, но его Марыся не знала.

На всякий случай кошка поспешила вернуться на дно ямы.

— Как там наша кисуля? — услышала она сначала голос Гарика, а потом и увидела его самого.

Опустив голову в проем между жердями, он щурился, привыкая к темноте. Наконец разглядел съезжившуюся в уголке Марысю.

— Привет, моя кисонька! — фальшиво-ласково поздоровался он. — Как спалось, лапулечка?

— Где я и почему я здесь? — не отвечая на его приветствие, сердито спросила Марыся.

— Ах, сколько сразу ненужных вопросов! Ты, моя кисонька, в надежном месте. А находишься тут потому, что мы с Ништяком спасли тебя от негодяя Демагога, который грозился тебя украсть и вернуть хозяевам за огромный выкуп.

— Неправда! — возмутилась Марыся. — У Димы и в мыслях такого быть не может!

— Это почему же? — насмешливо поинтересовался Гарик.

— Потому что он самый красивый, умный, добрый и воспитанный. Он в сто раз лучше вас с Ништяком — противных хулиганов! — выпалила Марыся.

— Ах, так! — оскорбился Гарик. — Тогда сиди здесь, пока не сдохнешь! А мы с профессорской грелкой еще посчитаемся... Жизни рад не будет. И вообще можешь о нем забыть. Больше ты его никогда не увидишь.

Черная морда Гарика исчезла из проема.

— Глаз с нее не спускать! — услышала Марыся вслед за этим. — А чтоб надежнее и веселее было, вот тебе, Свисток, напарник. Будете с Бабаем вместе ее караулить.

— А, говорят, лихо вы с этой кошечкой дельце-то провернули, — весело сказал тот, кого называли Бабаем. — Почти как в кино.

— Даже лучше! — самодовольно возразил Гарик. — У нас тихо все было, шито-крыто. Даже собака гавкнуть не успела. — И Гарик, понизив голос, стал рассказывать подробности похищения.

Заинтригованная Марыся снова взобралась вверх по жердине. Затаив дыхание, она слушала хвастливые откровения Гарика, и только теперь ей стало ясно, как очутилась она в этой яме.

Но зачем понадобилось ее похищать? Ах, вот оно что — выкуп! И не Дима, а Гарик со своей шайкой хотят взять за нее выкуп.

«Ой, как интересно!.. Совсем, как в фильмах, которые так любит смотреть по видеку сын хозяйки, — подумала Марыся и тут же пристыдила себя: — Ай-яй-яй! Меня, наверное, везде ищут, волнуются, а я радуюсь, что похитили. Сообрази-ка лучше, как убежать отсюда!» — велела она себе.

Марыся подняла голову и увидела, что в проем свисают два кошачьих хвоста. Хвосты неторопливо, мерно и в такт раскачивались то вправо, то влево. Значит,

владельцы их вели между собой задушевную беседу, а заодно надежно прикрывали своими задами единственный выход из подземелья.

Со злости Марысе захотелось изо всей силы дернуть за эти хвосты, но, во-первых, она уже успела спуститься на дно, а во-вторых, она вдруг подумала, что раз ее ищут, значит, рано или поздно найдут, поэтому надо потерпеть, подождать. И как-то сразу успокоилась.

Марыся брезгливо пошевелила лапкой грязную тряпку, на которой очнулась некоторое время назад, но ничего другого на дне сырой ямы постелено не было, и, вздохнув, кошка осторожно прилегла на нее, чтобы ждать своего освобождения.

Незаметно она уснула. Сначала снился ей красавец Дима — пушистый хвост трубой. От него улепетывал во все лопатки Гарик. Потом она увидела своих хозяев. Архитектор протягивал Гарику и Ништяку шуршащие цветные бумажки, похожие на конфетные фантики, и Гарик, слюнявя лапу, важно их пересчитывал. «Выкуп!» — догадалась Марыся и проснулась.

Все та же темная сырая яма, и никого вокруг. Кажется, что уже целую вечность она тут, но спасти ее почему-то никто не спешит.

Очень хотелось есть и пить. Но если с водой проблему кошка довольно быстро решила (грунтовая влага проступала из-под земли и образовывала в углу небольшую лужицу), то с пищей...

Дома ее кормили утром и вечером. Клянчить же куски между завтраком и ужином в архитекторской семье считалось дурным тоном.

Однако какое сейчас время суток — утро или вечер, завтрак или ужин? Наверное, давно все сроки прошли, но никто и не подумал ее покормить. От голода и от чего-то еще непонятного кружилась голова.

Переборов гордость, Марыся крикнула вверх своим сторожам:

— Эй, вы! Я есть хочу! Почему вы морите меня голодом?

Тотчас же в проем свесились две кошачьи головы. Они переглянулись, и голова Бабая спросила голову Свистка:

— А че ее и правда не кормят, а?

— Забыли, наверное.

— Так я сбегая, напомню, — с готовностью предложил Бабай.

— Нет, лучше я, — не согласился Свисток, которому надоело торчать здесь весь день.

Они заспорили, и неизвестно, чем бы закончилась их перепалка, не появившись у порога вернувшиеся Гарик и Ништяк.

Утверждая, что о Марысе забыли, Свисток был не прав. О пленнице — главном тепере их козыре в борьбе с кошачьим патрулем — бандиты забыть не могли. Более того, Рваное Ухо велел пленницу не только стеречь, но и беречь. Расщедрившись, он даже выделил ей на обед из своих запасов кое-что вкусненькое. Широкий этот жест обычно очень скупого пахана вызвал в Гарике ревнивую обиду и заставил еще больше обозлиться на строптивую красавицу, отказавшую ему в сердечном расположении. И, пожалуй, впервые Гарик посмел ослушаться своего рыжего главаря. Решив самолично наказать пленницу, он оставил ее без обеда. Львиную долю его Гарик и Ништяк умяли сами, а остатки — полужасохший кусочек колбаски и еще более заморенный хвост рыбешки — пожаловали Марысе уже на закате. Да и эти скудные остатки она получила не сразу. Прежде неразлучная парочка вволю над ней покуражилась.

— Я тебя научу свободе любить! — грозно пообещал на прощание Гарик. — Голодная на сырой земле посидишь — сама ко мне приползешь.

— Не дождешься! — огрызнулась Марыся и демонстративно принялась грызть рыбий хвост.

Гарик и Ништяк отправились на Большой сбор, о событиях которого мы уже знаем, а Свисток с Бабаем, от скуки и чтобы разогнать сон, затянули протяжную кошачью песню,

больше напоминавшую голодный душераздирающий вой. Слушая их, Марыся ежилась в тоске на старой грязной тряпке, брошенной на дно сырой ямы.

ГЛАВА 34. Лорд берет след

В поисках Марыси команда Демагога обследовала все знакомые укромные местечки. Нигде ее не было.

— И где теперь искать? — сокрушенно сказал Демагог, когда они к полудню вновь собрались возле его дачи, и с надеждой посмотрел на Степана-ветерана, вспомнив его утреннюю уверенность.

— Может быть, она там, где мы ее вовсе не ожидаем увидеть? — сказал Кривой Боцман. И пояснил свою мысль: — Что если Рваное Ухо держит ее у себя дома?

— Да ну? — засомневался Минтай. — Зачем ему навлекать на себя подозрения?

— Надеется, что мы не догадаемся. Или же, наоборот, заманивает нас в ловушку.

— Не исключено, — сказал Демагог. — Только как проверить? Не самого же его об этом спрашивать!

— Ты, Дима, забываешь, что у нас в команде есть разведчики, — напомнила Мурка. — Мы и проверим.

Мурка с Минтаем отправились в разведку, а остальные снова разбрелись по дачному поселку еще и еще раз все как следует осмотреть.

Несколько раз попадались на их пути коты из банды Рваного Уха. Они бросали на своих противников подозрительные и в то же время растеряннo-вопрошающие взгляды, будто надеялись узнать, нашли те или нет Марысю, и озабоченно спешили дальше.

— Какие-то они сегодня не в себе, будто что потеряли, — заметил Кривой Боцман.

— Похоже, что-то у них произошло, — согласился Степан-ветеран, обшаривавший с побирuшкой закоулки возле вагона-магазина.

Поиски и на этот раз ничего не дали.

Вернулись разведчики. Проявив чудеса смекалки, находчивости и хитрости, обманув бдительную охрану, они проникли в резиденцию Рваного Уха и, пока тот смотрел послеобеденные сны, обшарили весь дом и подвал. Никаких следов Марыси обнаружено не было.

— Эх, и почему я не собака! — вздохнул Минтай.

— Тебе что — котом быть надоело? — спросил Федька.

— Да нет... Только будь у меня собачье чутье, я пошел бы по следу Марыси и нашел ее.

Невдалеке послышался лай Лорда.

— Пошел бы по следу... — задумчиво повторил Демагог. — По следу... А что если...

К ним приближался вышедший на прогулку Лорд.

Завидев его, кошки бросились врассыпную. Один Демагог остался на месте, поджидая приятеля.

— Привет, Демагог! — протянул ему дог лапу.

— Рад вас видеть, Лорд! — пожал ее Демагог.

— Что такой невеселый? Что-то случилось?

— Неприятности у меня... у нас. Серьезные.

— Вот как! Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Вот об этом я и хотел бы вас попросить...

Демагог рассказал Лорду о похищении Марыси, о том, как оклеветали его с друзьями бандиты, и что теперь надо обязательно найти пропавшую кошку.

— С рассвета ищем, и все без толку, — посетовал Демагог. — Здесь, наверное, без собачьего чутья не обойтись. Вот я и спрашиваю: не могли бы вы, дорогой Лорд, нам

помочь? Ведь собаки способны найти по запаху что угодно и кого угодно.

— Это так, — согласился дог. — Но... — замялся он. — Как-то, знаешь ли, не принято собакам помогать кошкам. Кошка с собакой — сам понимаешь... Не нами с тобой придумано...

— Понимаю, — понурился Демагог. — Жалко. Самим нам, боюсь, Марысю не найти. Значит, так и будут все на меня смотреть, как на злодея-похитителя. Да и Марыся, бедная, из-за меня страдает...

У Демагога в глазах стояли слезы. Он повернулся и побрел прочь. Дог в смятении смотрел ему вслед.

— Подожди, — остановил он кота. — Давай обсудим. — Видя, как мирно беседует с огромным псом их командир, стали подходить и друзья Демагога.

— Для того чтобы взять след, — объяснял кошкам дог, — я должен изучить запах того, кого стану искать. Дайте мне какой-нибудь предмет, на котором сохранился запах Марыси.

— Но у нас ничего нет, — сказал Демагог.

— Я придумала! — воскликнула Мурка. — Подождите меня здесь.

...Когда жена архитектора поднялась в мансарду, чтобы прибраться, она застала следующую картину: незнакомая кошка потрошила Марысину постельку.

— Ах ты, негодница! Ты что это себе позволяешь?! — закричала хозяйка и замахнулась на непрошеную гостью веником.

Но кошка оказалась проворнее: с узкой полоской материи в зубах, вырванной из подстилки, она прошмыгнула мимо женщины.

— Вот, — положила довольная Мурка к ногам Лорда клочок материи. — На ней Марыся спала.

Дог принялся внюхиваться в тряпицу. Потом поводитил вокруг головой, втягивая носом воздух, пригнул голову и побежал в сторону резного архитектурского теремка.

— Запах исходит отсюда, — сказал пес, добежав до Марысиной дачи.

— Правильно. Здесь она жила, — заметил Минтай.

Лорд снова понюхал тряпицу и забегал вдоль забора.

А в ограде архитектурской дачи заходилась истошным лаем беленькая дворняжка. Она не знала, как поступить. С одной стороны, разве можно терпеть рядом присутствие чуть ли не десятка чужих кошек, но с другой... С ними красавец-дого, с которым наверняка мечтает познакомиться каждая собачья особа... И у дворняжки от возбуждения и волнения перехватывало дыхание, срывался голос, а хвост сам собой начинал трепыхаться, как сухой листок на резком осеннем ветру.

Наконец Лорд определил направление и побежал сначала вдоль дачных заборов, потом пересек Большую Поляну и оказался возле водонапорной башни, с помощью которой вода подавалась в огороды.

Здесь Лорд задержался подольше, обнюхивая одну из железных стоек. Что-то уяснив для себя, он резво припустил по дороге, ведущей через поле клевера и люцерны. Где-то там, вдали, проселок этот вливался в асфальтовую гладь шоссе, которое ни днем, ни ночью не умолкало от гула машин.

Но к шоссе Лорд не побежал. По пути он свернул на едва заметную, поросшую мелкой травкой тропку, которая пробивалась через густые заросли похожего на кустарник чертополоха.

Кошки не отставали. Со стороны, наверное, это было весьма необычное зрелище: впереди огромный светло-коричневый дог, чуть сзади — тоже громадный, по кошачьим меркам, редкостного вида кот, следом за которым — целая вереница разномастных кошек.

Бежать пришлось довольно долго. Но вот плотные стены чертополоха по обе стороны тропы поредели, а сама тропа растворилась среди поляны, изрытой глубокими ямами, откуда торчали полусгнившие доски, жерди, железяки.

«Старые погреба», — догадался дачный старожил Минтай. Он слышал о них. Когда-то здесь была деревушка, от нее сейчас остались лишь вот эти обвалившиеся ямы. Место пользовалось дурной славой, и кошки забредали сюда очень редко.

Возле одной из ям, сохранившейся лучше других и покрытой жердями, Лорд остановился и сказал:

— Судя по всему — здесь.

Кошки обступили яму. Мурка заглянула в проем и позвала:

— Марыся!

Яма хранила молчание.

Кошки по очереди заглядывали в черноту погреба и кричали на разные голоса: «Мары-ся! Марыся-а-а!..».

Ни ответа, ни отзвука...

— Похоже, ее там нет, — наконец сделал вывод Степан-ветеран.

— Как же так? — расстроился Демагог и вопрошающе посмотрел на Лорда.

— Ничего не понимаю! — сконфуженно пробормотал дог. — След ведет именно сюда. — Я не мог ошибиться! У меня в школе собаководства были одни пятерки!..

ГЛАВА 35. Побег

Под утро Свисток с Бабаем угомонились. Сон все-таки сморил их.

Но Марыся так и не сомкнула глаз. Ей было страшно, тоскливо, одиноко. Никто не шел ее спасать, не спешил на помощь, и кошке стало казаться, что она не выберется отсюда никогда. Такой, всеми покинутой и несчастной, Марыся не чувствовала себя ни разу. И она тихонечко заплакала.

Впрочем, слезы Марыся лила недолго. «Хватит нюни распускать!» — сказала она сама себе. — Лучше подумай, как отсюда удрать?» И Марыся стала думать. Думала она тоже недолго. Путь вверх ей был уже знаком. Оставалось действовать. Только осторожно. Чтобы не разбудить сторожей.

— Свисток! Бабай!.. — на всякий случай негромко позвала она, проверяя, крепко ли спят коты.

Никто не отозвался. И Марыся решилась.

Подпрыгнув, она ухватилась лапами за жердину и стала взбираться. Едва Марыся добралась до середины, жердь предательски закричала, и кошка испуганно замерла. Но тревога оказалась напрасной — даже не шелохнулись сторожа, и пленница продолжила путь.

Марыся добралась уже почти до самого верха, как вдруг раздался сильный треск, и кошка почувствовала, что жердина вот-вот оборвется. Через пару мгновений она и в самом деле рухнула вниз, но Марыся успела вцепиться когтями в соседние жерди, и теперь висела подобно мухе на потолке. Положение было, конечно, не самое удобное, но выбирать не приходилось.

— Что случилось? — раздался над ее головой сонный голос Бабая.

Тут же в проеме показалась кошачья лапа, наткнулась на оголившиеся шляпки старых ржавых гвоздей, и теперь уже голос Свистка ответил:

— Гнилая жердина оторвалась, в яму упала.

— Пленницу не зашибло?

— Заорала б...

— И то верно, — подавляя зевоту, согласился Бабай.

Послышалась легкая возня, кряхтение. Коты мостились поудобнее досматривать прерванные сны. И опять глубокая тишина предутреннего часа. Можно было выбираться из подземелья.

Но сейчас это оказалось непростым делом. Кошки — не мухи, ходить по потолкам не умеют. Марыся чуть не сорвалась в яму, и ей пришлось приложить немало усилий, прежде чем она оказалась на свежем воздухе.

По пути Марыся нечаянно задела Бабая и замерла в испуге. Однако и на сей раз обошлось: кот что-то сонно пробормотал и затих.

Марыся огляделась, соображая, куда ей теперь податься. Место совершенно незнакомое. О существовании тропинки, соединявшей эту поляну с проселочной дорогой, она, конечно, даже и не подозревала, а потому пошла, куда глаза глядят. А глаза ее смотрели сейчас на восток. Там было светлее, там занимался рассвет и начинался новый день.

Марыся, пока ее не хватились, спешила изо всех сил и шла, не разбирая дороги. Ей попалось еще несколько похожих на недавнюю ее темницу ям, в одну из которых она в спешке чуть даже не угодила, возле другой увидела здорового серого червяка, который совсем по-кошачьи при ее виде зашипел и, извиваясь, уполз в траву.

Противное место с ямами-ловушками и огромными шипящими червяками вскоре кончилось, но легче не стало: пошел густой чертополох, колючки которого при каждом шаге больно впивались кошке в бока и подушечки пальцев. Марыся ободралась и в кровь расцарапала лапы. Она плакала от боли, но не останавливалась, продираясь все дальше и дальше.

Но все когда-то кончается. Остался позади и чертополох, уступив место сочной зелени и громадным, уходящим макушками высоко в небо, березам. Начинался лес...

В лес Марыся попала впервые, а потому ей, любознательной кошке, все здесь было в диковину. Вон рыжая, с пушистым, как у нее самой или у Димы, хвостом белочка блестит бусинками глаз, уцепившись за нижнюю ветку березы. А на пеньке рядом невиданная зверушка с тремя полосками на темной спинке — бурундучок. Вдруг выскочил откуда-то серый ушастый зверь величиной с хорошего кота, напугал Марысю, да больше сам перепугался, ее увидев, и стреканул прочь, петляя по траве. Зайчишка скрылся, следом появилась сильно куда-то спешившая огненно-рыжая собака с вовсе не собачьим хвостом. Марыся немедленно выгнула спину, готовая защищаться, но собака, не обратив на нее никакого внимания, бросилась вдогонку серому ушастому зверю.

А какие здесь были травы! Сочные, вкусные, запашистые! Такие под дачными заборами не встретишь.

Или вот еще одно чудо: разноцветные шляпки на ножках. Правда, грибы Марыся уже видела раньше на краю их огорода, возле навозной кучи все лето толпится веселая стайка белых поганочек. Но эти на них совсем не похожи. У одного — плотная коричневая шляпка на толстой, чуть желтоватой ножке. И сам гриб почти с Марысю ростом. Другой, в палых прошлогодних листьях спрятавшийся, — белый, гладкий, и похож на чайное блюдце с загнутыми краями. У третьего — на высокой мясистой ножке малиновая головка, которая издали кажется лесным фонариком...

Марыся медленно брела по лесу, зачарованно разглядывая все вокруг. Так хорошо, так интересно было здесь, что она на время забыла все свои недавние горести.

Незаметно Марыся дошла до некрутого обрыва, поросшего тальником и черемухой. Внизу журчала речушка, очень похожая на Мосиху. Хотя, может быть, это и была она.

Марыся спустилась к речке, с удовольствием напилась холодной чистой воды, и тут в нескольких шагах от себя, под обрывом, заметила чью-то нору. Любопытная кошка сунула туда свой нос. Нора была пуста. Недолго думая, Марыся забралась в это довольно просторное и удобное углубление, свернула клубочком и тут же провалилась в сон.

ГЛАВА 36. Преследователи и спасатели

Утречком, когда солнце только-только стало выкатываться из-за дачных крыш, Гарик и Ништяк в прекрасном расположении духа после вчерашнего Большого сбора, где они сумели оклеветать, смешать с грязью и, как им показалось, бесповоротно настроить против команды Демагога все кошачье общество, пришли проведать пленницу.

Возле погребка они застали растерянных сторожей.

— Что стряслось? — почувствовал недоброе Гарик.

— М-марыся пропала, — заикаясь, сообщил Свисток.

— Как пропала? Куда подевалась? — выпучил глаза Гарик.

— Н-не знаю, — затрясся от страха Свисток.

— Как это не знаю? Ты, в натуре, сторож или нет? — заорал на практиканта Ништяк.

— А ты, болван, что молчишь? — набросился Гарик на Бабая. — Где пленница?

— Да кто ж ее, заразу, знает? Мы тут перед утром прямо на погребке чуток вздремнули, а она... И как только смогла выбраться, зараза?..

— Проспали! Прошляпили! Глотку перегрызу!.. — выходил из себя Гарик. Шутка ли — главный козырь в их игре исчез! А если с Демагогом встретится? Тогда все пропало! Нет, этого допустить никак нельзя!..

Пока Гарик давал волю гневу, насылая на незадачливых сторожей угрозы и проклятья, Ништяк «пришивал слова к делу», то есть приводил угрозы в исполнение. Сначала отвесил хорошую затрещину Свистку, потом заехал по морде Бабаю.

Бабай понимал, что виноват, но терпеть, как какой-нибудь молокосос Свисток, лапоприкладство от равного себе рэкетира намерен не был, а потому Ништяк немедленно получил сдачи.

Коты с воем сцепились, но успевший к этому времени немного остыть Гарик решительно пресек потасовку.

— Успеете еще друг другу морды поцарапать, — сердито сказал он. — Не до того сейчас. Кошку надо искать. Иначе нам всем труба!

— Да мы и в погребке, и вокруг все на сто раз обшарили, — стал оправдываться Бабай.

— Н-да... — обшарил Гарик взглядом плотную стену чертополоха вокруг поляны. — Скорее всего, она побежала домой. А к дачам здесь один выход — по тропинке, — рассудил он и скомандовал: — За мной!

Возвратившись на Большую Поляну, бандиты услышали голоса Марысиных хозяев, продолжавших искать свою ненаглядную киску. А это значило, что дома она не появлялась. Надеявшиеся на обратное, рэкетеры приуныли. Да и как иначе, если вдруг растеряли все свое преимущество и оказались с Демагогом в равном положении, и теперь, получается, выигрывает тот, кто быстрее найдет беглянку.

Вот что скрывалось за теми тревожно-вопрошающими взглядами, которые ловили на себе члены кошачьего патруля, время от времени пересекаясь с бандитами.

— Она была здесь. Это совершенно точно! — уверенно заявил Лорд, еще раз обнюхав все вокруг погребка. — Я хорошо различаю ее запах. Правда, здесь есть и другие кошачьи запахи, но не такие — резкие, грубые. А этот... тонкий... Пахнет чистоплотным ухоженным животным, — вслух размышлял дог.

— Тогда куда она в таком случае делась? — спросил Демагог.

— Наверное, рэкетеры увели ее в другое место, — предположил Степан-ветеран.

— Сейчас проверим, — отозвался пес и закружил между погребками. Но вот он сунул морду в слегка примятый чертополох и полез в колючие заросли. На миг приостановился, обернулся и обрадованно сказал:

— Кажется, я снова напал на след. Он ведет туда, — махнул лапой пес в травяные дебри.

Кошки немедленно двинулись за следопытом.

Лорд прокладывал дорогу, но идти все равно было нелегко. Особенно страдал Пуфик.

— Колючки! Я весь исколот ими! — хныкал он.
— Мы тоже не по воздуху летим, — ответил на это Федька.
— Вам — что... Вы привычные, а у меня тело нежное, мягкое...
— А каково было Марысе? — напомнил Демагог, и Пуфик пристыженно замолк.
Наконец чертополох остался позади и начался лес.

Лорд закружил между деревьев, обнюхивая стволы, пеньки, муравейники, цветы и даже грибы. Вот он вышел к речному обрыву и остановился.

— Где-то тут, совсем рядом, — сказал он.
— Давайте позовем ее, — предложил Пуфик. И все закричали:
«Марыся! Марыся-а-а!..»

...Сквозь сон Марысе почудилось, что кто-то настойчиво зовет ее. Она открыла глаза и впрямь услышала свое имя, которое эхо разносило по лесу. Марыся выбралась из укрытия и в нескольких шагах от себя увидела большую светло-коричневую собаку, показавшуюся ей очень знакомой. Ну да, конечно! На нее внимательно смотрел тот самый дог, что живет по соседству с Димой. Сердце кошки радостно забилося...

Лорд тоже узнал ее и призывно залаял: здесь она, здесь! Со всех ног бежали к Марысе кошки: Минтай, Федька, Мурка, Кривой Боцман, Карбофос, Пуфик, Степан-ветеран и, конечно же, ее дорогой Дима!.. Они нашли ее! Она спасена! Ах, как хорошо все-таки, когда есть настоящие друзья!

ГЛАВА 37. Новый пленник старого погреба

— Надо спешить на Большую Поляну, — напомнил Степан-ветеран, когда первая радость от встречи улеглась и Марыся рассказала о том, что с нею произошло.

Кошки с Лордом впереди отправились в обратный путь. Дог вел всех по собственному следу, поэтому снова пришлось преодолевать заросли чертополоха. Но теперь по проторенному пути идти было значительно легче. Даже Пуфик не хныкал. И скоро они достигли старых погребов.

Вдруг откуда-то из-под земли донеслось жалобное кошачье мяуканье.

— Кажись, мявкает кто-то, — наострил уши Степан-ветеран.

Все прислушались. Из ближайшей ямы кто-то действительно подавал голос.

Марыся сразу узнала эту яму. Именно в ней кошке пришлось просидеть две ночи и день. Вот и знакомый проем. Но кого занесло туда на этот раз?

— Ребята, вытащите меня отсюда! Я сам не могу вылезти! — умолял голос в яме.

— Это Свисток, — узнала его Марыся. — Свисток! — позвала она. — Ты как сюда попал?

— Марыся, помоги! Я все расскажу, только помоги!..

— Но как его вытащить? — почесал лапой в затылке Минтай.

— Надо найти длинную палку и опустить в яму. Он по ней и выберется, — подсказала наученная горьким опытом Марыся. Лорд приволок в зубах длинную черемуховую ветку и опустил ее в проем.

— Лезь! — крикнул Свистку Демагог.

Сначала в яме послышалась какая-то возня, потом вскрик и следом плачущий голос пленника:

— Не получается, у меня правая передняя лапа болит и совсем меня не слушается.

— Тогда сделаем так, — решил Лорд. — Пусть покрепче вцепится в палку, а мы его вместе с ней попробуем вытянуть.

Лорд ухватился зубами за торчащий из ямы конец ветки и, пятясь, стал тянуть ее на себя. Но даже для такой большой и сильной собаки это оказалось очень непростым делом.

Кошки бросились помогать догу и вскоре общими усилиями извлекли Свистка на поверхность.

Жалкий, перепуганный, он некоторое время ничего не мог сказать, а лишь дрожал. Наконец обрел дар речи и заговорил. А случилось с ним вот что...

Солнце поднималось все выше, а надежд найти Марысю у рэкетиров оставалось все меньше. Когда же солнце стало клониться к закату, надежды и вовсе растаяли. Утешало одно: судя по всему, у команды Демагога дела тоже шли не блестяще. Правда, утешение было слабое. Ведь о пропаже Марыси пока ничего не знал Рваное Ухо. И бандиты с замиранием сердца думали о той минуте, когда ему станет известно о случившемся.

Но не зря Гарик считался в банде самым хитрым и сообразительным (после Рваного Уха, разумеется). Пока Бабай, Ништяк и Свисток заранее умирали от страха, в его голове созревал план...

Гарик отозвал в сторону Бабая и стал что-то шептать ему. Тот молчаливо кивнул и позвал:

— Эй, практикант, пошли! Еще раз погреба осмотрим, — пояснил он уже на ходу.

Гарик с Ништяком поспешили к своему предводителю. По дороге Гарик посвятил напарника в свой план. Был он невероятно прост и нахален: о случившемся пахану ни гугу, и даже, наоборот, заверить Рваное Ухо, что с Марысей все хорошо.

— А если захочет проверить? — хмуро возразил Ништяк.

Но хитрый Гарик предусмотрел и такой поворот, в связи с чем Бабаю и были даны соответствующие распоряжения.

— Ты, главное, вовремя поддакивай, наставлял товарища Гарик. — И все будет в порядке.

— А вдруг Демагог Марысю найдет?

— Тогда придется сделать все, чтобы на Большую Поляну она не попала, — сказал Гарик и тут же поспешил успокоить: — Только я думаю, что дело до этого не дойдет. Ты видел: у них тоже пусто.

Рваное Ухо их уже поджидал. Он хорошо выспался и был в добром расположении духа.

— Ну и как поживает наша прелестная пленница? — поинтересовался он.

— Хнычет, домой просится, — не моргнув глазом, соврал Гарик.

— В натуре! — подтвердил Ништяк. — Надоела со своим нытьем.

— Ах, какая нетерпеливая! — укоризненно покачал головой Рваное Ухо. — Придется красавице потерпеть. Хотя бы до утра. Вот разделаемся сегодня ночью окончательно с ее ухажерами, а там посмотрим... Не исключено, что я захочу сделать ее счастливой... — мечтательно произнес Рваное Ухо, и глаза его замаслились.

— Как это? — насторожился Гарик.

— Очень просто: возьму и женюсь на ней. Чем мы не пара!

От такого заявления своего босса Гарик чуть не лишился чувств, а рыжий бандит довольно расхохотался.

— Ладно-ладно, — успокаивающе сказал он, — я еще подумаю. Но проведать киску все равно не мешает. И побеседовать. Я думаю, мы можем уважить ее просьбу и отпустить пораньше. При условии, если она при всех заявит, что Демагог грозил с ней расправиться. Неплохая идея, а?

Рваное Ухо сладко потянулся и поднялся со своего лежбища. А в это время Свисток с Бабаем подходили к старым погребам.

В своем плане Гарик уготовил бандиту-практиканту роль подсадной утки, а вернее сказать — подставной Марыси. Предстоящую ночь Свисток должен был провести там же, где томилась недавняя пленница. При появлении Рваного Уха ему велено было жалобно мявкать, но ни в коем случае не отвечать ни на какие вопросы. Не успевший огрубеть подростковый голос Свистка чем-то напоминал голос Марыси, и Гарик надеялся, что подмена останется незамеченной. Однако самого Свистка, опасаясь, как бы верткий

парнишка раньше времени не улизнул и не подставил под удар его план, Гарик ни о чем предупредить не стал. Он велел Бабаю устроить так, чтобы практикант сначала оказался в яме, а уж потом узнал, зачем он туда попал. Что Бабай в точности и выполнил.

— Загляни-ка еще разок. Может, в уголок куда забилась, а мы и не заметили, — сказал Бабай юному бандиту, когда они очутились у знакомого погребца.

Исполнительный Свисток тут же сунул голову в проем, и Бабай столкнул его в яму.

При падении Свисток сильно ушиб переднюю правую лапу и плечо, поэтому теперь ему и притворяться не было нужды: боль и страх сами выдавливали из него жалобные звуки.

Через некоторое время он услышал наверху голос Рваного Уха.

— Вот что, Марыся, — заговорил он. — Мы тебя хоть сейчас освободим. Но за это ты должна сказать всему обществу, что Демагог грозился тебя убить, а ты в ответ попросила Гарика и Ништняка тебя защитить от этого бандита. Ты согласна?

Свисток неловко повернулся, задел покалеченной лапой за стенку погребца и взвыл от боли.

— И так всю дорогу, — сокрушенно заметил Гарик. — Слова от нее не добьешься. Одно нытье...

— Девица!.. Что с нее взять! — снисходительно сказал Рваное Ухо, еще немного послушал скулеж Свистка и махнул лапой: — Ладно, обойдемся и без нее.

Когда Рваное Ухо в сопровождении Гарика и Ништняка ушел, Свисток стал просить Бабая вытащить его. Тот и рад был бы, да не знал — как. Столкнуться в яму оказалось гораздо проще.

— Ты пока, Свисток, поспи, — посоветовал Бабай. — Гарик вернется и что-нибудь придумает. — И поспешил убраться.

— ...Гарик с Ништняком меня подставили, свою шкуру спасая! И Бабай тоже скотина гнусная!.. — размазывая слезы по щекам, всхлипывал Свисток, кровно обиженный на своих учителей.

— Будешь знать, с кем водиться, — сурово сказал Федька.

— Да я с ними вообще не стану водиться! — решительно заявил Свисток и попросил: — Ребята, возьмите меня к себе!

— Ишь, шустрый какой! Тебя только нам и не хватало! — фыркнул Федька.

— Возьмите! Я еще вам пригожусь! — взмолился Свисток.

— Да зачем ты нам нужен? — был непреклонен Федька.

— А мне его жалко, — призналась Марыся. — По-моему, он не совсем еще испорченный мальчишка. Просто — трудный подросток, который попал в плохую компанию. Ему надо помочь, а не гнать от себя.

— Правильно, Марыся, — поддержала Мурка. — Ты-то намного лучше был, пока не встретился с Димой. — набросилась она на Федьку.

— Ладно, оставайся, — позволил Демагог. — Но на Большой Поляне тебе придется все честно рассказать собранию.

— Я расскажу, я обязательно расскажу! — заверил обрадованный Свисток, и команда, пополнившаяся еще одной кошачьей единицей, заспешила к Большой Поляне.

Когда выбрались на проселок, Лорд сказал:

— А здесь, ребята, наши пути расходятся. Все-таки негоже собаке заниматься кошачьими делами. Меня могут не так понять. Пока!

— Большущее вам, Лорд, спасибо за помощь! Вы настоящий друг! — с чувством сказал Демагог.

— Ой, Лордик, какой ты хороший! — следом за ним промурлыкала Марыся.

Лорд пожал Демагогу лапу, лизнул в щеку Марысю и, одарив остальных дружеским «гав-гав-гав», что в переводе с собачьего означало что-то вроде «не поминайте лихом, друзья», побежал своей дорогой.

Уже совсем стемнело. В небе заискрились звезды. Близилась полночь и следовало торопиться на Большую Поляну. Но Демагог не двигался, о чем-то размышляя.

— Ты чего? — удивился Федька.

— Я вот что подумал, — сказал Демагог. — О том, что мы нашли Марысю, кроме нас, никто пока знать не должен. Ведь Гарику и Ништяку она сейчас нужна не меньше, чем нам. Поэтому на Большую Поляну мы отправимся без Марыси. Зато представляете, каким сюрпризом для банды станет ее внезапное появление на собственном балконе как раз в тот момент, когда Рваное Ухо решит, что дело уже в шляпе!

— Отличная идея, парень! — одобрил Степан-ветеран и поделился своими соображениями: — Только мне кажется, что до поры до времени и Свистка тоже никому показывать не надо. Он у нас за главного свидетеля пойдет.

— Прекрасно! — воскликнул Демагог. — Будет двойной сюрприз. Так и сделаем. А сюрпризы эти на место, то есть к Марысе на дачу, доставят Федька с Минтаем. Федька — для охраны, а Минтай хорошо знает поселок.

— Ну нет! — решительно воспротивился старый кот. — Им никак нельзя! Всем же известно, что они — главные твои помощники. На Большой Поляне их отсутствие сразу заметят. А вот я... Ну кто обратит внимание на то, здесь ли, нет ли старый облезлый пенсионер... Да и дачи наши я не хуже Минтая знаю. И охраны лишней не надо. Сам оборонюсь, ежели что. Всю жизнь бойцом был, не привыкать. Так что по всем статьям «сюрпризы» надо доставить мне.

Демагог возражать не стал.

ГЛАВА 38. И точку ставит поединок

На Большой Поляне собирался кошачий народ. Кошки сидели на толстой железной трубе, которая брала начало от водонапорной башни и, пересекая поляну, исчезала в огородах. Кошки прохаживались вдоль трубы. И те, и другие были в напряженном ожидании.

Всех волновало, найдет ли Демагог Марысю, или Рваное Ухо спрятал ее так надежно, что шансов у командира кошачьего патруля доказать свою невиновность никаких? А в том, что рэкетеры сами устроили похищение, сегодня уже никто не сомневался. Как и в том, что понадобилось им это для восстановления своего воровского Порядка. Тем более что кое-кто из бандитов, уверовав, видно, что прежняя жизнь возвращается, уже успел некоторых кошек оставить без обеда.

Если не считать Свистка, то банда Рваного Уха присутствовала на Большой Поляне в полном составе. Сам пахан восседал на березовом пне в десятке метров от Марысиной дачи. Справа и слева от рыжего главара застыли Гарик и Ништяк. Только отбивавшие нервную чечетку хвосты выдавали их сильное волнение.

— Идут, идут! — послышалось вдруг на дальнем конце трубы, возле водонапорной башни, и зашелестело по кошачьей цепи.

Как раз в это время дачный сторож включил освещение, и возле башни все увидели команду Демагога.

Кошачий патруль направлялся напрямик к березовому пню, на котором в позе полководца, готового принять безоговорочную капитуляцию, поджидал Рваное Ухо.

Забив хвостами с удвоенной силой, Гарик и Ништяк подались вперед... И разом облегченно вздохнули: Марыси с Демагогом не было. Куда она вообще подевалась — разберутся позже, а пока — спасены!..

За несколько шагов до пня Демагог остановился напротив Рваного Уха, а его команда выстроилась позади полумесяцем.

Гарик еще раз придирчиво оглядел патруль — как будто все здесь, на месте — и окончательно успокоился.

— Ну вот и банда Демагога прибыла, — удовлетворенно сказал Рваное Ухо. — И чем вы нас сегодня порадуете? Ты не забыл, Демагог, на каких условиях вас вчера отпустили? — спросил он.

— Нет, не забыл, — невозмутимо ответил Демагог.

Рваное Ухо пристально посмотрел на своего противника. Тот держался спокойно, глаз не опускал. И рыжий бандит почувствовал неясную пока тревогу.

— Так где же Марыся? — задал он новый вопрос.

Демагог, однако, с ответом не спешил, явно чего-то ожидая.

И смотрел куда-то поверх головы Рваного Уха. Наконец улыбнулся и сказал:

— Сейчас увидишь.

Рваное Ухо быстро обернулся, пытаясь понять, куда смотрит Демагог и чего ожидает, и с удивлением заметил на перилах балкона Марысиной дачи Степана-ветерана. Как он там очутился и что делал? Рваное Ухо встревожился уже не на шутку.

— Степан! — крикнул старому коту Демагог. — Покажи, пожалуйста, уважаемому обществу Марысю. Пусть все убедятся, что она дома. А заодно послушают рассказ о ее приключениях.

Степан-ветеран важно кивнул, спрыгнул с перил и скрылся за приоткрытой дверью мансарды.

Кошки на поляне разом притихли, а у Гарика с Ништяком так сперло дыхание, что воздух плотным комом застрял в их глотках.

К Рваному Уху пришла запоздавшая догадка...

Несколько мгновений томительного ожидания, и вот на перилах балкона показалась пушистая грациозная Марыся в сопровождении Степана-ветерана.

— Привет, ребята! — промурлыкала она, помахав лапкой, и развеяла последние сомнения у тех, кто сразу не поверил своим глазам.

Увидев Марысю, Рваное Ухо чуть не свалился с пня. Кое-как совладав с собой, он спросил ледяным тоном своих «шестерок»:

— Это как надо понимать?

— Да чего тут понимать? — за Гарика и Ништяка насмешливо ответил Федька. Надули они тебя. Марысю проворонили, а на твои рыжие рваные уши навешали лапши. Облапошили, в общем, как слепого котенка.

— Не слушай его, пахан, не слушай!.. — отступая, жалко лепетал Гарик.

— В натуре, пахан, на понт берет! — еще быстрее напарника пятился Ништяк.

И тут еще одна догадка пришла к Рваному Уху.

— А где Свисток? — тем же наводящим ужас тоном поинтересовался он.

И снова бандитов опередили с ответом. Теперь уже — Демагог.

— Не спеши, Рваное Ухо. Будет тебе, как любит говорить мой хозяин, и белка, будет и свисток. Но сперва давай-ка лучше послушаем Марысю.

Марыся тем временем вышла на поляну и обступившим ее кошкам стала рассказывать. О том, как очутилась на дне старого погреба, как услышала от хваставшегося Бабаю Гарика историю своего таинственного похищения, как морили ее бандиты голодом, как бежала она на рассвете из темницы и скрывалась в лесу и как нашел ее, наконец, кошачий патруль...

— Врет она все! — отступив от Рваного Уха на безопасное расстояние, закричал Гарик. — Не верьте ей, она с ними заодно, я знаю. Это они заставляют ее говорить, как им надо...

— Как не стыдно! — возмутилась Марыся. — Я никогда не вру! И никто меня ничего не заставляет. А вот ты, наглый и нечестный кот, действительно все хочешь свалить с больной головы на здоровую.

— Не волнуйся, Марыся, — успокоил ее Демагог. — Сегодня у него такой номер не пройдет. — Командир кошачьего патруля повернулся к Рваному Уху. — Ты, кажется, интересовался Свистком? Сейчас увидишь его и услышишь. Он как раз собирался сообщить кое-какие интересные подробности: и о похищении Марыси, и о том, как тебя твои же помощники обманули.

Умирая от любопытства, кошки озирались, ища Свистка. Но он возник среди них совсем незаметно.

Гарик и Ништяк рванулись было к нему, чтобы не дать говорить, но кошачий патруль был начеку.

Свисток слово свое сдержал и честно рассказал все. Не забыл упомянуть, как сам оказался в злополучном погребке. А напоследок поклялся исправиться и жить честной кошачьей жизнью.

— Ну что ж, — сказал Демагог, когда Свисток замолчал, и поискал глазами Калькулятора. — Эй, господин начальник, давай подводить итоги. Пора ставить точку.

Калькулятор попытался что-то возразить, но ему не дали и рта раскрыть.

— Все ясно!.. Гнать банду Рваного Уха из поселка!.. — послышались голоса.

— Ну, нет!.. — вне себя от злости зашипел Рваное Ухо. — Так просто вы от меня не отделаетесь. Я вам еще покажу! А ты, Демагог, раз уж стал таким крутым и смелым, выходи со мной драться. И пусть точку поставит поединок!

Демагог давно ждал этого вызова. Но вот он прозвучал, и все равно оказался неожиданным. Демагог замешкался с ответом, и Рваное Ухо с издевкой сказал:

— Что, Демагог, кишка тонка? То-то. Я не какой-нибудь там Гарик или Ништяк. Против меня еще никто не мог устоять.

— Ах, как страшно! — насмешливо отозвался Демагог, но тут же посерьезнел: — Ладно, хватит языком молотить. Лучше перейдем к делу... — И стал выгибать спину, принимая боевую стойку.

— Только учти, — ржаво проскрипел рыжий бандит, — биться будем по старым уличным правилам.

— Что это еще за правила? — повернулся Демагог к стоявшему рядом Степану-ветерану.

— Жестокие, парень, правила, очень жестокие. А проще сказать — вовсе без правил. Любые приемы годятся. Нет ничего недозванного. Сражаться надо не на жизнь, а на смерть. Ну а побежденный, если уцелеет, уступает победителю свою территорию и уходит с позором.

Холодок прежнего страха пробрал Демагога. Но обступившие кошки ждали развязки. Ему удалось доказать, что он не преступник, отстоять свое честное имя. Теперь пришла пора доказывать, что он не трус, что он сильнее рыжего бандита. «Уважай свою породу», — говорил ему когда-то Лорд. А какое может быть уважение к трусу? Нет, поединок должен состояться, и он должен показать все, на что способен.

— Хорошо, — согласился Демагог, — будем биться по старым уличным правилам.

Толпа расступилась, освобождая пространство для боя.

— Осторожно, Дима, — предупредил Степан-ветеран. — Ты еще в подобных переделках не бывал, а он котяра опытный и коварный. От него чего угодно можно ожидать.

— Следи за его задней левой, — наставлял с другого бока Федька.

И вот противники сошлись...

Рваное Ухо попытался тут же пустить свой коронный удар-молнию, и попал в пустоту, хотя мог поклясться, что мгновение назад противник был именно там, куда он целил.

Удачно уйдя от удара, Демагог почувствовал себя гораздо увереннее.

Рваное Ухо, напротив, сделав еще пару напрасных попыток сбить противника с ног, занервничал.

Они кружили по поляне, не спуская глаз друг с друга. Но, удачно защищаясь, Демагог тем не менее не пытался атаковать, хотя уже и пора было бы воспользоваться замешательством противника, явно расставшегося с надеждой на быструю победу. Сказывалось, конечно, отсутствие боевого опыта, но куда больше мешала Демагогу его врожденная доброта. Не накопилось в нем столько злости, чтобы биться до кровавого тумана в глазах. Более того, в самой глубине души Демагог надеялся, что, покружив вот так еще немного, продемонстрировав боевое кошачье искусство, они наконец остановятся, как спортсмены на ринге, пожмут друг другу лапы, а потом мирно договорятся обо всем остальном.

Но Рваное Ухо, разумеется, ни о чем подобном и не помышлял. Поняв, что наскоком Демагога ему не взять, он решил сменить тактику. Но на какие бы хитрости рыжий бандит ни пускался, его противник был начеку.

И тут краешком глаза, совсем рядом, в толпе зевак Рваное Ухо увидел Гарика. У него сразу же мелькнула мысль...

— Отвлеки, — одними губами шепнул он Гарику. Тот понятиливо кивнул и неожиданно заорал:

— Смотрите, Мрыся опять исчезла!

Вздрогнув, Демагог невольно обернулся на крик. Отвлекаясь он всего на мгновение, но этого Рваному Уху оказалось достаточно, чтобы нанести свой страшный удар.

Демагог упал, и все поплыло у него перед глазами. Рваное Ухо снова бросился на командира кошачьего патруля. Заповедь «лежачего не бьют» была не для него. И он не только бил, но и норовил вцепиться Демагогу в горло.

Демагог, еще не придя окончательно в себя от удара-молнии, вяло отбивался, перекатываясь с одного бока на другой. Надо было быстрее подниматься, но сильно гудела голова, по телу разливалась противная слабость, и снова напал сковывающий его страх.

— Демагог, вставай! Вставай, Дима! Поднимайся, парень!.. — доносились до него голоса Минтая, Федьки, Степана-ветерана.

— Как же, встал! — довольный собой, веселился рыжий бандит. — После ударов Рваного Уха уже не встают. Или подымают, или уползают калеками с вечным позором.

— Bravo, пахан! — подхалимски выкрикнул Гарик.

— Ништяк приложил! — с готовностью присоединился его трехцветный напарник. Подогретый их льстивым вниманием и подавленным молчанием зрителей, Рваное Ухо сказал:

— Один момент, господа кошки. Сейчас будет поставлена точка. Вы станете свидетелями того, как я выбью последнюю пыль из этого полосатого профессорского тьюфяка, вытру об него лапы и вышвырну на помойку!

И тут до слуха Демагога донесся голос Марыси:

— Димочка, миленький, поднимайся! Я здесь, я с тобой!.. — умолял он.

Значит, никуда Марыся не исчезла, значит, его просто обманули, хотели таким образом отвлечь. Ах, негодяи!..

Застилавший глаза туман стал рассеиваться, боль уходить.

Марысин голос заставил его очнуться, влил новые силы. Вместе с ним пришла и долгожданная боевая злость, которую, сам того не подозревая, рыжий бандит вероломством своим возбудил в противнике. И не успел Рваное Ухо изготавиться для последнего удара, как совершенно неожиданно для него и большинства зрителей Демагог вскочил.

Рваное Ухо невольно отпрянул, и теперь уже Демагог воспользовался секундной растерянностью противника. Высоко подпрыгнув, он разогнулся в воздухе тугой мощной пружиной и протаранил рыжего бандита сразу обеими задними лапами.

Пахан свалился как подкошенный. Он, правда, тут же вскочил, но не настолько резво, чтобы принять необходимые меры для защиты, а потому получил следом еще один

удар, который и вовсе отшвырнул его к пню, где еще несколько минут назад восседал он в позе победителя.

В боевом азарте Демагог прыжком настиг противника и вцепился в него когтями.

Взвыв от боли, Рваное Ухо попытался вырваться, но, навалившись всем телом, Демагог крепко прижал его к пню. Только после отчаянных усилий, уже изрядно потрепанный, рыжий бандит все-таки освободился и пустился бежать.

Поспешили было на помощь у нему Гарик и Ништяк, но тут уж в дело вступили бойцы кошачьего патруля и погнали банду сквозь живой кошачий коридор.

— Калькулятор! — рывкнул Рваное Ухо, заметив среди кошек бухгалтерского кота. — Зови Полкана. Зря, что ли, я его все лето прикармливал?

Калькулятор метнулся к усадьбе сторожа, и очень скоро оттуда раздался зычный лай, который стал быстро приближаться.

Кошачий коридор распался. Никто не хотел попасть свирепому псу в пасть.

В кошачьем патруле тоже почувствовалось некоторое смятение.

Кто бы мог подумать, что Рваное Ухо в сговоре с самим Полканом. А с ним шутки плохи...

Большая Поляна почти полностью опустела. Только Рваное Ухо с Гариком и Ништяком да Демагог с верным отважным Федькой, не боящимся ни воды, ни злых собак, остались стоять друг против друга.

— Что — взяли? — обнажил свои желтые клыки Рваное Ухо. — Не отросли еще те лапы, которые могли бы меня, кота в законе, достать. А вам сейчас будет крышка!

Пес дачного сторожа был уже совсем рядом.

— Ату его, Полкаша, фас! — радостно взревел рыжий бандит.

Полкан рванулся к Демагогу с Федькой. Выгнув спины, они отчаянно шипели, намереваясь недешево отдать свои жизни. Вдруг, словно наткнувшись на невидимую преграду, цепной пес резко осадил, остановился и даже попятился. А на поцарапанной морде Рваного Уха отразились страшное удивление и испуг.

— Ай-яй-яй, Полкан, как нехорошо, как стыдно! — услышал Демагог знакомый голос. — Зачем же ты лезешь в кошачьи дела? А тем более принимаешь сторону тех, кто творит несправедливость? Ты, честный сторожевой пес, а связался с ворами и бандитами...

Демагог с Федькой радостно оглянулись: так и есть — Лорд!

— Не позорь честь сторожевой собаки, — продолжал выговаривать дог пристыжено опустившему голову Полкану. — Пошли лучше по домам, а кошки, я думаю, и без нас прекрасно во всем разберутся.

Полкан послушно повернулся и, не оглядываясь, побежал к своей усадьбе.

— Опять вы нас выручаете, Лорд! — воскликнул Демагог. — Как нам благодарить вас?

— Не стоит благодарности, — сказал благородный дог. — Я должен был указать Полкану его место. А за тебя, Демагог, я искренне рад. Порода в тебе теперь чувствуется не только по экстерьеру. Я рад... Ну, пока, ребята! И спешите довести ваше дело до конца...

— И, правда... Вперед, ребята, за бандой! — спохватился Демагог, а Федька подхватил:

— Погнали! Чтобы и духу их в поселке не было!

И кошачий патруль погнал бандитов.

Впрочем, был это уже не патруль, а целое войско, потому что к Демагогу и его друзьям присоединялись все новые и новые кошки, счастливые оттого, что власти Рваного Уха и его воровского Порядка приходит конец.

Когда бандиты оказались на проселочной дороге, ведущей на шоссе, Рваное Ухо, бросив прощальный взгляд на оставшиеся позади дачи, где так славно он провел лето, на толпу преследователей, крикнул:

— Я уйду, Демагог, но не прощаюсь. Сойдутся еще наши пути-дорожки, когда-нибудь встретимся...

— Ладно-ладно, проваливай! — бросил ему в ответ Демагог и прекратил преследование.

Под радостные вопли, улюлюканье, насмешки разгоряченных и гордых своей победой дачных кошек банда Рваного Уха уходила все дальше, пока не скрылась за поворотом проселочной дороги.

ГЛАВА 39. Прощальная

Незаметно подкатила осень, и сочные краски лета поблекли.

Дачники разъезжались, забирая в городские квартиры кошек и собак.

Одним из первых увозили Пуфика. И перед отъездом, конечно, долго не могли его отыскать.

Демагог обнаружил Пуфика в тальниках на берегу Мосихи. Он смотрел на свое отражение в прозрачной воде и плакал. Никак не хотел возвращаться. Демагог утешал товарища, а сам с грустью думал, что скоро и его черед.

Ах, что за странные существа — люди! Почему они так спешат вернуться в душные грязные города? Ведь до чего хорошо и привольно здесь, на даче!

Когда, придя прощаться с уезжавшим догом, Демагог заговорил на эту тему с Лордом, умный пес рассудительно сказал:

— Такова уж, видно, наша — городских домашних животных — доля. Мы зависим от хозяев, а они без города почему-то жить не могут. Хорошо хоть на лето вывозят нас свежим воздухом подышать. Но меня, знаешь ли, другое беспокоит. Как бы там ни было, но мы-то с тобой зимовать будем в тепле и сытости. А вот некоторые другие... На свете немало людей, для которых кошка или собака — всего лишь игрушка на одно лето: позабавился — выкинул! Видел бы ты, сколько на дачах каждый год остается брошенных хозяевами животных, сколько их обречено на голод и холод!..

Кое-кого из этих несчастных Демагог уже и сам успел увидеть. В том числе и среди своих новых друзей. Бросили на произвол судьбы Степана-ветерана. Беспризорными остались Карбофос со Свистком. Бесприютная зима ожидает Федьку с Муркой и Кривого Боцмана.

Они сообща победили банду Рваного Уха. Но, одолев эту несправедливость, оказались перед лицом еще большей. И как сделать, чтобы всем хватало тепла, ласки, заботы, чтобы не было обездоленных, выброшенных на улицу? Как сделать, чтобы все между собой жили в ладу и согласии? Как добиться того, чтобы никто никого не притеснял, не унижал, чтобы главным правом сильного была защита слабого?..

У Демагога не было ответов на эти вопросы. Зато приходила в голову мысль: взять да уехать всем вместе в город, раз нельзя оставаться тут, да и жить одной семьей. Вот было бы здорово! И совсем было бы замечательно взять с собой Марысю! Но ее, увы, увезли в город следом за Пуфиком. Случилось это так неожиданно, так поспешно, что они даже не успели попрощаться. Два дня потом Демагог потерянно бродил вокруг резного теремка, звал Марысю, пока кто-то из соседских кошек не сообщил ему, что она уже уехала.

Утешало одно: предчувствуя неизбежное расставание, они с Марысей поклялись — что бы ни случилось, не забывать друг друга, а следующим летом снова встретиться здесь, на Большой Поляне.

Но вот наступил и его день отъезда. Демагог понял это по царившему с утра на даче беспорядку, а главное, по знакомой серой дорожной сумке, в которой совершил он первое свое сюда путешествие.

Демагог тяжело вздохнул и поспешил незаметно выскользнуть из дома, чтобы напоследок сбегать попрощаться с друзьями.

Но бежать ему куда не пришлось. Друзья уже поджидали его у крыльца.

— Вот, Димочка, и ты уезжаешь, — печально сказала Мурка.

— А как же вы? — спросил Демагог и сглотнул горький комочек.

— Нам не привыкать. Как-нибудь переберемся! — с наигранной бодростью отозвался Федька и покосился на округлившуюся Мурку.

— Ого, сколько к нам сразу гостей пожаловало! — удивилась, выйдя на крыльцо, мама.

— Провожать пришли, — догадался папа-профессор.

Демагог стал тереться о ноги хозяев и просяще мяукать.

— Ты же недавно завтракал! — возмутилась мама, но папа сказал:

— Он не есть просит. Здесь что-то другое. Прислушайся внимательнее. Он пытается нам что-то объяснить. Мне даже кажется, просит помощи.

Герой же наш, показывая на друзей, говорил хозяевам примерно следующее:

— Посмотрите, какие они славные! Неужели вам их не жалко? Им не повезло, у них нет добрых хозяев, так давайте поможем им! Давайте возьмем их с собой, иначе они долгой зимой пропадут от холода и голода...

Профессор сел на ступеньку крыльца и задумался. Кошки смирно ждали на кирпичной площадке, и столько в глазах их было тоски, что у мамы с Наташей навернулись слезы, а у профессора запершило в горле.

— Ах, Дима, Дима, добрая душа! — сказал наконец профессор. — Да разве всем сможешь? Разве всех обогреешь?

— А кошонка-то скоро окотится, — посмотрев на Мурку внимательнее, заметила мама.

— Мама, ну хотя бы ее давай заберем с собой, — стала просить Наташа.

— Что ты, дочка! — запротестовала мама. — Она ж бродячая! У нее лишаи могут быть, или еще какая-нибудь зараза... Нет, нет и нет!..

— Тогда вот что... — сказал профессор. — Устроим всем прощальный обед. А там... там посмотрим. Я осенью еще не раз на дачу приеду: овощи убирать, грядки перекапывать. Буду подкармливать. А с кошкой... — Профессор немного подумал, потом поднялся и, обойдя крыльцо, открыл сбоку, под ступеньками, маленькую дверцу, о которой Демагог раньше и не подозревал. За ней обнаружилась крохотная кладовочка. В ней было сухо. На земле лежали толстые деревянные плахи.

— Тут мы ей и постелим, — решил профессор и велел женщинам:

— Принесите какие-нибудь тряпки! — А когда лежбище было готово, позвал Мурку: — Иди-ка сюда, дорогуша!

Мурка с удовольствием переступила порог чуланчика. Крыше над головой и удобной теплой постели, приготовленной ей мамой и Наташей, она очень обрадовалась. Еще бы! Все лето приходилось спать на земле.

— Дверцу плотно закрывать не станем, чтобы можно было в любое время свободно зайти-выйти, — сказал профессор и повернулся к Демагогу. — Вот пока, пожалуй, и все, что мы можем сделать для твоих друзей.

Демагог благодарно потерся о его ногу.

Потом, как и обещал профессор, был прощальный обед. Он удался на славу! Все хорошо поели, а друзьям Демагога кое-что оставили про запас.

А после обеда профессорская семья отправилась на станцию.

Демагог лезть в сумку категорически отказался. Не захотел и на хозяйском плече восседать. Редкие в этот осенний пасмурный день дачники на пути к станции могли наблюдать любопытное зрелище. Впереди с рюкзаком за плечами шел поджарый мужчина в очках, за ним — женщина с серой дорожной сумкой и девочка лет двенадцати. А за

ними — вереница почти из десятка разномастных кошек с большим полосатым красавцем котом во главе.

Это был последний выход кошачьего патруля. Но на этот раз он шел провожать своего командира.

Оповещая о своем прибытии, пронзительно свистнула электричка.

С шипеньем отворились вагонные двери. Наташа подхватила своего питомца и поднялась по ступенькам в вагон.

В вагоне девочка поднесла Демагога к открытому окну, и он увидел внизу, на платформе, выстроившихся шеренгой друзей.

Поезд тронулся.

— Прощай, Дима!..

— Не забывай нас!..

— Возвращайся!.. — кричали ему с платформы.

И последнее, что услышал Демагог в нарастающем железном грохоте, был голос Мурки.

— Мы все тебя очень любим, Дима! — догонял ее голос убегавший поезд. — Мы все... тебя... любим!.. Все тебя...

— Я тоже... — шептал Демагог. — Я тоже...

И сердце его тоскливо сжималось.